

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ

О ДОКЛАДАХ И ПОЛЕВЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ
ИНСТИТУТА ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ
КУЛЬТУРЫ

59

54 жз
ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ
О ДОКЛАДАХ И ПОЛЕВЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ
ИНСТИТУТА ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ
КУЛЬТУРЫ

59

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Ответственный редактор *А. Д. Удальцов*
Зам. ответственного редактора *Т. С. Пассек*

Члены редколлегии:

А. В. Арциховский, С. Н. Бибилов, М. П. Грязнов, Л. А. Евтюхова,
А. Ф. Медведев (отв. секретарь), Г. Б. Федоров

I. СТАТЬИ И ДОКЛАДЫ

А. А. ФОРМОВ

О ВРЕМЕНИ ВОЗНИКНОВЕНИЯ РАЗЛИЧИЙ МЕЖДУ
СЕВЕРНЫМИ И ЮЖНЫМИ КУЛЬТУРАМИ КАМЕННОГО ВЕКА(Доклад, прочитанный в Секторе неолита, бронзы и раннего железа ИИМК
в январе 1954 г.)

Широко развернувшееся в последние годы исследование поздненеолитических стоянок европейской части СССР определенно показало, что древнее население этой территории в эпоху неолита было этнически неоднородно. В конце IV—начале III тысячелетия до н. э. на территории Русской равнины выделяется несколько крупных областей. Население их различалось по своей материальной культуре и принадлежало, повидимому, к разным этническим группам. Особенно четко прослеживается отличие северных племен, для которых была характерна керамика с ямочной и, позднее, с ямочно-гребенчатой орнаментацией, от причерноморских степных племен. Последние известны по стоянкам с микролитическим инвентарем и керамикой, украшенной прочерченным и гребенчатым орнаментом, а позднее — по курганам с ямными погребениями.

Сложение этих крупных этнических массивов — факт большого исторического значения. «Древняя группировка племен Восточной и Средней Европы (эпохи неолита. — А. Ф.) сыграла значительную роль в ходе дальнейшего исторического и этногонического процесса», — пишет П. Н. Третьяков¹. К аналогичному выводу, приходит в своей последней сводке по неолиту СССР и А. Я. Брюсов².

Накопленный в настоящее время материал еще не позволяет точно сказать, где проходила граница расселения северных и причерноморских степных племен, но некоторые данные для решения этого вопроса имеются. Наиболее подробно остановилась на нем М. Е. Фосс³, наметившая южные пределы распространения ямочно-гребенчатой керамики примерно по границе древней степи: от Киева вверх по Десне и далее по течению Оки (рис. 1). Южнее М. Е. Фосс отмечает ряд пунктов, где найдена керамика с ямочной орнаментацией, однако учтенные ею материалы не были настолько близки к северным, чтобы объединить их в одну группу.

Зафиксированные нами данные позволяют провести южную границу распространения ямочно-гребенчатой керамики несколько иначе. В низовьях

¹ П. Н. Третьяков. Восточно-славянские племена. М.—Л., 1953, стр. 29.² А. Я. Брюсов. Очерки по истории племен европейской части СССР в неолитическую эпоху. М.—Л., 1952, стр. 254.³ М. Е. Фосс. Древнейшая история севера европейской части СССР. — МИА, № 29, 1952, стр. 168—169, рис. 88.

Десны стоянки с такой керамикой неизвестны ниже Чернигова. Большой материал, собранный в последние годы украинскими археологами под Киевом и в низовьях Десны, показывает, что ямочной керамики здесь нет. Наиболее характерна для неолита этого района керамика, представленная в стоянке Никольская слободка, более близкая керамике южных степных поселений, чем северной — ямочно-ребенчатой¹. Зато в более восточных районах граница распространения ямочно-ребенчатой керамики должна быть, по сравнению с данными М. Е. Фосс, перенесена много южнее. Мы знаем ряд стоянок с ямочной керамикой под Курском на Сейме и Тускари

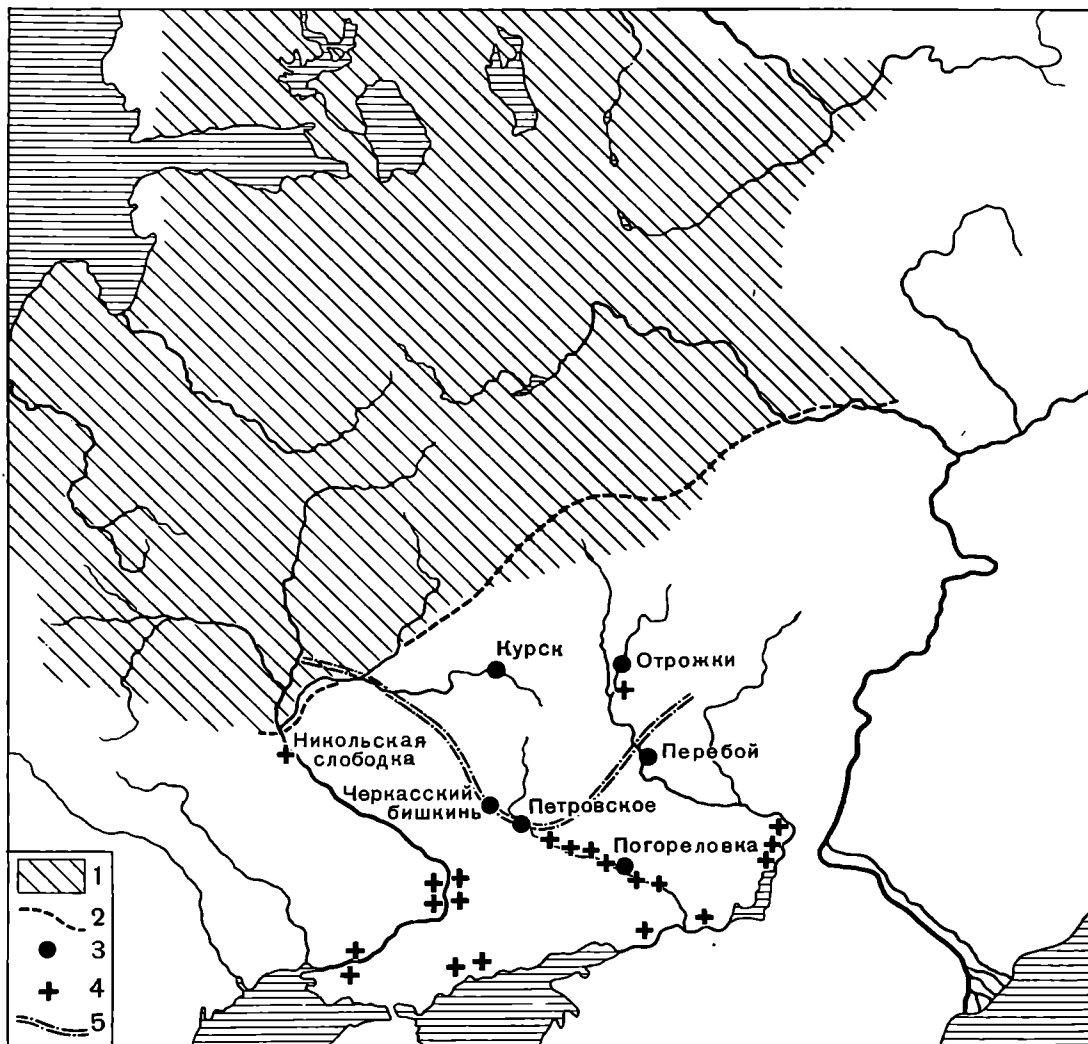

Рис. 1. Распространение разных типов неолитической керамики:

1 — область распространения ямочно-ребенчатой керамики (по М. Е. Фосс); 2 — граница древней степи; 3 — южные стоянки с ямочно-ребенчатой керамикой; 4 — стоянки с керамикой степного типа; 5 — вероятная южная граница распространения ямочной керамики.

(Харьковский лес I, Линёво озеро, Толмачево, Моква, Кривец²) и в Харьковской области (с. Черкасский бишкинь близ Змиева³). Еще южнее образцы типичной ямочной керамики собраны Н. В. Сибилевым на Петров-

¹ Коллекция Института археологии АН УССР (экспедиция «Большой Киев») — см. «Археол. пам'ятки УРСР», т. III. Київ, 1952.

² Л. Н. Соловьёв. Стоянки, селища и городища окрестностей г. Курска. — «Изв. Курск. губ. об-ва краеведения», № 4, 1927.

³ А. С. Федоровский. Доисторическое прошлое Харьковской губернии. Харьков, 1918, рис. 119.

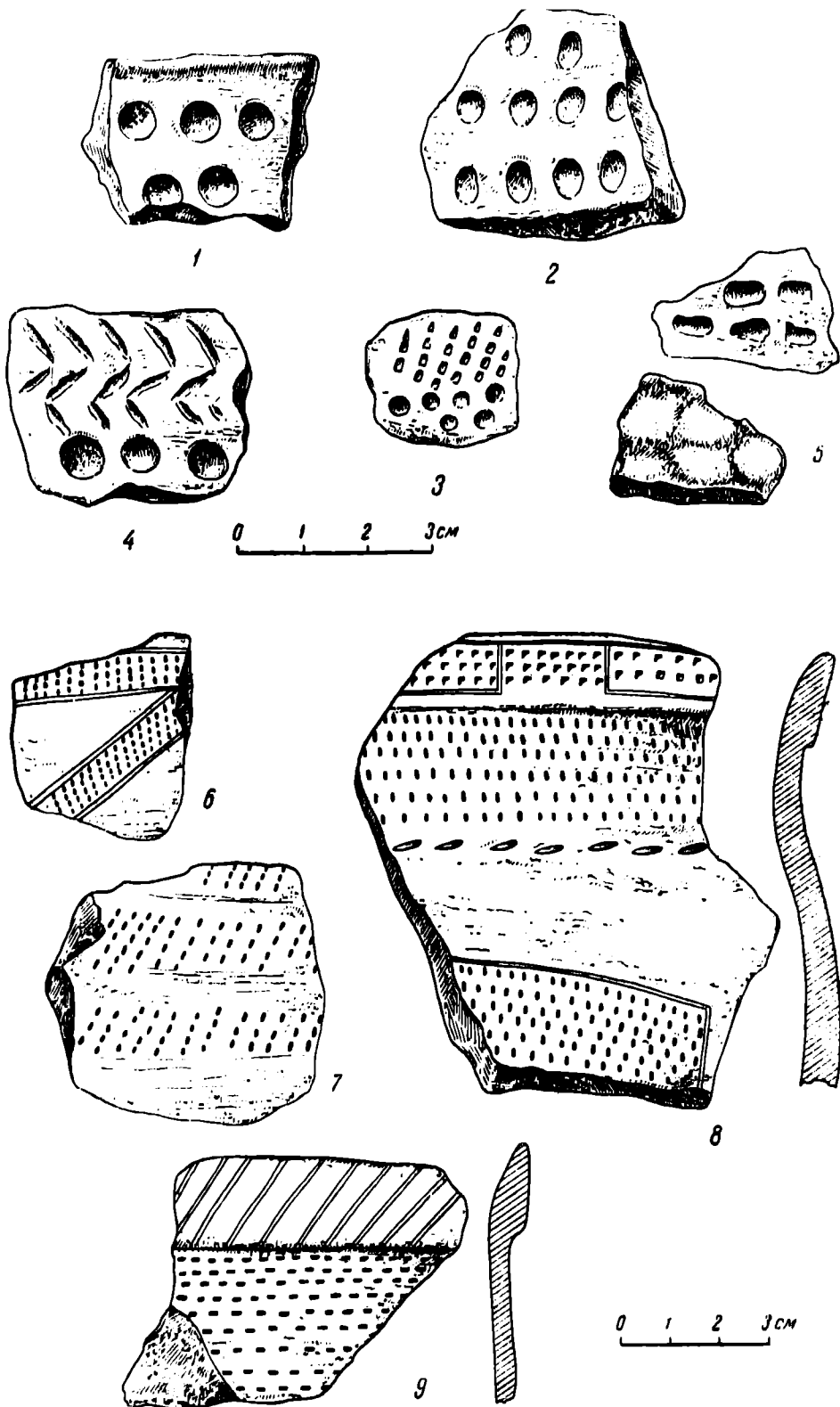

Рис. 2. Керамика неолитических стоянок из окрестностей г. Изюма и с нижнего Дона:

1 — Петровская III; 2 — Петровская X; 3—5 — Петровская XXVIII (по Н. В. Сибилеву); 6, 7 — хут. Каргальский; 8, 9 — Романовский пережат (сборы Г. И. Горещного).

ских стоянках (III, X и XXVIII) близ г. Изюма¹ (рис. 2 — 1-5). В большинстве стоянок Изюмщины нет, однако, ямочной керамики, а имеется посуда степного типа, с орнаментом из сплошных полей гребенчатых отпечатков. Следовательно, можно провести границу между двумя древними группами населения именно в этом районе. Нельзя, однако, не указать на отдельные черепки с ямочным орнаментом, найденные еще ниже по Дону на Погореловской стоянке близ Ворошиловграда².

Восточнее такая керамика зафиксирована в Воронежской области. Под Воронежем близ ст. Отрожки собрана типичная ямочно-гребенчатая керамика с белемнитным орнаментом, перемежающимся поясками косых гребенчатых отпечатков. Есть здесь в то же время и керамика южного типа, крупная, с растительными примесями в глиняном тесте, орнаментированная перекрещивающимися гребенчатыми линиями³. Отдельные черепки с ямочно-гребенчатым орнаментом известны на Дону и много южнее — близ г. Павловска на стоянке Перебой⁴. Но для Нижнего Подонья характерна уже керамика с гребенчатым и прочерченным орнаментом, сходная с керамикой степных украинских стоянок (рис. 2 — 6-9).

Таким образом, в бассейне Северного Дона и Дона стоянки с ямочно-гребенчатой керамикой распространены до среднего течения этих рек. В целом можно констатировать, что совпадения южной границы распространения ямочно-гребенчатой керамики с границей древней степи нет. Это свидетельствует об этническом значении (а не о природной обусловленности) различий между неолитическими стоянками Севера и Юга Русской равнины.

Когда же впервые наметилось различие в культуре этих двух районов — только в III тысячелетии до н. э. или раньше, «когда древние обитатели южных областей Европы после отступления ледника расселились по всему материка», — как предполагает П. Н. Третьяков?⁵ Для решения этого вопроса необходимо проанализировать кремневый инвентарь восточно-европейских стоянок эпохи мезолита, предшествующих поселениям с ямочно-гребенчатой керамикой и керамикой степного типа. Памятники эпохи мезолита европейской части СССР тоже неоднородны, и различия северных и южных мезолитических стоянок значительны. Они прослеживаются прежде всего в типах метательного вооружения: на севере в мезолите были широко распространены стрелы с цельными кремневыми наконечниками, на юге — составные наконечники дротиков с вкладышами. В соответствии с этим северные мезолитические стоянки характеризуются широким распространением иволистных или черешковых наконечников стрел из ножевидных пластинок, а для южных типичны вкладыши — геометрические орудия в виде сегментов и трапеций, которых нет на севере⁶. Необходимо выяснить границу между этими двумя группами памятников и ее соотношение с охарактеризованной выше границей двух этнических массивов эпохи позднего неолита.

Очень существенно, что мезолитического типа наконечники стрел на пластинах еще встречаются в стоянках с ямочной керамикой, а трапеции распространены в неолитических и энеолитических стоянках Юга. Это позволяет перекинуть мост от мезолитических стоянок к неолитическим.

Приведем некоторые примеры находок орудий мезолитического типа на неолитических стоянках. Наконечники стрел из ножевидных пластинок найдены на целом ряде памятников с ямочно-гребенчатой керамикой: на стоян-

¹ М. В. Сибильов. Старовинності Ізюмщини, вып. III. Изюм, 1928, табл. LIII—LV.

² С. А. Локтюшев. Доисторический очерк Средней Донеччины. Луганск, 1930.

³ Коллекции Воронежского музея.

⁴ Указание С. Н. Замятнина.

⁵ П. Н. Третьяков. Указ. соч., стр. 20.

⁶ М. В. Воеводский. Мезолитические культуры Восточной Европы. — КСИИМК. вып. XXXI, 1950; А. А. Формозов. Из истории передвижения групп первобытного человека эпохи мезолита. — СЭ, I, 1953.

ках по среднему и нижнему течению р. Сож¹, на средней Десне (Холм и Селецкие дюны под Трубчевском², мыс Очкинский близ Новгорода Северского³) на Оке (Воронец под Белевым, Шумаш под Рязанью⁴, Гавриловская стоянка близ г. Горького⁵) и в более северных районах (Галич⁶, Кубенино близ Каргополя⁷, Рыбрека на Онежском озере⁸). Геометрические орудия встречены вместе с керамикой в неолитических стоянках Днепровских порогов (Сурской остров II⁹, Шулаевский остров¹⁰), среднего течения р. Донца (Бондариха, Устье Оскола I и II¹¹) и Приазовья (стоянка у Красного озера)¹² и в грунтовых могильниках, связанных по культуре со стоянками (в Марьевском правобережном, Вовнижском, Чаплинском и Мариупольском)¹³. Наиболее северный пункт находки трапециевидных орудий вместе с неолитической керамикой — киевские стоянки Вишенки и Никольская слободка¹⁴. Таким образом, пережитки мезолитической техники прочно удерживались в неолитических стоянках, и для IV—начала II тысячелетий до н. э. характерны: для севера — наконечники стрел на пластинах, для юга — геометрические орудия. Рассмотрим распространение этих видов изделий из кремня в мезолитическую эпоху.

Как известно, наконечники стрел на пластинах, иволистные и черешковые очень характерны для мезолитических стоянок бассейна Оки и Верхней Волги: Гремячего, Елина Бора и Борков на Оке, Скнятина и Соболева на Волге¹⁵. Анализ кремневого инвентаря этих памятников позволяет отнести Соболево ко времени, переходному к неолиту (находка двустороннеобработанного наконечника стрелы), Борки, Елин Бор и Скнятино к концу мезолита (ряд «тарденуазских» черт в инвентаре), а Гремячее — к середине этого периода¹⁶. Следовательно, в Волго-Окском бассейне можно проследить непрерывное бытование наконечников стрел на пластинах от середины мезолита до II тысячелетия до н. э.

К западу от волго-окских стоянок многочисленные наконечники стрел встречаются на стоянках свидерской культуры, в бассейне Сожа¹⁷. Часть

¹ К. М. Паликарпович. Дагістарычныя стаянкі сярэдняга і ніжняга Сажа. — «Працы катэдры археол. Інст. Белар. культ.», т. I, Менск, 1928; Е го же. Дагістарычныя стаянкі сярэдняга Сажа. — «Працы Археол. кам. Белар. Акад. навук», т. II, Менск, 1930.

² КСИИМК, вып. XXIII, 1948, рис. 28.

³ И. Г. Розенфельдт. Стоянка Мыс Очкинский. — КСИИМК, вып. XXXI, 1950, рис. 46.

⁴ А. Я. Брюсов. Очерки по истории племен..., стр. 52, 58.

⁵ И. К. Цветкова. Гавриловская неолитическая стоянка. — КСИИМК, вып. XVII, 1947, рис. 31.

⁶ М. Е. Фосс. Новые памятники в районе галичской культуры. — КСИИМК, вып. XVII, 1947, стр. 63—69.

⁷ М. Е. Фосс. Древнейшая история..., рис. 61.

⁸ А. Я. Брюсов. История древней Карелии. — «Тр. ГИМ», вып. IX, 1940, рис. 68.

⁹ В. М. Даниленко. До питання про ранній неоліт південної Наддніпрянщини. — «Археологія», т. III, Київ, 1950.

¹⁰ О. В. Бодянский. Неолітична стоянка на острові Шулаєвому. — «Археол. пам'ятки УРСР», т. II, Київ, 1949.

¹¹ Д. Я. Телегин. Неолитические памятники на Среднем Донце. (Автореферат кандидатской диссертации). Киев, 1953.

¹² О. Н. Бадер. Очерк работ Азово-Черноморской экспедиции. — КСИИМК, вып. XXXI, 1950.

¹³ Коллекции Ин-та археологии АН УССР. См. также М. Макаренко. Мариупольський могильник, Київ, 1930.

¹⁴ Е. Ю. Кричевский. Ранній неоліт і походження трипільської культури. — Сб. «Палеоліт і неоліт України». Київ, 1947, рис. 1.

¹⁵ Библиографию см.: М. В. Воеводский. Мезолитические культуры... — КСИИМК, вып. XXXI, 1950.

¹⁶ А. А. Формозов. Периодизация мезолитических стоянок Европейской части СССР. СА, XXI, 1954.

¹⁷ К. М. Паликарпович. Указ. соч.

из этих стоянок одновременно волго-окским, некоторые, повидимому, древнее. Такова стоянка Грянск, инвентарь которой сохраняет во многом палеолитические черты¹. Работы польских археологов показывают, что характерные свидерские типы стрел — черешковые, иволистные и наконечники с боковой выемкой уже известны в стоянках переходного от палеолита к мезолиту времени, инвентарь которых имеет целиком мадленский характер. Примером может служить стоянка Новый Млын близ Кельцев².

Со свидерскими и волго-окскими мезолитическими памятниками граничила своеобразная культура мезолита средней Десны, для которой наконечники стрел на пластинах (в основном черешкового типа) известны с середины мезолита. Этим временем датируется стоянка Смячка XIV близ Новгорода-Северского³. Многочисленны наконечники стрел и на поздне-мезолитических дюнных стоянках Новгород-Северщины, типа Кудлаевки б⁴. В переходной по времени от мезолита к неолиту стоянке Песочный Ров также собрана серия наконечников на пластинах⁵. В низовьях Десны находки этих орудий неизвестны.

В бассейне Дона наконечники стрел обнаружены в районе Изюма, но их найдено не более десятка⁶. Датировка их в пределах мезолита пока неясна. Восточнее ни мезолитические стоянки, ни находки наконечников стрел на пластинах неизвестны. В степной полосе находок наконечников фактически нет. Среди огромных материалов по мезолиту и неолиту Днепровских порогов известны лишь две случайные находки наконечников стрел (р. Вороная и остров Шулаевский)⁷. В Приазовье находок наконечников нет совсем. Особняком стоит серия наконечников мезолитической стоянки Сюрень II в Крыму. Как указывает исследователь пещеры Г. А. Бонч-Осмоловский, этот тип орудий не имеет предшественников в мезолите Крыма и не получает здесь дальнейшего развития⁸.

Что касается распространения находок геометрических орудий на Русской равнине, то они характерны как раз для тех районов, где не встречены наконечники стрел⁹. Два очень показательных вида мезолитических орудий были типичны для разных районов и, повидимому, для разных групп населения.

С самого начала мезолита известны геометрические орудия на стоянках Днепровских порогов (Осокоровка, Ямбург). Есть они и на поздне-мезолитических стоянках этого района (о. Кизелвый, Ненасытец, балка Кляуза, Сурской остров V) и на памятниках ранне-неолитического времени¹⁰. На Дону в районе Изюма и Ворошиловграда найдено очень много геометрических орудий, часть из которых относится к началу мезолита (стоянка Рогалик Якимовский). Множество геометрических орудий собрано на мезолитических местонахождениях в Крыму. Северная граница распространения мезолитических стоянок с геометрическими орудиями неясна, но судя по случайным находкам этих орудий, относящимся по крайней мере к раннему

¹ К. М. Паликарпович. Указ. соч.

² L. Sawicki. Przemysł swiderski i stanowiska Wydmowego Swidry, Wielkie I. — «Przegląd Archeol.», t. V, z. I. Poznań, 1935, tab. XX.

³ М. Я. Рудинский. До питання про культуру «мезолітичної» доби на Україні. — «Антропологія», т. I. Київ, 1927.

⁴ М. Я. Рудинський. Деякі підсумки та ближчі завдання палеонтологічних вивчень у межах УРСР. — «Антропологія», т. IV. Київ, 1930.

⁵ М. В. Воеводский и А. А. Формозов. Стоянка Песочный Ров. — КСИИМК, вып. XXXV, 1950.

⁶ М. В. Сибильов. Старовинності Ізюмщини, вып. IV. Изюм, 1930.

⁷ Коллекция Ин-та археологии АН УССР.

⁸ Г. А. Бонч-Осмоловский. Итоги изучения крымского палеолита. — «Тр. II международн. конференции Ассоциации по изуч. четвертичн. периода», вып. V, 1934.

⁹ См. карту распространения геометрических орудий: А. А. Формозов. Из истории передвижения... — СЭ, I, 1953.

¹⁰ Коллекция Ин-та археологии АН УССР.

неолиту, она проходит следующим образом: Киев—Черниговщина¹—нижний Сейм²—Изюмщина. В бассейне Оки геометрических орудий нет.

Мы получили, таким образом, примерно ту же границу, какую проводили для стоянок с разными типами керамики в позднем неолите. Это позволяет утверждать, что уже в мезолитическое время на Русской равнине наметилась в основных чертах группировка населения, которая прослеживается затем в неолите и в эпоху бронзы.

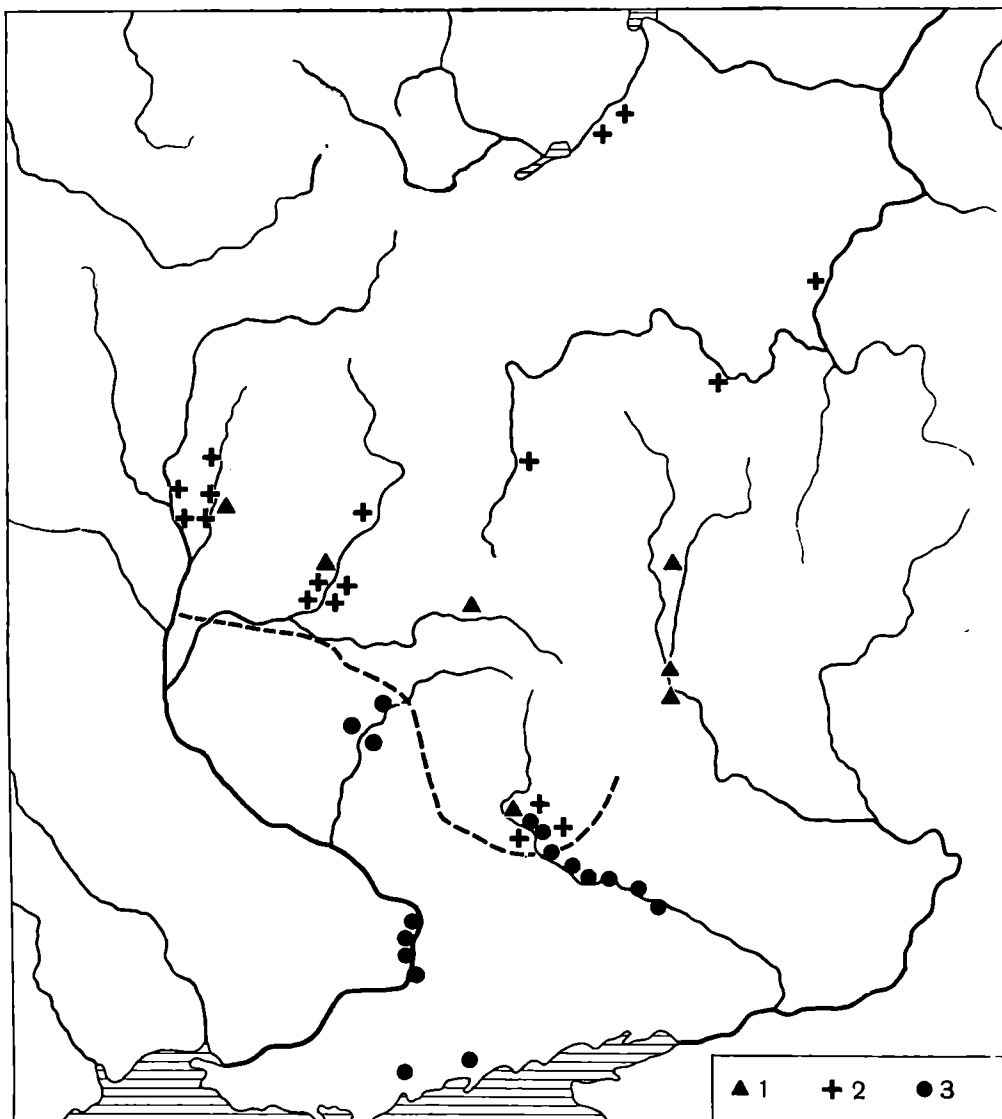

Рис. 3. Распространение палеолитических и мезолитических стоянок с наконечниками из пластин:

1 — палеолитические стоянки с наконечниками копий из пластин; 2 — мезолитические стоянки с наконечниками стрел из пластинок; 3 — мезолитические стоянки с геометрическими орудиями.

Мы рискуем, однако, пойти еще дальше. Едва ли случайно, что в позднем палеолите мы находим «солютрейские» стоянки с наконечниками копий, изготовленными из пластин именно на той территории, где в мезолите были распространены наконечники стрел из пластинок (Бердыж на Соже, Пушкари I и Погон близ Новгорода-Северского, Авдеево близ Курска, Гагарино под Липецком, Костенки I, Тельманская стоянка и

¹ С. Баран-Бутович. Передісторичні розшуки в межах Чернігівської округи. — «Антропологія», т. II. Київ, 1929.

² Сборы у с. Теткина (Н. П. Амбургер), в Ин-те археологии АН УССР.

Боршево I у Воронежа)¹. На юге же, где в мезолите не были распространены наконечники стрел из пластинок, нет и палеолитических стоянок с наконечниками копий (рис. 3). Палеолитическая культура этих районов развивалась как будто без солютрейских форм, сходным путем с развитием культуры палеолита Кавказа.

Принято, правда, утверждать, что мезолитические наконечники стрел из пластинок возникли независимо от палеолитических наконечников на пластинах, хотя сходство их формы и обработки, а иногда и размеров, поразительно. Считают, что в самом конце палеолита наконечники исчезли и поэтому мезолитическая форма стрел возникла совершенно независимо. Некоторые данные позволяют возражать против такого утверждения. В Западной Европе наконечники на пластинах встречены в целом ряде стоянок мадленского времени. Так, в Петерсфельсе, где найдены типичные мадленские гарпуны, собрана серия наконечников с боковой выемкой, составляющих 4% орудий стоянки². Из мадленского слоя в Нижней Ложери происходит лавролистный наконечник на пластине³, из Ла Мадлен⁴ и грота Мерии⁵ — черешковые наконечники на пластинах. Известны и другие находки (Плакар, Реверди и т. д.). Широкое распространение уже на грани палеолита и мезолита наконечников с боковой выемкой документируется большим числом этих орудий в поселениях гамбургской культуры в Прибалтике (Штельмор, Мейендорф)⁶.

В последнее время и при изучении палеолитических стоянок СССР накопились наблюдения, указывающие на непрерывное бытование наконечников на пластинах от середины позднего палеолита до мезолита. Так, анализ кремневого инвентаря палеолитических стоянок Погон и Боршево I показал, что они относятся к весьма позднему в пределах палеолита времени, а не к середине палеолита, как принято было считать⁷. Зафиксированы находки наконечников на пластинах в стоянках конца палеолита — Боршево II⁸ и Миньевский Яр (нижний слой)⁹.

Учитывая все эти данные и совпадение территории распространения палеолитических и мезолитических наконечников на пластинах, мы можем говорить о том, что в технике обработки кремня северных мезолитических племен сохранились традиции, усвоенные от палеолитического населения этих мест. Создается впечатление, что уже в позднем палеолите намечались различия в культуре населения Русской равнины, развитие которых прослеживается в неолитическую эпоху.

Проверить правильность этого положения можно будет, конечно, лишь после значительного накопления данных о позднем палеолите Русской равнины, позволяющих решить вопрос о границах распространения различных типов палеолитических орудий. Для мезолита же, как нам кажется, данных уже достаточно, чтобы говорить о сложении в это время различий в культуре обитавших на Русской равнине северной и южной групп племен, генетически связанных с хорошо нам известными этническими массивами неолитической эпохи.

¹ Библиографию см. в кн.: П. П. Ефименко. Первобытное общество. Киев, 1953.

² E. Peters u. V. Töpfer. Der Abschluss der Grabungen am Petersfels. — «Prähistorische Zeitschrift», Bd. XXIII, H. 3/4, 1932.

³ M. Bourlon. Nouvelles découvertes à Laugerie-Basse. — «L'Anthropologie», t. XXVII, № 1—2, 1916.

⁴ L. Capitan et D. Peyrony. La Madeleine. 1928.

⁵ H. Breuil. Les subdivisions du paléolithique supérieur. — «Congrès internat. d'Anthropologie et d'Archéologie préhistorique. C. R. de la XIV session», Genève, 1912.

⁶ A. Rust. Das altsteinzeitliche Rentierjägerlager Meiendorf. Neumünster, 1937; A. Rust. Die alt- und mittelsteinzeitliche Funde von Stelmoor, Neumünster, 1943.

⁷ Е. А. Векилова. Палеолитическая стоянка Боршево I. — МИА, № 39.

⁸ П. И. Борисковский. Палеолитическая стоянка Боршево II. — МИА, № 2, табл. VI, 7.

⁹ Коллекции Ин-та археологии АН УССР (раскопки И. Ф. Левицкого).

Е. И. ГОРЮНОВА

К ИСТОРИИ ГОРОДОВ СЕВЕРО-ВОСТОЧНОЙ РУСИ

(Доклад, прочитанный в Секторе славяно-русской археологии ИИМК
в январе 1954 г.)

1

История возникновения и развития древнерусского города — тема, к которой только подходят советские археологи, накапливая данные для ее освещения¹. В настоящей работе мы ставим целью суммировать небольшой археологический материал, позволяющий выяснить некоторые специфические особенности процесса возникновения русского города на северо-восточной окраине Киевского государства, в условиях иноплеменной среды дославянского населения (мери и муромы). Всесторонняя разработка этой темы еще впереди, так как материал для этого слишком беден и фрагментарен: серьезных и систематических раскопок в городах Ростово-Суздальской земли не производилось; письменные же известия о них еще более скудны и отрывочны. Тем не менее положить начало исследованию этого важного для историка вопроса, поставить его, представляется вполне своевременным.

Города Ростово-Суздальской земли выросли на больших водных магистралях. Владимир — на Клязьме, Суздаль — на р. Каменке, связанной с Нерлью-Клязьминской, Ростов — на оз. Неро, связанном Которослью с Волгой, Муром — на Оке, Переславль-Залесский — на Плещееве озере, связанном с Волгой Нерлью-Волжской и с Клязьмой — Нерлью-Клязьминской, Ярославль и Кострома — на Волге. Географический фактор — связь с водными путями — несомненно сыграл немаловажную роль в возникновении и развитии здесь городов, однако не он был решающим. Эту черту северо-восточных городов отметил М. Н. Тихомиров. Справедливо указывая на вторичное значение связи их с торговыми путями и обращая внимание даже на удаленность их во многих случаях от крупных водных артерий, он выдвинул гипотезу, что эти города возникали в тех районах, где особенно концентрировалось земледельческое, крестьянское население, потребности которого в ремесленной продукции и удовлетворяли городские посады². Посмотрим, что дает хотя и отрывочный археологический материал, сочетаемый с показаниями письменных источников.

Действительно, на первый взгляд мы имеем подтверждения изложенной точки зрения в археологической карте периферии ряда городов. Так, в районе Мурома муромские племенные поселки густой сетью покрывали

¹ Н. Н. Воронин. К итогам и задачам археологического изучения древнерусского города. — КСИИМК, вып. ХLI, 1951, стр. 5—29.

² М. Н. Тихомиров. Древнерусские города. М., 1946, стр. 36—37.

берега левых притоков Оки — Ушны и Илемны. Особенно плотно было население по Илемне близ ее впадения в Оку, несколько ниже современного г. Муром¹. Аналогичная картина представляется при исследовании г. Суздаля, на месте которого был, видимо, целый пучок ранних поселков; центральное поселение с лепной керамикой IX—X вв. располагалось на территории позднейшего кремля². В округе Ростова были сосредоточены поселки, по своему возрасту старше самого города (Шурскала, Пужбол, Богослово, Угодичи и др.). Наконец, в основе Ярославля лежали ранние мерянские поселения. Одно из них, носящее название «Медвежий угол», частично исследовано в 1940 г.³. Рассмотрим каждый город особо.

2

В этнографическом введении «Повести временных лет» племя мурома локализуется в нижнем течении Оки, далее текст 862 г. упоминает, что «перввии насельници» г. Мурома были представители того же племени мурома⁴. Это отнюдь не означает, что Муром как русский город уже существовал в середине IX в. «Повесть временных лет» слагалась в начале XII в., и летописец, составивший ее введение и оформивший легенду о призвании князей, вспоминая о прошлом города, указал и на его «предисторию». Археологических исследований Мурома до недавнего времени не производилось. Поэтому странным образом дата первого упоминания летописью имени города была принята в литературе как дата возникновения русского города⁵.

В 1946 г. впервые систематически раскапывался и изучался культурный слой Мурома⁶. Несмотря на небольшой объем первых исследований, удалось все же выяснить стратиграфию культурных наслоений и наметить основные этапы истории города. Дополнительные материалы, подтверждающие предварительно сделанные на основании первых раскопок выводы, получены в результате раскопок 1948 г.⁷

Обследование обнажений окского берега и оврагов показало наличие мощного культурного слоя. На склонах Воеводской (кремль) и смежной Богатыревой горы сплошной культурный слой достигает мощности 3—4 м; к югу (вверх по течению Оки) он постепенно уменьшается.

Раскопы на южном склоне и на вершине кремлевской горы, а также на береговом откосе к Оке у церкви Николая Набережного дали интересную и вполне убедительную картину последовательной смены культурных напластований.

На основании стратиграфически четко расчлененного материала выделяется нижний слой с находками грубой, исключительно лепной керамики муромского типа, поделок из кости (пряслица, наконечники стрел, крюк, кочедык и пр.)⁸, а также большого количества костей домашних животных (коровы, свиньи, мелкого рогатого скота и лошади), свидетельствующих о значительном развитии животноводства. В том же слое найдены обугленные зерна проса, возможно указывающие на развитие земледелия. Слой может быть датирован VIII—IX вв. Он связывается, несомненно, с древ-

¹ Обследования директора Муромского музея И. П. Богатова.

² Н. Н. Воронин. Раскопки в Суздале. — «Археологические исследования в РСФСР», Л., 1941, стр. 94.

³ Н. Н. Воронин. Раскопки в Ярославле. — МИА, № 11, стр. 177.

⁴ ПСРЛ, т. II, СПб., 1908, стб. 8 и 14.

⁵ М. Н. Тихомиров. Указ. соч., стр. 76.

⁶ Н. Н. Воронин. Муромская экспедиция. — КСИИМК, вып. XXI, 1947, стр. 136—139.

⁷ Е. И. Горюнова. Муромский могильник (к истории г. Мурома). — КСИИМК, вып. 52, 1953, стр. 33.

⁸ Н. Н. Воронин. Муромская экспедиция, стр. 138, рис. 41.

нейшими, «первыми», насельниками территории русского Мурома — племенем мурома, названным летописью. Это, конечно, поселение не городское, а типа селища.

С ним связан открытый в 1948 г. при работах по благоустройству центра города (рядом с площадью Ленина) и частично исследованный муромский могильник, находившийся неподалеку от описанного берегового селища¹. Ранние погребения могильника датируются VII—VIII вв., поздняя дата определяется XI в. на основании многих аналогий с поздними материалами хорошо изученных могильников муромской земли.

Еще больший интерес представляет могильник, случайно открытый в самом центре города, на Богатыревой горе, примыкавшей к кремлевскому мысу. При строительных работах на откосе к Оке скрыты древние могилы, в том числе и курганы. Найденные при этом вещи вполне тождественны вещам из муромских могильников². Наличие языческих кладбищ муромы в центре современного города является очевидным свидетельством того, что до конца X или даже до начала XI в. Муром не был ни в какой мере русским городом. К этому можно добавить, что на южной окраине современного города в X—XI вв. находилось второе крупное муромское селище — Пятницкое³. Таким образом ясно, что в IX в. и даже в начале XI в. на месте Муромы был ряд муромских деревенских поселков.

Только с начала XI в. в культурном слое города появляются вещи, которые бесспорно могут быть связаны с славянским населением, появившимся не ранее этого времени. К концу X в. относится летописное известие о том, что по разделу владений между сыновьями князя Владимира Святославича в удел младшему, Глебу, был отдан Муром⁴. Муромская легенда, сохраненная в позднем житии Константина (Ярослава) Муромского, сообщает, однако, что князь был встречен упорным сопротивлением местного языческого населения: «еще тогда невернии быша людие жестоцы, и не прияша его к себе... и сопротивляхуся ему»⁵. Князь должен был поселиться где-то вне основной территории, занятой поселками «неверних», т. е. муромы, которые чувствовали еще свою самостоятельность и способны были оказывать упорное сопротивление. Однако в их среде теперь появилось княжеско-дружинное русское поселение, которое, несомненно, было укреплено. Таким образом, Глеб получил не город Муром, а собственно муромскую землю. Ясно, что для киевских князей эта удаленная окраина имела первостепенный интерес. Он определялся не только стратегическим значением муромской земли как военного форпоста при походах на восток, против могущественной державы волжских болгар, но и, главным образом, большим экономическим значением края. Археологическая карта муромского района IX—X вв. рисует его вовсе не как безлюдное лесное захолустье. Напротив, берега извилистых и разветвленных рек — Ушны и Илемны (левых притоков Оки) были густо покрыты группами мелких муромских поселков; берега Илемны были особенно многолюдны в ее нижнем течении. Здесь, в радиусе 10—12 км от современного Муромы, можно наблюдать редкую по тому времени плотность населения. Характерно, что это не обычные деревенские поселки сельскохозяйственного облика. Раскопки одного из них — Тумовского селища⁶ показали, что в

¹ Е. И. Горюнова. Муромский могильник. КСИИМК, вып. 52, 1953.

² Архив ИИМК. Дело ИАК, № 3, 1863 г., л. 16.

³ Ф. Я. Селезнев. Археологические исследования в окрестностях Муромы. Владимир, 1925 (оттиск из «Трудов Влад. гос. обл. музея», вып. II), стр. 18.

⁴ ПСРЛ, т. II, стб. 105.

⁵ ПСРЛ, вып. 1. СПб., 1860, стр. 229.

⁶ Е. И. Горюнова. Муромская экспедиция (раскопки Тумовского селища) — КСИИМК, вып. XXVII, 1949, стр. 97—101; е е же. Итоги работ Муромской экспедиции. — КСИИМК, вып. XXXIII, 1950, стр. 39—47.

поселке было чрезвычайно развито домашнее ремесло: здесь занимались плавкой железа, используя местное рудное сырье; литейщики-ювелиры изготавливали разнообразные украшения из привозной приуральской меди. Этот своеобразный характер сельской периферии, связанной уже в то время с простым товарным производством, был одним из условий, определивших ранние и широкие торговые связи муромского края, шедшие по Оке. Кроме того, материалы раскопок Тумовского селища позволяют говорить о большом значении промысловой охоты на пушного зверя, которым были богаты знаменитые муромские леса. О широких торговых связях края свидетельствуют многие археологические находки, в частности, болгарская керамика и, особенно, богатейшие монетные клады, найденные на территории самого города, в древнем кремле¹ и в округе (близ с. Савкова, недалеко от известного муромского Максимовского могильника IX—XI вв., в верховьях речки Максимовки, правого притока р. Ушны)². Оба клада относятся в основном к X в. Отдельные монетные находки сделаны и на муромских селищах (например, в Тумовке — диргем X в.) и в могильниках. Это свидетельствует о том, что в торговлю было непосредственно втянуто основное население края.

Возможность получить богатую дань с сельского промыслового населения, взять в свои руки нити болгарской и шире — восточной торговли и тем ослабить торговую гегемонию болгар, наконец — создать прочный военный форпост для военных походов на восток с целью овладения окско-волжским путем — вот те предпосылки, в силу которых внимание киевских князей было прочно приковано к этой отдаленной от Киева территории. В конце X, а вернее, в начале XI в. Муром становится центром административного управления всего муромского района с его смешанным муро-славянским населением.

Славянская колонизация края, привлекавшего поселенцев своими богатствами, относится к XI в.; этим временем датируется появление многочисленных славянских поселений рядом с поселками, характеризующимися типичной муромской лепной керамикой и остатками домашнего металлургического ремесла, широко развитого в муромской деревне X в. Быстрое обрусение муромы было обусловлено интенсивной феодализацией и христианизацией края, успех которой облегчался незначительностью территории.

Торговый договор Владимира с болгарами (1006 г.)³, пресекавший связи болгарских купцов с муромской деревней и сконцентрировавший торговлю в «городах», нанес решительный удар по экономической самостоятельности муромской промысловой деревни, лишенной теперь непосредственного участия в торговле. Повидимому, это и являлось основной причиной стягивания деревенских ремесленников к Мурому. В XI в. они образовали посад около княжеской крепости, что способствовало быстрому росту города.

Археологические исследования в Муроме 1946 г. ярко характеризуют интенсивность его роста. Культурные отложения, относящиеся к XI—XII вв., отличаются большой мощностью и богатством находок, особенно по сравнению с тонким и бедным находками слоем VIII—X вв.

Таким образом, русский город Муром возник в конце X, а вернее, в начале XI в.

¹ А. Марков. Топография кладов восточных монет. СПб., 1910, стр. 5.

² Ф. Я. Селезнев. Савковский клад. Археол. иссл. в окрестностях Муромы. — «Тр. Влад. гос. обл. музея». Владимир, 1925, стр. 15—16.

³ М. Н. Мартынов. «Договор» Владимира с волжскими болгарами 1006 г. — «Историк-марксист», 1941, № 2, стр. 116—117; Б. Д. Греков. Волжские болгары в IX—X вв. — «Исторические записки», вып. 14. М., 1945, стр. 12—13.

Ростов впервые упоминается «Повестью временных лет» в той же связи, что и Муром, т. е. под 862 годом, в рассказе о «призвании князей», а этнографическое введение «Повести» называет «Ростовское» озеро в связи с определением места обитания мери¹. Ростов, как подвластный Олегу город, упоминается в договоре с греками². Далее мы находим его в числе городов, распределенных между сыновьями князя Владимира, когда Ростов достается Борису³. На основании этих летописных данных возникновение Ростова относилось к IX в., причем древний город отождествляли с современным, на берегу оз. Неро⁴. Однако, как увидим ниже, никаких археологических данных для такого отождествления нет, и современный Ростов получил свое начало полутора столетиями позже.

В отличие от Мурома, есть основания связывать ранние упоминания летописи о Ростове с реальным археологическим памятником⁵. Таким пунктом, в котором виден первоначальный древнейший Ростов, является Сарский городец, расположенный в 15 км к юго-юго-западу от современного Ростова и в 1,5 км от д. Деболовской в крутой излучине р. Сары. Река Сара, начинаясь в Угличском районе, близко подходит верховьем к истоку Нерли-Клязьминской; низовьем, которое носит название Гада, она входит в оз. Неро и далее р. Которослью соединяется с Волгой. В древности это был реально действующий водный путь: Которосль еще в XVII в. служила для перевозки товаров в Ростов с Волги и Камы⁶. Удобное географическое положение Сарского городца, прямые пути сообщения с Волгой и с Окой, богатая в отношении всевозможных угодий природная среда, а также наличие плодородных, близких к чернозему, почв окружавшего района — все эти условия благоприятствовали превращению городца в значительный экономический центр. Сарский городец неоднократно подвергался раскопкам, большая часть которых не оставила никаких следов в археологической литературе. В середине прошлого столетия здесь производили раскопки П. С. Савельев⁷, в 1881 г. — А. А. Титов⁸, в 1903 г. — Н. К. Рерих⁹, наконец в 1924—1925 гг. исследование городища произвел Д. Н. Эдинг¹⁰, раскопки которого позволили до некоторой степени восстановить историю этого интересного поселения.

Сарское городище — вытянутой прямоугольной формы; с северной, северо-западной и юго-восточной сторон оно омывается р. Сарой, которая делает здесь крутую петлю, подходя почти к самой подошве мыса, где было

¹ ПСРЛ, т. II, стб. 8 и 14.

² ПСРЛ, т. II, стб. 22.

³ Там же, стб. 105.

⁴ Л. М. Тверской. Русское градостроительство до конца XVII в. Л.—М., 1953, стр. 117.

⁵ В местных ростовских легендах, дошедших в передаче угодического «летописца» XIX в. А. Я. Артынова, в качестве места старого Ростова указывается пригородная деревня Городец. Однако это место археологически не исследовано. См. А. А. Титов. Ростовский уезд Ярославской губернии. М., 1885, стр. VIII.

⁶ В 1700 г. ростовские посадские люди подавали Петру I челобитную, в которой жаловались, что р. Которосль застроена водяными мельницами, препятствующими «струговому и лодочному ходу». «Изстари, — писали челобитчики, — весной и летом и в осень из Ростова до Ярославля и в Нижний-Новгород, и в иные гвады были струговой и лодочный ход. Также, государь, и в Ростов из Нижнева, и из Перми, и из Балахны, и из Галича, из Костромы и из иных градов струги и лодки с хлебом, солью и рыбою астраханскою и с иными всякими товарами тою речкою Которослью ходили и всяких чинов торговые люди приходили в Ростов» (цит. по кн.: А. А. Титов. Ростовский уезд. . . , стр. 8).

⁷ См. А. С. Уваров. Меряне и их быт по курганным раскопкам. — «Тр. I АС в Москве в 1869 г.», т. II. М., 1871, стр. 32—33.

⁸ А. А. Титов. Ростовский уезд. . . , стр. 356.

⁹ А. А. Спицын. Владимирские курганы. — ИАК, вып. 15, 1905, стр. 94.

¹⁰ Д. Н. Эдинг. Сарское городище. Ростов. 1928.

расположено поселение. Описание Д. Н. Эдинга дает крайне путаное представление о системе укреплений Сарского городца. Судя по старой публикации Н. Бояркина¹, они состояли из четырех линий земляных валов и рвов, замыкавших, повидимому, разновременные части поселения. К моменту раскопок Д. Н. Эдинга частично сохранились лишь три вала, не сохранившийся четвертый вал был расположен на стрелке мыса. Высота первого (второго, по Н. Бояркину) вала над уровнем почвы вне города доходила до 6 м, а относительно поверхности площадки городища — до 3,9 м; длина вала около 38,5 м, ширина 22 м. Внешний, т. е. юго-западный, склон круче внутреннего. Второй (третий, по Н. Бояркину) вал возвышался над площадкой на 1,6 м, при длине 51 м и ширине 15,3 м.

Наиболее внушительным и, повидимому, лучше сохранившимся был третий вал — высотой (от подошвы) до 7,1 м, длиной 70,5 м и шириной 23,5 м (ширина промерялась от внутренней подошвы до дна внешнего рва)². По наблюдениям П. С. Савельева, с внешней (юго-западной) стороны каждого вала был ров³. Первый вал был насыпан на материке из суглинка с валунами. Внутренний склон его укреплен деревом. Второй вал (по плану Д. Н. Эдинга) имел в основании слой обугленных бревен (ширина слоя до 3,5 м). Из краткого описания Д. Н. Эдинга можно предположительно заключить, что в основу насыпи второго вала входили плетневые конструкции, засыпанные землей, взятой с площадки. Вал впоследствии увеличен подсыпкой чистой земли, а по мере разрастания поселка, видимо, потерял значение оборонительного сооружения; на нем образовался довольно мощный культурный слой, достигающий местами 71 см. Слой этот переходит непосредственно на площадку городища. Конструкция третьего (четвертого, по Н. Бояркину) вала осталась невыясненной.

Впоследствии городок был укреплен по краю бревенчатыми срубами с засыпкой — городнями, сооружение которых относится к позднему периоду его существования. Можно полагать, что усиление укреплений было связано с стратегическим значением городца, запиравшего путь к Которосли и Волге.

Раскопки показали, что первоначально (до IX в.) здесь уже существовал довольно большой и, видимо, примечательный по своей экономике мерянский поселок с развитым ремеслом и довольно широкими торговыми связями, особенно восточными. Последнее ярко иллюстрируется находками монет, среди которых преобладают сасанидские VIII и первой половины IX вв.⁴ Кроме того, найдено несколько десятков медных туркестанских монет XI в.⁵ Железодельное ремесло возникло на базе местных болотных руд, которые обнаружены во многих местах в изобилующих болотами окрестностях Ростовского озера. Из Приуралья сюда привозились цветные металлы — медь и серебро, в связи с чем здесь развилось меднолитейное и ювелирное ремесло. Сарские ремесленники не ограничивались сбытом своих изделий в ближайшей округе, широко распространяя их в мерянских землях. Изделия из резной кости, вышедшие как бы из-под одного резца, найдены не только на Сарском городище — месте их изготовления, но и в ярославских и владимирских курганных могильниках.

Весьма ценным результатом раскопок 1924—1925 гг. было открытие на Сарском городце жилищ. Судя по их фрагментарным остаткам, можно сделать заключение, что это были полуземляночные и деревянные наземные постройки с очагами, сложенными из валунов⁶.

¹ Н. Бояркин. Городище на реке Сарре. — «Вестник Европы», ч. 113, 1820, стр. 511.

² Д. Н. Эдинг. Указ. соч., стр. 9.

³ А. С. Уваров. Указ. соч., стр. 664.

⁴ А. С. Уваров. Указ. соч., стр. 665.

⁵ Д. Н. Эдинг. Указ. соч., стр. 68.

⁶ Д. Н. Эдинг. Указ. соч., стр. 19—20, рис. 4, 6.

Естественно, что богатое ремесленное поселение привлекало внимание славянских колонистов, а затем и княжеской власти. В слоях, относящихся к X—XI вв., в составе находок появляются кривичские браслетообразные кольца и характерные для русских горожанок стеклянные браслеты. Видимо, в это время Сарский городец становится русским административным центром — тем древнейшим Ростовом, с которым и связаны ранние упоминания летописи и куда в конце X в. направился князь Борис.

Однако и тогда еще в смешанном населении городца явно преобладали мерянские элементы. Об этом свидетельствуют находки женских мерянских украшений, хорошо датирующихся X—XI вв. Самые характерные из них — это треугольные «шумящие» подвески, представляющие собой как бы каркас из проволочной косоплетки с припаянными к нему с внешней стороны парными плоскими спиральками. Подобные подвески были широко распространены в мерянской земле в X—XI вв. Они найдены в курганах (в 43-м) у пустоши Плавь на Мологе¹, у с. Давыдовского, Суздальского района, у с. Городище и д. Киучер около Переславского озера², а также, в несколько деградированной форме, в курганах Костромской области³. Вторым не менее характерным для женской мерянской одежды украшением служили подвески в виде плоской пирамидки, заполненной парными плоскими проволочными спиральками⁴. Помимо Сарского городца, шесть подобных подвесок найдено в курганах X в. Михайловского (Ярославского) могильника⁵, где они находились в составе целых наборов в женских мерянских могилах. Наиболее близкие аналогии этим подвескам мы можем найти в восточных районах, среди материалов раскопок Н. Г. Первухина в б. Глазовском уезде Вятской губ.⁶ и в Прикамье⁷, где они датируются тем же временем (X в.).

Лишь в XI в. Ростов переносится на свое теперешнее место — на берег оз. Неро. Можно полагать, что это происходит в связи с выделением северо-восточной вотчины Всеволода Ярославича⁸.

Причины этого мероприятия княжеской власти, вероятно, были обусловлены тем, что старый Сарский городец, ограниченный узкой петлей р. Сары, был мал и тесен для развития большого города. При всех выгодах своего положения городец лежал все же несколько в стороне от оз. Неро, которое являлось, судя по топографии кладов и отдельных находок куфических монет IX—XI вв., важнейшим звеном пути восточной торговли. Северо-западный берег озера был в X—XI вв. густо заселен. Само место, где основан новый город, было обжитым; здесь, повидимому, располагались древние мерянские поселения. Хотя систематических археологических исследований на территории самого города не производилось, но отдельные случайные находки мерянских вещей, в том числе нескольких бронзовых идольчиков⁹, не оставляют в том никаких сомнений. В числе естественных преимуществ нового места, может быть, надо учитывать наличие в районе оз. Неро соляных местонахождений¹⁰. Естественно, что перенос города в густо населенный район, в узел восточных торговых связей, создавал

¹ Коллекции ГИМ.

² Коллекции Переславского музея.

³ Ф. Д. Нефедов. Костромские курганы. — МАВГР, т. III, М., 1899, табл. 2, рис. 4, 9.

⁴ Д. Н. Эдинг. Сарское городище, рис. 14.

⁵ Я. В. Станкевич. К вопросу об этническом составе населения Ярославского Поволжья в IX—X вв. — МИА, № 6, стр. 74.

⁶ Коллекции ГИМ.

⁷ МАР, № 26, СПб., 1902, табл. X, рис. 13.

⁸ Новгородская летопись по Синод. харатейному списку. СПб., 1888, стр. 66.

⁹ Коллекции Ростовского музея.

¹⁰ В окрестностях Ростовского озера почва в некоторых местах так пропитана солью, выходящей на поверхность, что блестит, словно покрыта изморозью. В XVI в. в 3 км от современного Ростова, при Троицко-Варницком монастыре существовали соляные варницы. Соляные местонахождения известны также и в с. Угодичах на южном берегу оз. Неро и в других местах.

лучшие условия для его роста и повышал его политическое значение: уже в середине XII в. Ростов называют «великим»¹.

Когда именно Ростов перенесен на берег оз. Неро, сказать трудно. Случайные находки вещей на территории, смежной с современным кремлем и по северо-западному берегу озера, не позволяют уточнить дату. Это — многочисленные, преимущественно ложно-витые стеклянные браслеты, шиферные плоские пряслица, односторонние и двусторонние костяные гребни с глазковым орнаментом, мелкие фигурные костяные накладки для пояса, различные по материалу и форме бусы — сердоликовые, хрустальные, янтарные, глазчатые пастовые, стеклянные (чечевицеобразные, круглые, боченкообразные) бело-синие и черно-желтые². Все эти находки датируются широко в пределах XI—XII вв. А. Н. Насонов полагает, что перемещение города на берег Неро произошло не ранее конца XI в. при Владимире Мономахе³. Однако вероятнее, что это случилось ранее, так как уже в 70-х годах XI в. существует особая ростовская епископия, которая едва ли была связана с маленьким Сарским городцом. «Житие» первого ростовского епископа Леонтия отмечает, что он был хорошо подготовлен к миссионерской деятельности в ростовских условиях, так как «русский же и мерьский язык добре умеяше». Очевидно, не только население края, но и самого Ростова было в то время двуязычным. Возможно, что Леонтий погиб во время возглавлявшегося волхвами восстания смердов⁴. Легенда о деятельности Авраамия Ростовского, сохраненная в поздней «Повести о водворении христианства в Ростове», рассказывает «о чудском конце» города и о стоявшем в городе славянском языческом идоле Велеса⁵. По предположению В. О. Ключевского Авраамий действовал в 1073—1077 гг.⁶ Однако новый Ростов очень быстро становится крупным средоточием феодальной знати, и в последующих событиях XII в. он выступает как центр местного старого боярства, сопротивляющегося власти владимирских князей.

Таким образом, история возникновения Ростова, поскольку она может быть восстановлена на основании отрывочных письменных и археологических данных, представляет иной по сравнению с Муромом вариант происхождения города, хотя в его основе лежит по существу то же выделение из сельской общины и концентрация ремесленников. Только здесь они уже образовали оторвавшийся от сельской периферии центр — «эмбрион города» в виде Сарского городца. Перенос города на берег Неро определил судьбу старого городца — ремесленное население покинуло его, и он быстро потерял свое значение; уже в XIII в. он стал «городищем», на котором находилась церковь Марины⁷.

4

Ярославль впервые упоминается летописью под 1071 годом в связи с происшедшим незадолго перед этим вторым крупным восстанием смердов в Поволжье. Есть, однако, все основания считать, что город возник несколько раньше. Участие в подавлении первого восстания смердов

¹ ПСРЛ, т. II, стб. 451.

² Коллекции Ростовского музея.

³ А. Н. Насонов. Русская земля и образование территории древнерусского государства. М., 1951, стр. 181.

⁴ А. А. Титов. Житие св. Леонтия, епископа ростовского. М., 1893, стр. 11. Леонтий погиб до 1072 г., так как под этим годом находим известие о поставлении в Ростов епископа Исаии (ПСРЛ, т. XV [Тверской летоп. сборник], стб. 166).

⁵ ПСРЛ, вып. 1, стр. 222. По местным преданиям «чудской конец» лежал на северной окраине современного города в районе б. Спасо-графской церкви (А. А. Титов. Ростов Великий в его церковно-археологических памятниках. М., 6/г., стр. 56).

⁶ В. О. Ключевский. Древнерусские жития святых как исторический источник. М., 1871, стр. 35—36.

⁷ Новгородская летопись по Синод. харатейному списку, стр. 201.

Поволжья в 1024 г. князя Ярослава, который лично приехал из Новгорода и «уоставил землю ту», позволяет предполагать, что в числе мер по укреплению феодальной власти в мятежной Ростовской земле была и постройка новых укреплений — городов. Повидимому, к этому времени относится и постройка на Волге в устье Которосли города, носящего имя Ярослава Мудрого.

Народное предание, связанное с основанием Ярославля, ясно говорит о том, что город возник на месте языческого, повидимому мерянского поселения. «На берегу Волги и Которосли, среди лесов и пойм лежало селище Медвежий угол, населенное язычниками; они жили по своей воле и творили многие грабежи и убийства верным. Они были искусны в охоте, рыбной ловле и скотоводстве, от которого, главным образом, и кормились. Князь Ярослав, защищая от их грабежей купеческий караван, побеждает их, поучает как жить и не творить обиды, и предлагает им креститься. Жители Медвежьего угла остались верны своей религии, однако поклялись «жить в согласии» и платить дань. Через некоторое время Ярослав вновь приехал за сбором дани, но был встречен выпущенным из клетки «неким лютым зверем» и псами; князь убивает зверя, а псы его не трогают. Убийство зверя якобы производит на жителей потрясающее впечатление — они падают ниц перед князем («зверь» имеет явно необычный характер, его убийство повергает жителей Медвежьего угла в ужас). Князь упрекает их в нарушении клятвы «служить мне, князю вашему»; издевается над их бо-гом, который допускает клятвopреступление, и заявляет, что он приехал не для звериной потехи и не на пир пить многоценное питие, а сотворить «победу». Затем на месте победы над зверем князь закладывает церковь Или, в день которого он «победил» лютого зверя, и срубает город, населяемый им христианами»¹.

Изложенное предание рисует картину последнего периода самостоятельности мерянского поселка, расположенного на стрелке, образованной Которослью и правым берегом Волги и отграниченной от напольного плато глубоким оврагом, носившим название «Медведицы».

Археологические исследования, производившиеся в 1940 г. на территории Рубленого города — древнейшей части Ярославля, размещавшейся на месте раннего мерянского поселения, подтвердили историческую правдоподобность приведенной народной легенды.

В основании более поздних городских напластований, непосредственно на материке здесь залегает слой, который может быть датирован IX, а возможно, VIII—IX вв. Дата эта определяется, главным образом, по находкам фрагментов лепных глиняных сосудов с неровными шероховатыми стенками, с примесью дресвы и песка в глине. Посуда эта отличалась, видимо, широкой приземистой формой, близкой форме глиняных горшков, найденных при раскопках Сарского, Михайловского, Тимеревского и Зубаревского² могильников; надо отметить и большой диаметр (24 × 30 см) сосудов. Украшены они характерными гребенчатыми вдавлениями по краю венчика и небрежным орнаментом из наклонных черточек или овальных гребенчатых вдавлений³. Керамика эта очень близка керамике нижнего слоя Суздаля, Белоозера и, как мы упоминали, керамике ярославских могильников — Зубаревского, Михайловского и Тимеревского. Интересно, что лепленные от руки горшки продолжают существовать и тогда, когда

¹ Цит. по статье: Н. Н. Воронин. Медвежий культ в Верхнем Поволжье в XI в. — МИА, № 6, стр. 155—156.

² Е. И. Горюнова. Мерянский могильник на Рыбинском море. — КСИИМК, вып. 54, 1954, стр. 153 сл.; Я. В. Станкевич. Указ. соч., стр. 71—72; Н. Н. Воронин. Раскопки в Суздале, стр. 94; Л. А. Голубева. Древнее Белоозеро. — КСИИМК, вып. XLI, 1951, стр. 37—40.

³ Н. Н. Воронин. Раскопки в Ярославле, МИА, № 11, стр. 184, рис. 8, 1—4, стр. 190, рис. 14.

в обиходе населения появляется славянская гончарная посуда. Это свидетельствует о смешанности населения и вполне подтверждает рассказ легенды о построении Ярославом Мудрым города Ярославля и о заселении его «христианами», т. е. славянами.

Видимо, к тому же древнему этапу относятся и некоторые другие находки, которые, при перемешанности городского культурного слоя, оказались в вышележащих горизонтах. Среди этих предметов отметим значительное количество костяных проколов и костяных полуфабрикатов¹, железную подковку², по форме очень напоминающую найденную на Сарском городище, глиняные рыболовные грузила и др.

Таким образом, Ярославль был основан, по всей вероятности, в первой половине XI в. Ярославом Мудрым на месте древнего мерянского поселка. Основными занятиями древнейшего населения было скотоводство, охота, рыбная ловля и лесные промыслы. Легенда характеризует местное население как языческое и дает яркое представление о существовавшем здесь медвежьей культуре. Первые наезды князя в этот отдаленный «Медвежий угол» были связаны со сбором дани. Поддержка, оказанная восставшим в 1024 г. смердам «Суждали» поволжским населением, побудила, видимо, Ярослава создать твердый опорный пункт на Волге для «установления» феодальных порядков в Ростовской земле.

5

Суздаль находится на притоке Нерли-Клязьминской, р. Каменке, которая протекает посреди города, омывая с южной, западной и северной сторон кремлевский холм, обнесенный земляными валами. С восточной стороны, за кремлевским рвом и валом, расположен посад-острог, также сохранивший остатки земляных укреплений XII—XIII вв.

Имя Суздаля появляется на страницах летописи только в 1024 г. и связано с восстанием смердов, о котором уже упоминалось.

Выгодно расположенный на притоке Нерли и связанный, таким образом, через Клязьму с Окой, обильный богатыми, близкими к чернозему почвами, расположенными островом среди сплошного массива лесов и болот, Суздальский район благоприятствовал земледелию. Поэтому суздальское черноземное ополье и привлекало поселенцев уже на ранних этапах славянской колонизации. Здесь мы находим наиболее ранние славянские могильники с трупосожжениями, сопровождающимися монетами X в. (например, курганный могильник у с. Васильки).

Археологическими раскопками 1935—1939 гг. установлено, что заселение территории самого города относится к более раннему периоду, чем первое упоминание о нем летописи. Так, материалы с территории Суздальского кремля позволяют отнести заселение излучины р. Каменки к IX—X вв.³ При раскопках 1939 г. установлено, что кремлевский вал перекрывает более древний культурный слой X—XI вв. Острог же был заселен позже, не ранее XI—XII вв. и в XII—XIII вв. обнесен вторым валом. Наблюдения над земляными работами 1941—1942 гг. позволили изучить стратиграфию на территории монастырей и слобод и в заречной части города.

Как показали эти наблюдения, имя летописного Суздаля («Суждали») обозначало, повидимому, не одно, а несколько поселений, группировавшихся в черте современного города⁴. Наиболее ранние из них относятся

¹ Н. Н. Воронин. Раскопки в Ярославле, рис. 8, 1—4.

² Там же, рис. 5.

³ А. Д. Варганов. Из ранней истории Суздаля (IX—XIII вв.). — КСИИМК, вып. XII, 1946, стр. 127.

⁴ Там же, стр. 133.

к IX—X вв.; найденная здесь грубая лепная керамика с шероховатыми стенками очень близка ярославской. Хотя полученный при раскопках материал недостаточно выразителен для этнической характеристики древнего населения, есть, однако, все данные считать, что вся Суздальская округа до прихода славян была заселена мерей. Об этом можно судить не только по археологическим памятникам, исследованным в прилегающих к Суздаляю районах, но и по данным топонимики.

В устье р. Каменки лежит с. Кидекша, а немного выше Суздаля на той же реке Каменке находится деревня Кибол. Kiv, kü, kö в значении «камень» встречается во всех языках финно-угорской системы. В сочетании с «бол» (мансийск. «паул» — деревня) Кибол — Ки-паул — означает «деревня Каменка»¹. Название «Кидекша» — сложное слово, образованное от «Ки» (камень) и «тагес», т. е. рукав, приток (Каменки). Повидимому, название суздальской Каменки — реки с каменистым дном — является буквальным переводом с финно-угорского (мерянского) названия этой реки. Напомним для аналогии, что в северной части Владимирской области имеется река с названием «Кивезь», которое переводится с венгерского köviz — камень-вода (Каменка).

Мы ограничимся приведенными примерами из области сравнительной филологии, которые служат подтверждением археологических данных, свидетельствующих о том, что славянская колонизация встретила в окрестностях Суздаля меряньское население. Период наиболее интенсивного заселения городской территории относится уже к XI—XII вв.

Мы не располагаем еще данными о ремесленном населении Суздаля и пока не можем говорить о том, в какой мере формирование города было связано с концентрацией здесь ремесла. Повидимому, как и Ярославль, Суздаль возник иным путем. Сосредоточение нескольких сельских поселений сделало район одним из центров обострившейся в XI в. классовой борьбы. Усиление феодализирующихся верхов сельской общины — «старой чади» и обнищание рядовой крестьянской массы привело, в связи с постигшим Суздальщину голодом, к восстанию смердов 1024 г. Оно охватило не только узкий район собственно Суздальщины, но и Суздальскую землю вплоть до Поволжья. В связи с этим была направлена карательная экспедиция Ярослава и сооружена княжеская крепость — Ярославль на устье р. Которосли.

Более широкое и грозное восстание, описанное летописью под 1071 годом, охватившее Поволжье от Ярославля до Белоозера, также не ограничилось лишь прибрежной полосой и нашло отклик в центре Суздальской земли. Ростовское языческое восстание и убийство епископа Леонтия были одним из крупных эпизодов этой волны народного возмущения. Можно полагать, что именно этими событиями вызвана первая поездка Владимира Мономаха в Ростовскую землю. В числе мер, усиливавших позиции господствующего класса в волновавшемся Залесье, видимо, и было укрепление земляным валом старого поселения в излучине р. Каменки. Крепость в событиях 1096 г. выступает уже как «город» Суздаль, где есть княжеский двор. Позже, в XII—XIII вв., под ее стенами вырастает посад, и Суздаль превращается из княжеской крепости в город в собственном смысле слова.

¹ Д. Европеус. К вопросу о народах, обитавших в средней и северной России до прибытия славян. — ЖМНП, ч. СХХХІХ. СПб., 1868, стр. 63—65.

П. А. РАППОРТ и В. В. КОСТОЧКИН

К ВОПРОСУ О ПЕРИОДИЗАЦИИ ИСТОРИИ ДРЕВНЕРУССКОГО ВОЕННОГО ЗОДЧЕСТВА

«Инженерное искусство в России достигло такого обширного развития, что для него настало время иметь свою историю». Такими словами начинается труд инженер-генерал-майора Ф. Ласковского «Материалы для истории инженерного искусства в России», опубликованный в 1858 г.

За истекшие с тех пор 100 лет в отечественной науке была проделана огромная работа по изучению истории русского военно-инженерного искусства. Если работа Ф. Ласковского завершала определенный этап, связанный с мобилизацией письменных источников, то во второй половине XIX—начале XX в. было сделано много и для изучения сохранившихся древних оборонительных сооружений. При этом исследовались и каменные крепости и земляные городища — остатки древних укрепленных пунктов.

Однако подлинно широкий размах эти исследования приобрели лишь после Великой Октябрьской социалистической революции. Буржуазно-дворянская археологическая наука и, в частности, русская дореволюционная археология, как правило, охотнее занимались изучением древних могильников и лишь в единичных случаях — исследованием наиболее крупных городов. Менее эффективные по добываемому материалу остатки исчезнувших поселений привлекали гораздо меньшее внимание. Непонимание материальных основ развития общества приводило к тому, что загробными представлениями людей интересовались больше, чем их реальной жизнью, бытом, производством.

Советская археология уделяет большое внимание изучению древних поселений, в том числе и остатков их укреплений. Поэтому к настоящему времени количество изученных памятников древнерусского оборонного зодчества неизмеримо возросло. Появились и специальные работы, посвященные этому вопросу. Здесь следует назвать в первую очередь научно-популярные сводки — работу В. И. Довженка «Военное дело в Киевской Руси», где есть раздел об оборонительных сооружениях, и главу Н. Н. Воронина «Крепостные сооружения» в I томе «Истории культуры древней Руси»¹. Публиковались также материалы по различным памятникам и исследования по отдельным темам².

¹ В. И. Довженко. Військова справа в Київській Русі. Київ, 1950; Н. Н. Воронин. Крепостные сооружения. — «История культуры древней Руси», т. I. М., 1948.

² Например: «Крепостные сооружения древней Руси», под ред. Н. Н. Воронина (МИА, № 31); «Из истории русского военно-инженерного искусства» (Сб. статей, М., 1952); В. А. Богусевич. Военно-оборонительные сооружения Новгорода, Старой Ладogi, Порхова и Копорья (Новгород, 1940) и др.

Конечно, степень изученности памятников древнерусского оборонного зодчества еще очень невелика; крепостные сооружения отдельных районов Руси, а также история развития оборонного строительства в отдельные периоды почти совершенно неизвестны. Неисследованными остаются многие, даже наиболее важные древнерусские военные сооружения. Однако количество уже изученного и введенного в научный обиход материала все же достаточно велико, чтобы попытаться, хотя бы в самой общей и предварительной форме, подойти к написанию подлинно научной, марксистской истории древнерусского военно-инженерного искусства. Первый вопрос, который встает при решении этой задачи, — вопрос о периодизации¹.

* * *

Нет сомнения, что военно-инженерное искусство, будучи исторически развивающимся явлением, связанным с историей общества, прежде всего подчинено общим законам развития общества. Поэтому естественно, что периодизация русской истории должна лечь в основу периодизации истории русского военно-инженерного искусства. Однако, кроме общих исторических закономерностей, военно-инженерное искусство имеет и свои частные закономерности развития, не учитывать которые нельзя. Имеет свои специфические закономерности развития и военное зодчество — одно из важнейших элементов военно-инженерного искусства².

На развитие военного зодчества влияет ряд факторов. Так, на планировку и конструкцию оборонительных сооружений непосредственное воздействие оказывают, например, рост производительных сил и развитие техники (в частности, появление и развитие огнестрельного оружия). На форму крепостей влияют и социальные условия. Укрепления больших средневековых городов, боярских усадеб или же княжеских пограничных крепостей строились по-разному.

Кроме того, и мощность оборонительных сооружений большей частью отражала экономические возможности той социальной группы, для которой эти укрепления были воздвигнуты.

Однако прямое воздействие социальных условий или производительных сил на развитие крепостей сказывается далеко не всегда, и не это непосредственное влияние объясняет развитие форм оборонительных сооружений. Как правило, рост производительных сил и социальные условия оказывают влияние на развитие оборонительных сооружений лишь в сложном взаимодействии военно-инженерного искусства с различными сторонами экономической и культурной жизни общества. Кроме того, рассматривать историю развития крепостей можно только в неразрывном единстве с тактикой, а периодизацию истории военного зодчества можно строить лишь с учетом развития как самих крепостей, так и тактических приемов их осады и обороны.

Можно отметить, что в единстве тактики и оборонительных сооружений тактика играет более активную роль. При этом развитие тактики осады иногда опережает появление новых, соответствующих ей форм оборонительных сооружений. Это не исключает, конечно, того, что и развитие форм укреплений влияет в свою очередь на развитие тактических приемов осады и обороны.

Таким образом, периодизация истории военного зодчества должна быть построена в соответствии с эволюцией форм крепостных сооружений, а также тактических принципов осады и обороны при учете общей

¹ Для разработки общей периодизации истории русского военного искусства большое значение имела дискуссия на страницах журнала «Военная мысль» (1947, № 1, 4 и 7).

² В настоящей статье не употребляется термин «долговременная фортификация», поскольку этот термин начал применяться в России в значительно более позднее время.

периодизации истории того общества, военно-инженерное искусство которого является предметом изучения.

* * *

Наименее изученным в истории древнерусского военно-инженерного искусства является ранний его период — до конца X в. Городища этого времени исследованы еще очень слабо. Кроме того, подавляющее большинство укрепленных поселений продолжало существовать и позднее, в XI—XII вв., а поэтому остатки оборонительных сооружений наиболее раннего периода не всегда удается отделить от более поздних. Отсутствие письменных источников этого времени не позволяет заполнить данный пробел. Однако немногочисленные сведения, которыми мы располагаем, дают возможность утверждать, что русские оборонительные сооружения VIII—X вв. были полностью подчинены защитным свойствам местности. Укрепленные поселения располагались либо на островке, либо на мысу при слиянии двух ручьев или соединении двух оврагов. При этом последний — полуостровной — прием применялся значительно чаще островного. Как полуостровное, так и островное расположение давало естественную защиту большей части или даже всему периметру поселения. С той стороны, где естественных препятствий не было, т. е. с напольной стороны (при мысовом расположении), вырывался ров, а выброшенная земля насыпалась в качестве вала¹. По периметру укрепленного поселения ставился, повидимому, простой деревянный частокол.

Начиная с конца X в. можно отметить появление новых, более мощных и сложных сооружений. Наряду с простейшим типом планировки оборонительной системы, характерным для раннего периода, широкое распространение получает островное или, чаще, полуостровное расположение поселений, окруженных по всему периметру земляным валом. Со второй половины XI в. появляется еще один прием планировки, когда поселения располагаются на плоской местности и окружаются кольцевым валом². Усложняется не только планировка оборонительной системы, но становится более сложной и ее конструкция. Существенное значение с конца X в. приобретают мощные земляные валы, часть которых имеет внутри скрепляющую деревянную конструкцию³. На земляных валах, кроме частоколов, сооружаются уже и срубные деревянные стены с боевыми площадками — заборолами.

Если оборонительные сооружения VIII—X вв. были, повидимому, предназначены для защиты поселений от неожиданного нападения кочевников, то укрепления конца X—XII в. строились уже с учетом возможности их организованной осады. Анализ письменных источников (в первую очередь русских летописей) показывает, что господствующими приемами захвата укреплений в это время были «изъезд» и «облежание». «Изъездом», т. е. неожиданным захватом поселения, до того, как его защитники успевали подготовиться к обороне, часто пытались воспользоваться как кочевники, так и русские войска. Если же такой захват не удавался, то приступали к осаде, которая вплоть до XIII в. была исключительно пассивной, почему и называлась «облежанием». Она продолжалась до тех пор, пока осажденные не сдавались от голода и жажды. Прямой штурм укреплений применялся крайне редко⁴.

¹ И. И. Ляпушкин. Раннеславянские поселения Днепровского лесостепного левобережья. — СА, XVI, стр. 29.

² П. А. Раппопорт. Заметки о датировке некоторых типов городищ Поднепровья. — КСИИМК, вып. XLVIII, 1952, стр. 107—115.

³ П. А. Раппопорт. Древнерусские оборонительные конструкции с применением сырцово-кирпичной кладки. — КСИИМК, вып. 52, 1953.

⁴ М. Г. Рабинович. Осадная техника на Руси в X—XV вв. — «Изв. АН СССР», серия истории и философии, 1951, № 1.

С XIII в. на Руси начал широко применяться новый тактический прием: захват поселений производился прямым штурмом его укреплений, причем пускались в ход осадные камнеметные машины — пороки. Задача таких машин заключалась не в том, чтобы сломать городские стены, а в том, чтобы подавить активную стрелковую оборону, а именно сбить брустверы и заборолы; после этого под прикрытием непрерывной стрельбы из луков и самострелов, при помощи завалов, примётов и приставных лестниц форсировались рвы и валы, а затем штурмовались и деревянные стены.

В соответствии с новыми тактическими приемами существенно изменяются и оборонительные сооружения. Если до XIII в. русские укрепления (за ничтожным исключением) были дерево-земляными, то, начиная с конца XIII в., а в особенности в XIV в. в большом количестве строятся каменные крепости, несравнимо лучше выдерживающие удары камнеметов¹. Если раньше основным видом поражения живой силы противника была фронтальная стрельба, препятствовавшая ему приблизиться к оборонительной ограде, то, начиная с XIII в., в связи с частыми случаями прямого штурма, начинает применяться обстрел и вдоль стен, поражающий нападающих в момент форсирования укреплений. Вплоть до XIII в. башни возводились лишь как воротные укрепления и наблюдательные пункты. Примерно с середины XIII в. появляются и боевые башни, которые быстро становятся основными боевыми узлами крепости. Предназначавшиеся вначале главным образом для кругового обстрела, боевые башни несколько позже начинают строиться и для фланкирующей стрельбы. При этом они возводятся не по всему периметру стен крепости, а лишь с наименее защищенной естественными преградами стороны, наиболее подвергавшейся опасности вражеского штурма. Крепости приобретают лобовую сторону, стену «с приступа», которая не только принимает удары врага, но и отбивает их всей силой сосредоточенной на ней боевой мощи.

Оборона крепостей этого времени делилась, таким образом, на активную и пассивную. К активной обороне были приспособлены главные — лобовые — стороны, снабженные башнями и имевшие перед собой дополнительные искусственные препятствия — рвы и валы, а к пассивной — стороны тыловые, стены которых не были усилены башнями и имели перед собой непреодолимые или почти непреодолимые естественные преграды в виде рек и отвесных обрывов².

Следующее существенное изменение тактических приемов ведения боя и форм оборонительных сооружений связано уже с применением огнестрельного оружия. Однако первое время больших изменений ни в тактике осады, ни в устройстве крепостных сооружений не было. Не ранее середины XV в. пушки достигли такой силы, что могли наносить серьезный ущерб каменным укреплениям³. Тогда же получил распространение и новый тактический прием, заключающийся в том, что пушечными ядрами стремились пробить брешь в стене и открыть путь для более успешного преодоления укреплений. Уже на рубеже XIV и XV вв. в русских крепостях появились некоторые изменения, связанные с применением пушек: меняется форма амбразур в башнях. К середине же XV в. существенно изменяются и сами крепости. Каменные стены усиливаются дополнитель-

¹ П. А. Раппопорт. Волинские башни. — МИА, № 31, стр. 222.

² В. В. Косточкин. Русское крепостное зодчество XIV—XVII вв. — «Советская архитектура», № 7.

³ П. А. Раппопорт. Из истории военно-инженерного искусства древней Руси. — МИА, № 31, стр. 194; А. Л. Монгайт. Оборонительные сооружения Новгорода Великого. — МИА, № 31, стр. 95.

ными прикладками с внешней стороны, а деревянные — делаются двойными с внутренней земляной засыпкой. Однако в связи с существованием старых приемов осады крепостей, когда штурм их производился в лоб, т. е. со стороны рвов и валов, являвшихся препятствиями менее существенными, чем водные пространства рек и отвесные обрывы холмов, общая структура крепостей остается, по существу, еще прежней, т. е. сохраняется приведенное выше приспособление сторон к активной и пассивной обороне¹.

Во второй половине XV—начале XVI в., когда перед Московским государством встал вопрос о необходимости усиления обороны пограничных районов, происходит коренная реконструкция почти всех действовавших тогда крепостей, которые как бы приводятся к одной системе. Поэтому подавляющее большинство сохранившихся древнерусских военно-оборонительных сооружений, даже основанных еще в XII—XIII вв., полностью перестраивается. Естественно, что при перестройке учитывались изменения, внесенные тогда в осадную технику, а также повысившаяся мощь и дальнобойность артиллерии. Необходимость создания эффективного флангового обстрела вынуждала стремиться к сооружению более прямолинейных прясел стен, а возможность поражать врага фронтальным артиллерийским огнем на довольно большом расстоянии обуславливала равномерное распределение башен по всему периметру крепости. В связи с этим становятся более редкими «неправильные» по планировке, сильно округленные в плане укрепленные пункты. На смену им приходят военно-оборонительные сооружения, плановая структура которых приближается к геометрической форме. Эти сооружения не имеют уже лобовых сторон, характерных для крепостей домосковского периода, а их оборона уже не делится на оборону активную и пассивную. Благодаря равномерно расставленным башням, оборона строится уже с расчетом активного сопротивления в любом направлении, независимо от расположенных вокруг естественных и искусственных препятствий². Одновременно, в связи с изменением формы стен и иной расстановкой башен, появляется и совершенно новый тип крепости — «регулярный»³. Крепости этого типа — прямоугольные в плане, с симметрично расположенными крепостными башнями. В отличие от округлых укреплений XII—XIII вв., в которых благодаря возможности сосредоточить на каждом участке стены наибольшее количество защитников, обеспечивалась наибольшая плотность фронтального обстрела, прямоугольные крепости с прямыми пряслами стен и равномерным распределением башен дают возможность вести мощный и фронтальный и фланговый артиллерийский огонь. Поэтому «регулярные» крепости строились не только на вершинах холмов, но и в низинах.

Последним уже с конца XVI в. происходит новое изменение оборонительных сооружений, связанное с массовым применением мощных пушек. Наряду с каменными крепостями, а затем и вместо них начинают возводиться земляные укрепления, более успешно выдерживающие артиллерийский обстрел.

Для фланкирования прямых отрезков стен укреплений на их углах устраиваются многоугольные бастионы⁴. Однако этот тип укреплений получает распространение только с конца XVII в.

¹ В. В. Косточкин. Ивангород и его место в развитии русского крепостного зодчества XV—XVII вв. М., 1953, стр. 16.

² В. В. Косточкин. Крепостное зодчество конца XV—начала XVI в. Раздел главы «Каменное зодчество эпохи расцвета Москвы» в III томе «Истории русского искусства». М., 1955, стр. 371.

³ В. В. Косточкин. Крепость Ивангород. — МИА, № 31, стр. 316.

⁴ А. Л. Монгайт. Указ. соч., стр. 48.

Таким образом, историю древнерусского военного зодчества можно разделить на следующие периоды:

Первый период — VIII—X вв. Оборонительные сооружения этого периода отвечают элементарной тактике внезапного захвата укреплений и не приспособлены к длительной обороне.

Второй период — с конца X до XIII в. Оборонительные сооружения приспособлены к обороне в условиях длительной организованной осады, однако имеющей в основном пассивный характер — «облежание».

Третий период — XIII, XIV и частично XV вв. Период, связанный с тактикой активной осады, поддерживаемой камнеметными машинами. Этот период начинается, по видимому, не с монгольского нашествия, а несколько раньше и связан, таким образом, с внутренним развитием русского военного искусства, а не с внешними политическими событиями. Период характеризуется определенной боевой направленностью крепостей в сторону основного удара врага. С конца XIV в. появляется огнестрельная артиллерия, которая в конце периода вызывает изменение толщины стен крепостных сооружений и оказывает влияние на форму боевых отверстий. Однако старые тактические приемы осады укрепленных пунктов в это время еще сохраняются.

Четвертый период — со второй половины или конца XV до конца XVII в. Оборонительные сооружения этого периода отвечают уже довольно мощной и дальнбойной артиллерийской технике. В соответствии с новыми приемами осады и обороны в них изменяется соотношение между башнями и стенами, а затем меняется и общая плановая структура.

Пятый период — с конца XVII в. Этот период связан с дальнейшим развитием и усовершенствованием артиллерийской техники. Он характеризуется применением земляных укреплений.

Границы данных периодов определяются существенными изменениями в развитии военного зодчества, а не социально-экономическими изменениями в истории Руси. Однако несомненно, что в целом настоящая периодизация должна соответствовать общеисторической периодизации русской истории. Этому несколько не противоречит то обстоятельство, что специфика развития военно-инженерного искусства вызывает зачастую довольно значительные хронологические несовпадения (большей частью отставание) периодов развития военного зодчества с основными периодами общеисторического развития. Так, первый период развития военного зодчества, соответствующий периоду разложения первобытно-общинного строя, продолжается вплоть до окончательного сложения древнерусского раннефеодального государства, а второй период, соответствующий эпохе этого раннефеодального государства, захватывает также и начало феодальной раздробленности; третий соответствует периоду феодальной раздробленности, четвертый — русскому централизованному государству и, наконец, последний, пятый, связан с образованием дворянской империи Петра I.

Несомненно, что изложенные здесь данные о развитии древнерусских оборонительных сооружений и их связи с определенными изменениями тактики осады и обороны требуют еще уточнения. Больше того, дальнейшее изучение оборонительных сооружений, может быть, опровергнет некоторые из высказанных нами соображений. Изученность памятников древнерусского военного зодчества, как говорилось выше, еще невелика, и многие стороны развития военно-инженерного искусства не могут быть сейчас выяснены даже в самых общих чертах. Так, почти совершенно не исследованы оборонительные сооружения северо-восточной Руси вплоть до XIV в.; очень мало известны оборонительные сооружения Галицко-Волынской земли XII—XIII вв. и памятники древнейшего периода истории Новгородской

земли. Не изучено соотношение оборонительных сооружений Южной Руси и северных русских княжеств в домонгольское время, а также взаимосвязь оборонительных сооружений Руси и соседних стран. Еще недостаточно детально изучены даже самые основные памятники древнерусского военного зодчества, мало исследованы их конструкции, не уточнены датировки.

Советская историческая наука добилась за последнее время серьезных успехов в области изучения истории русского военного искусства. Не менее крупные успехи имеются и в изучении военно-инженерного искусства и, в частности, его древнего периода. Это дает нам все основания утверждать, что советскими исследователями будут не только изучены отдельные памятники военного зодчества или группы их, но и будет написана в ближайшем будущем история древнерусского военно-инженерного искусства.

М. А. ИЛЬИН

ИЗ ИСТОРИИ ВОЕННО-ОБОРОНИТЕЛЬНЫХ МЕРОПРИЯТИЙ
МОСКОВСКОЙ РУСИ XVII ВЕКА

Рост и укрепление Русского государства XVI—XVII вв. протекали в условиях почти непрерывной борьбы с западными соседями, стремившимися различными средствами помешать его развитию. Вынашивались и бредовые планы завоевания и порабощения русского народа. Одним из таких «проектов» был предложенный императору Рудольфу II немецким авантюристом Штаденом «план обращения Московии в имперскую провинцию»¹. Штаден, служивший в опричнине, обратил внимание на слабую защищенность северных границ Русского государства и рекомендовал организовать вторжение в «Московию» именно с северной стороны. Основным положением этого ярого врага Руси было: «города и деревни должны стать свободной добычей воинских людей». Культура русского народа должна была быть уничтожена. «Монастыри и церкви должны быть закрыты» — писал Штаден. «Повсюду рядом с русскими церквями, из которых маленькие выстроены из дерева, необходимо поставить церкви по нашему закону — каменные или деревянные. В дальнейшем наши церкви останутся, а русские разрушатся»². Представляя свой план Рудольфу II, автор просил о сохранении его в тайне, так как если Иван Грозный «узнает об этом, он прикажет укрепить острогами и занять гарнизонами устья рек на описанном морском берегу»³.

Однако можно предполагать, что план Штадена стал в какой-то мере известен военным кругам других государств. Первую попытку вторжения через северные границы сделали датчане. Еще в 1619 г. царская грамота извещала игумена Соловецкого монастыря Иринарха с братьей: «... ведомо нам учинилось, что у Дацкого короля в сборе воинские люди и наряд на многих кораблях, а чаясь его приход к нашим землям к морским местам. И как к вам наша грамота придет и вы б тотчас велели около Соловецкого монастыря и Сумского острогу всякие крепости поделать, для того буде придут к монастырю и к Сумскому острогу Дацкие корабли, вам бы сидеть было безстрашно...»⁴.

Действительно, в 1623 г. четыре датских военных корабля появились у Кольского острога и начали военные действия. Об этом Соловецкий

¹ Г. Штаден. О Москве Ивана Грозного. Записки немца-опричника. Л., 1925, стр. 60 и сл.

² Там же, стр. 71—76.

³ Там же, стр. 58.

⁴ ААЭ, т. III. СПб., 1848, № 106, стр. 145; Архим. Досифей. Географическое, историческое и статистическое описание ставропигиального первоклассного Соловецкого монастыря. М., 1836, ч. III, стр. 107.

монастырь тотчас был извещен особой грамотой¹. Первая попытка нарушить северную границу государства заставила московское правительство принять меры к обороне этого «украинного места» Руси. Еще в 1621 г. был сооружен деревянный острог в Холмогорах². После нападения датчан следует постройка военно-оборонительных сооружений в Шенкурске (1629 г.), Каргополе, Белозерске, Чухломе, Галиче, Вологде, Костроме и т. д. Москва спешила укрепить торговый путь, ведущий к северу — к Архангельску, Коле, Каргополю, однако первых предпринятых мер оказалось недостаточно. В 1646 г. известный голландец на русской службе Андрей Виниус донес царю, что он слышал от Петра Марселиса (тоже голландца на русской службе) следующее: глава шведского правительства Яков Понтус Делагарди в бытность у него, Марселиса, «в Сvei» (т. е. в Швеции) говорил, что «если бы де он досуж был и земляной бы чертеж разумел в те поры (т. е. умел бы обращаться с географической картой. — *М. И.*), как он воевал зде в Руссийском государстве (речь идет об осаде Делагарди Новгорода в 1611 г. — *М. И.*), будь он на месте (главы правительства. — *М. И.*), и он бы не с тое стороны начал войну, а начать ему с Архангелогородецкую сторону, потому что то первые ворота Российского государства. . .» и потому, добавлял А. Виниус, «пристойно и надобно та сторона крепить»³. Помимо этого крайне важного сообщения Посольскому приказу стало известно, что «на Двине реке . . . в Березовском устье немецкие корабли учали вновь тайно приходить»⁴. Повидимому, в связи со всеми этими известиями архангельскому воеводе был послан запрос, можно ли в несколько недель в Двинском, т. е. Березовском, устье «по обе стороны реки сделать крепости, башни поставить каменные и поперец [реки] чеши железные сделать»⁵. Москва запрашивала также о стоимости, количестве и наличии необходимого для этого железа, камня и т. д. Вопрос о постройке столь необычных укреплений вызвал необходимость создания своего рода «комиссии». Она выехала искать удобное для них место, которое должно было быть возвышенным, чтобы в весеннее половодье лед и уносимый водой лес не портили башен. Необходимое место было найдено, но начать постройку не удалось, так как оказалось, что «на Двине каменных дел мастеров нет»⁶. А. Виниус предполагал более широкие меры — закрыть такими же башнями с цепями устья всех северных судоходных рек⁷.

Таким образом, проект Двинских башен не осуществился. Легко себе представить, каким был этот проект. Две грандиозные каменные башни возвышались на противоположных берегах широкой полноводной реки. Из их бойниц на реку были направлены стволы крепостного пушечного «наряда». Крытые шатрами башни, точно гигантские ростральные колонны, — подлинные Геркулесовы столбы — преграждали путь вражеским кораблям как своей артиллерией, так и могучими цепями, свисавшими в воду. То, что знает современная военно-морская оборонительная техника — заграждение портов металлическими сетями на бонах (поплавках), было заложено в этом русском проекте XVII в.

Невозможность осуществления постройки башен на Двине в ее устье не означала, однако, полного отказа от обороны северной границы. Так, в 1649 г. последовало предписание Олонецкому воеводе Чоглокову «чтоб Заонежских и Лопских погостов крестьян солдатскому строю выучить» на случай «прихода воинских людей»⁸. Помимо этого в том же году были на-

¹ ААЭ, т. III, № 137, стр. 193; Архим Досифей. Указ. соч., ч. III, стр. 118.

² Ф. Ласковский. Материалы для истории инженерного искусства в России. СПб., 1858, ч. I, стр. 25.

³ ДАИ, т. III, № 13, стр. 64.

⁴ Там же, стр. 65.

⁵ Там же, стр. 61.

⁶ Там же, стр. 65.

⁷ Там же, стр. 64.

⁸ Там же, № 67.

чаты и закончены два деревянных оборонительных укрепления г. Олонца. Окончив постройку 27 октября 1649 г., воевода Ф. Волконский, «написав роспись и начертя чертеж и сделав городом образец», послал все это в Москву¹. «Роспись» г. Олонца — один из замечательнейших документов, рассказывающий подробно о характере русских военно-оборонительных укреплений XVII в.

Однако и постройка Олонца показалась недостаточной: в 1658 г. начинается строительство Кирилло-Белозерского монастыря — грандиознейшей крепости XVII в. В основном она была закончена в 1667 г., хотя отдельные работы велись вплоть до 1679 г.² Строительство этого крупнейшего крепостного сооружения XVII в. в какой-то мере заменило неосуществленный проект постройки парных каменных башен в устье Двины.

¹ ДАИ, т. III, № 64, стр. 225—231.

² Архим. И а к о в. Извлечение из архивных дел Кирилло-Белозерского монастыря. — «Древности», т. XIII. М., 1880, стр. 153; Н. Никольский. Кирилло-Белозерский монастырь и его устройство. СПб., 1897; Г. Антипин. Крепость Кирилло-Белозерского монастыря. Кириллов, 1934; Н. Н. Забелк. Крепостные сооружения XVII в. в Кириллове. — «Сб. исследований и материалов Артиллерийского исторического музея Красной армии», т. I, М.—Л., 1938.

II. ПОЛЕВЫЕ АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

И. Г. ШОВКОПЛЯС

ДОБРАНИЧЕВСКАЯ ПАЛЕОЛИТИЧЕСКАЯ СТОЯНКА

(Предварительное сообщение)

Район лесостепного левобережья Днепра, несмотря на открытие там первой в СССР Гонцовской позднепалеолитической стоянки в 1871 г.¹, в отношении палеолита является до сих пор одним из наиболее слабо изученных на территории Украинской ССР.

Кроме Гонцовской и Журавской² стоянок и отдельных местонахождений остатков костей ископаемых животных в сопровождении обработанных кремней³, в этом районе нет памятников, относящихся к палеолитической эпохе. Поэтому открытие и исследование в нем новой позднепалеолитической стоянки с ее сложным хозяйственно-бытовым комплексом представляет немалый научный интерес.

Во время земляных работ осенью 1952 г. у с. Добраничевки Шрамковского района Черкасской области были открыты остатки стоянки в виде скопления костей животных (мамонта), кремней и костного угля. Они залежали в верхней части лёссового слоя на небольшом древнем мысе второй надпойменной террасы р. Супоя — левого притока Днепра. Часть стоянки была разрушена при земляных работах. Глубина залегания культурных остатков — 2—3 м от современной поверхности.

Раскопками 1953 г.⁴, произведенными на площади около 200 кв. м, открыт интересный комплекс, состоявший из остатков наземного жилища, ямы-хранилища, заполненной костями животных, и углубленного очага (рис. 4). Часть покрывающего слоя почвы и лёсса была снята при сооружении находящегося рядом участка шоссе; поэтому верхняя часть культурного слоя в последние 20 лет подвергалась влиянию атмосферных вод и неоднократному зимнему промерзанию, вследствие чего найденные кости оказались очень плохой сохранности.

Культурный слой залегал с небольшим уклоном в направлении с севера на юг, отвечающим уклону древней поверхности мыса террасы. Мощность культурного слоя на месте расположения вскрытого комплекса и на небольшой площади вокруг него достигала 1 м. Вне комплекса, на его периферии, встречены только единичные находки кремней и костей; по ним можно установить древнюю дневную поверхность, на которой было сооружено

¹ Ф. И. Каминский. Следы древнейшей эпохи каменного века по р. Суле и ее притокам. — «Тр. III АС» в Киеве, т. I, Киев, 1878, стр. 147—152.

² М. Рудинський та А. Вороний. З приводу знахідки в м. Журавці на Прилуччині. — «Антропологія», т. I, Київ, 1928, стр. 65—69.

³ П. И. Борисковский. Палеолит Украины. — МИА, № 40, стр. 443—444.

⁴ Раскопки осуществлены под руководством автора и И. Г. Пидопличко.

жилище. Отдельные разрозненные находки кремней и обломков костей, занесенных землеройными животными, встречались на разных глубинах вне культурного слоя.

Остановимся на характеристике отдельных объектов комплекса.

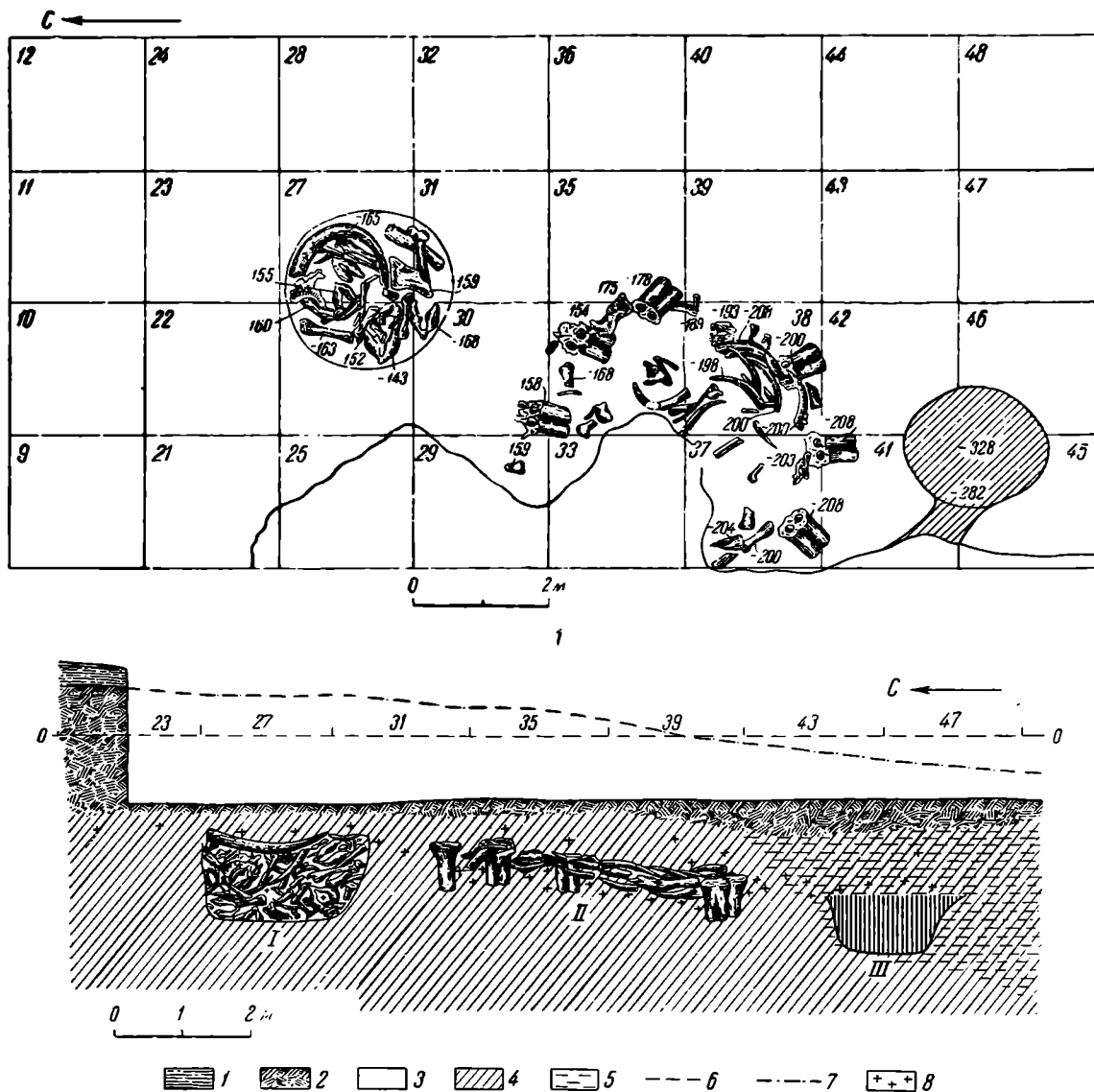

Рис. 4. Добраничевская палеолитическая стоянка:

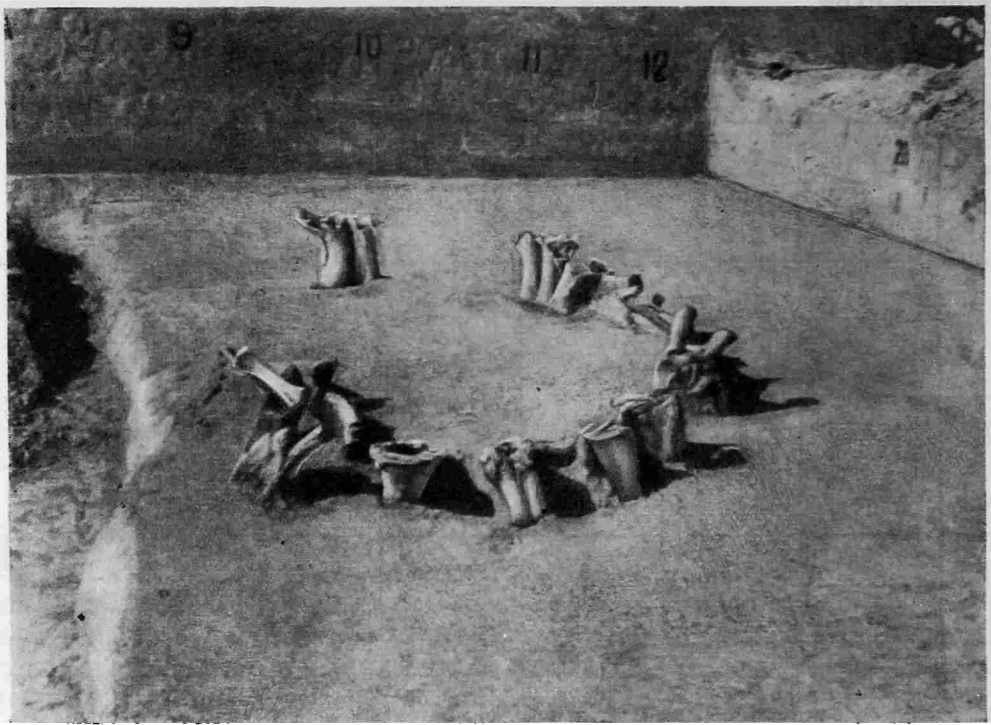
1 — план размещения стоянки; 2 — разрез комплекса стоянки:

1 — насыпная земля; 2 — почвенный слой; 3 — почвенный слой, снятый при сооружении дороги; 4 — лёсс; 5 — лёсс с включением ортштейна; 6 — нулевая ливня (18 м над поймой реки); 7 — современная дневная поверхность; 8 — кремни.

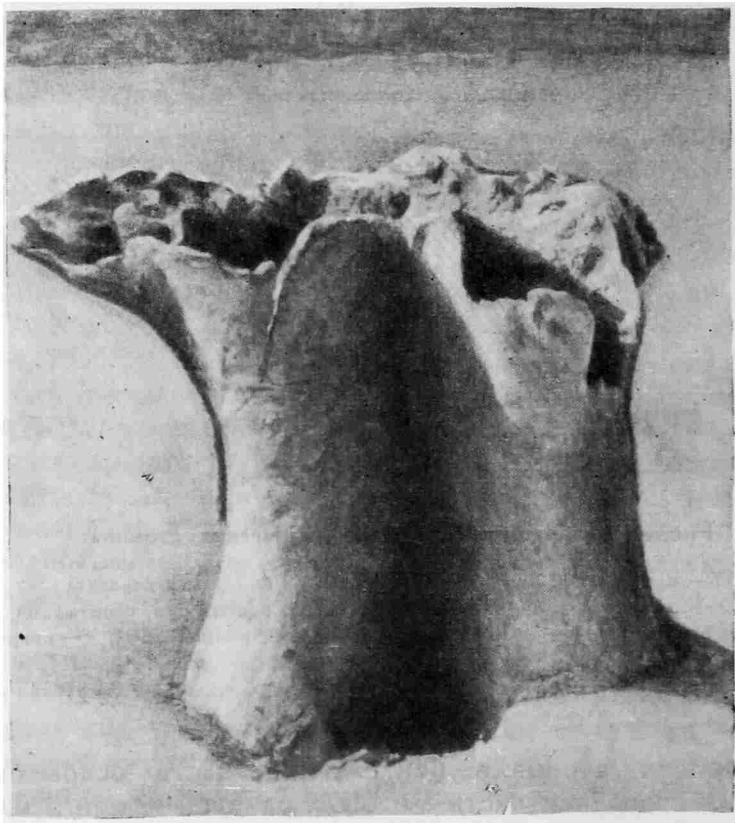
I — яма, заполненная костями; II — остатки наземного жилища; III — выгребная яма очага.

Остатки жилища занимали центральную часть вскрытой площади стоянки (рис. 4). Западная часть его была разрушена при земляных работах до раскопок. Жилище было круглым в плане (диаметром 3,8 м) и имело четко выраженный наземный характер.

В конструкцию входили носовые части черепов мамонта и другие крупные кости этого животного, образуя довольно мощное ограждение. Кости были вкопаны вертикально на глубину до 30 см ниже уровня пола жилища и стояли близко одна от другой, местами образуя сплошную стену

1

2

Рис. 5. Остатки наземного жилища в виде ограждения из костей мамонта (1) и носовая часть черепа мамонта, входившая в конструкцию жилища (2).

(рис. 5). Почти все они сохранили первоначальное вертикальное положение. Только некоторые были повалены, очевидно, при разрушении жилища. Земляного вала или присыпки, которые бы дополнительно укрепляли стенки из костей, не обнаружено, и их, по всей видимости, не было. Подтверждением может служить наличие нескольких скоплений кремней непосредственно у стен (с наружной стороны). Ограждение из крупных костей составляло нижнюю часть стен жилища и служило одновременно упором для деревянных жердей, из которых была сооружена его верхняя часть. Верхние концы жердей сводились вместе и (включая ограждение из костей внизу) образовывали каркас шалашевидной постройки. Жилище могло быть покрыто ветками деревьев, травой или шкурами животных, в частности, мамонтов. Оно, вероятно, близко напоминало жилища арктических народов — чумы. Вход в жилище установить не удалось. Возможно, он находился в разрушенной западной части.

Для закрепления кровли на ней размещали кости животных, в частности, бивни мамонта, которые при разрушении жилища попали внутрь его. Такого, вероятнее всего, происхождения скопления (24 шт.) бивней мамонта, находившихся в жилище и перекрывавших собой его заполнение с многочисленными кремнями и другими предметами (рис. 6—7). В жилище и вокруг него при раскопках обнаружено большое число разнообразных изделий из кремня, в том числе много мелких отщепов и чешуек, свидетельствующих о том, что обработка кремня производилась на стоянке и даже в самом жилище.

По мелким отщепам кремня, находившимся в нижней части заполнения жилища, был установлен первоначальный пол. Кремни и другие мелкие предметы попали в заполнение же и после разрушения, будучи смыты с вышележащих участков.

По устройству и характеру заполнения жилище Добраничевской стоянки имеет много общих черт с устройством жилищ на ряде других позднепалеолитических стоянок нашей страны. Ближайшей аналогией ему может быть жилище Гонцовской стоянки, ограждение которого также состояло из крупных костей мамонта, главным образом из черепов¹. Кости животных, в том числе черепа и другие крупные кости мамонта, иногда вместе с камнями, входили в конструкцию жилищ на таких хорошо известных стоянках, как Супоневская около Брянска², Елисеевичи на Судости³, Гагарино на Дону⁴, Мальта недалеко от Иркутска⁵, Пушкари⁶ и в ряде других. Вместе с тем жилище в Добраничевке имеет и свои отличительные признаки, как, например, отсутствие внутреннего очага, хорошо выраженный наземный характер и др., заслуживающие пристального внимания и дальнейшего исследования.

Яма-хранилище (рис. 6—2) занимала северную часть комплекса стоянки. Она находилась на расстоянии 2 м от жилища и не имела никаких признаков связи с ним. Яма почти круглая в плане, суживающаяся книзу (диаметр по верхнему краю — 2 м, по дну — 1,7 м, глубина — 1,2 м), была плотно забита костями, количество которых превышало 400 экз. Среди

¹ «Розкопки палеолітичного селища в с. Гонцях, Лубенського повіту в 1914 і 1915 рр.» — «Зап. Укр. науков. тов-ства дослід. й охорони пам'яток старовини та мистецтва на Полтавщині», вип. 1. Полтава, 1919, стр. 68—70; В. А. Городцов. Исследование Гонцовской палеолитической стоянки в 1915 г. — «Тр. РАНИОН», т. I. М., 1922, стр. 21—25; І. Ф. Левицький. Гонцівська палеолітична стоянка. — «Палеоліт і неоліт України», т. I. Київ, 1949, стр. 231—232.

² І. Г. Шовкопляс. Житла Супоневської палеолітичної стоянка. — «Археологія», т. V. Київ, 1951, стр. 133—134.

³ Исследования К. М. Поликарповича.

⁴ С. Н. Замятин. Раскопки у с. Гагарино. — «Изв. ГАИМК», вып. 118, Палеолит СССР. М. — Л., 1935, стр. 33—40.

⁵ М. М. Герасимов. Раскопки палеолитической стоянки в с. Мальте. — «Изв. ГАИМК», вып. 118, стр. 115—117.

⁶ П. И. Борисковский. Палеолит Украины, МИА, № 40, стр. 183—194.

1

2

Рис. 6. Скопление бивней мамонта в заполнении жилища (1) и яма-хранилище, заполненная костями животных (2).

них преобладают кости мамонта — нижние челюсти с зубами, лопатки, позвонки, кости конечностей, ребра, бивни и др., принадлежавшие нескольким особям (в яме было 9 одних только нижних челюстей).

Кости лежали в самых разнообразных положениях, стояли вертикально и наклонно, перекрещивались между собой и т. п. Заполнение ямы производило впечатление свалки костей, сброшенных без какой-либо определенной укладки их.

Однако были отмечены серии одинаковых костей, принадлежавших нескольким особям животного и, следовательно, преднамеренно отобранных человеком для каких-то хозяйственных потребностей.

На некоторых извлеченных из ямы костях заметны следы зубов хищников. Это свидетельствует о том, что кости до сбрасывания их в яму некоторое время находились на поверхности.

В яме обнаружено несколько изделий из кости, в частности, проколка, заготовка для ложила из ребра мамонта и обработанный обломок бивня мамонта, а также небольшое число кремней, вероятно, попавших сюда случайно. Никаких признаков очага в яме не обнаружено, что еще раз подтверждает ее чисто хозяйственное назначение в качестве специального хранилища костей.

Подобные ямы-хранилища, заполненные костями животных, встречены и на других позднепалеолитических стоянках нашей страны, в частности, в Гонцах¹ и Костенках², где они находились в непосредственной близости от жилищ или окружали их (в Гонцах таких ям было несколько).

Очаг находился в южной части комплекса стоянки (рис. 4). К моменту раскопок он сохранился лишь частично, так как был сильно разрушен при земляных работах. Составить полную картину можно на основании сохранившейся части, по аналогии с очагами других стоянок и по рассказам производивших земляные работы. Сохранившаяся часть представляла собой яму округлой формы, суживающуюся ко дну (верхний диаметр — 2 м, диаметр по дну — 1,3 м), глубиной 0,9 м. Яма была соединена с разрушенной западной частью очага канавообразным углублением («переходом») шириной около 0,9 м и глубиной 0,45 м. И яма и канавообразный переход были заполнены массой костного угля и золы, расщепленным кремнем, костями животных. От обилия костного угля и золы заполнение ямы и перехода было темносерого цвета.

Разборка заполнения показала, что перемешанные с костным углем и золой многочисленные кремни, кости животных и другие предметы не имели на себе никаких следов действия огня. Это свидетельствует о том, что в сохранившуюся яму, которая являлась составной частью очага, выгребали уголь и золу. Поэтому ее можно с полным основанием назвать выгребной ямой очага. Сама же очажная яма, видимо, была несколько меньших размеров, чем выгребная. По канавообразному углубленному переходу зола и угли перемещались из одной части очага в другую.

Таким образом, есть основание полагать, что очаг на Добраничевской стоянке состоял из двух углублений (очажного и выгребного), связанных между собой канавообразным переходом. В качестве ближайшей аналогии можно назвать очаг одного из жилищ Супоневской стоянки³.

В заполнении выгребной ямы Добраничевской стоянки, кроме многочисленных костей животных, оказалось свыше 2 тыс. кремней (в том числе много законченных орудий труда), обломки горного хрусталя, кусочки охры и т. п. Можно думать, что все это попало сюда не только в результате деятельности человека, но и естественным путем — смыто водой с окружающей местности.

¹ И. Ф. Левицкий. Указ. соч., стр. 224—230.

² П. П. Ефименко. Первобытное общество. Киев, 1953, стр. 429.

³ И. Г. Шовкопляс. Указ. соч., стр. 132—133.

Заполнение выгребной ямы ничем не отличается от заполнения очажных ям на многих других позднепалеолитических стоянках.

Отличительной особенностью вновь открытого позднепалеолитического хозяйственно-бытового комплекса является то, что очаг находится, в отличие от многих других стоянок этого времени, не внутри жилища, а вне его¹. Возможно, очаг (во всяком случае очажная яма) имел специальное защитное устройство, подобно очагам Мальтинской стоянки, что не удалось установить, так как эта часть комплекса была разрушена до исследования стоянки.

Кроме описанного комплекса, других объектов на площади стоянки, раскрытой раскопками 1953 г., не обнаружено.

Среди находок преобладают кости животных и кремни. В небольшом числе в различных местах раскопа обнаружены изделия из кости, кость со следами обработки, обломки горного хрусталя, кусочки янтаря и охры. Кроме того, как уже указывалось, в заполнении выгребной ямы находилось большое количество костного угля, свидетельствующего о том, что кости животных были одним из основных видов топлива.

При раскопках на стоянке в различных ее местах собрано 746 определенных костей, принадлежавших 45 особям различных животных. При определении их, произведенном И. Г. Пидопличко, получен следующий состав фауны:

Мамонт	638 костей	28 особей
Олень северный	16 "	2 особи
Песец	28 "	3 "
Зубр	2 кости	1 особь
Лисица	2 "	1 "
Сурок степной	2 "	1 "
Заяц	3 "	2 особи
Волк	51 кость	3 "
Россосаха	1 "	1 особь
Медведь	1 "	1 "
Овцебык	1 "	1 "
Птица из куриных	1 "	1 "

Как видно из приведенного перечня, в составе фауны стоянки преобладал мамонт, являвшийся для ее обитателей основным промысловым животным, продукты которого широко применялись для различных надобностей. Важно отметить, что из 28 мамонтов, которые были использованы обитателями стоянки, только два были старыми и три взрослыми; остальные же — молодые и полувзрослые. Очевидно, молодые мамонты были более доступными объектами охоты для примитивных первобытных охотников. Не исключено также, что этот отбор преднамерен, так как мясо молодых мамонтов, очевидно, имело определенные преимущества перед мясом старых животных. Что такой состав мамонтов на Добраничевской стоянке не случаен, свидетельствует такое же преобладание костей молодых мамонтов и на других стоянках позднего палеолита, например в Гонцах².

Изделий из кости обнаружено немного, и они вполне обычны для позднепалеолитического времени. Это проколки из трубчатой кости небольшого животного (рис. 7—1) и осколка крупной кости (рис. 7—2), заготовка для лощила из ребра мамонта со следами работы острыми кремневыми инструментами (рис. 7—3), молотовидное орудие из рога северного оленя (рис. 8)³ и др. Собрано также несколько кусков бивней мамонта со следами обработки (распиливания и обивки).

¹ Остатки очагов вне жилища были отмечены при исследованиях на Гонцовской стоянке (И. Ф. Левицкий. Указ. соч., стр. 206, 215) и в Мальте (М. М. Герасимов. Указ. соч., стр. 117).

² В. А. Городцов. Указ. соч., стр. 25.

³ Аналогичные изделия известны также из раскопок Мезинской стоянки. См. И. Г. Пидопличко. Дослідження палеоліту в УРСР. — «Палеоліт і неоліт України», т. I, Київ, 1949, стр. 23.

Кремень, из которого изготовлены все орудия труда на стоянке, — местного происхождения и добывался в виде галек из подстилающего слоя валунной глины (морены). Гальки в основном небольшой величины, отчего зависят и размеры изготовленных из них орудий (2—5 см). Изделия более крупных размеров (8—10 см) встречаются очень редко, и изготовлены они в большинстве случаев из кремня самого плохого качества, напоминающего кварцит или окаменевшую глину (рис. 9—17-19). Гальки и изделия из них в основном черного или темнокоричневого цвета. Небольшими размерами заготовок (галек) объясняется и то, что значительная часть орудий изготовлена на отщепках, часто имеющих на поверхности участки желвачной корки, так как получить хорошо ограненные пластины было очень трудно. Собранные на стоянке кремни (всего свыше 4 тыс. экз., в том числе около 300 орудий) дают возможность воссоздать весь процесс обработки — от гальки до законченного изделия. Большое число нуклеусов обработано лишь с одной стороны; на другой же стороне целиком сохранилась поверхность гальки (рис. 9—10). Среди нуклеусов (рис. 9—10, 16, 19) имеются и совсем небольшие, напоминающие микролитические (рис. 9—14, 15). Нуклеусам соответствуют и отщепленные от них пластинки (рис. 9—19).

Орудия труда из кремня представлены на Добраничевской стоянке небольшим числом хорошо выдержанных форм, позволяющих определить ее время и место среди других позднепалеолитических стоянок Восточной Европы.

Преобладающими формами орудий являются скребки и резцы, представленные рядом типов. Среди скребков хорошо выделяются серии концевых, округлых, двойных и выемчатых, а среди резцов — боковые, срединные и на углу сломанной пластинки. Кроме того, надо отметить некоторое количество и других форм кремневых орудий.

Концевые скребки составляют самую многочисленную группу орудий (рис. 9—1-5; рис. 10—1-15, 17-20). Они изготовлены на массивных

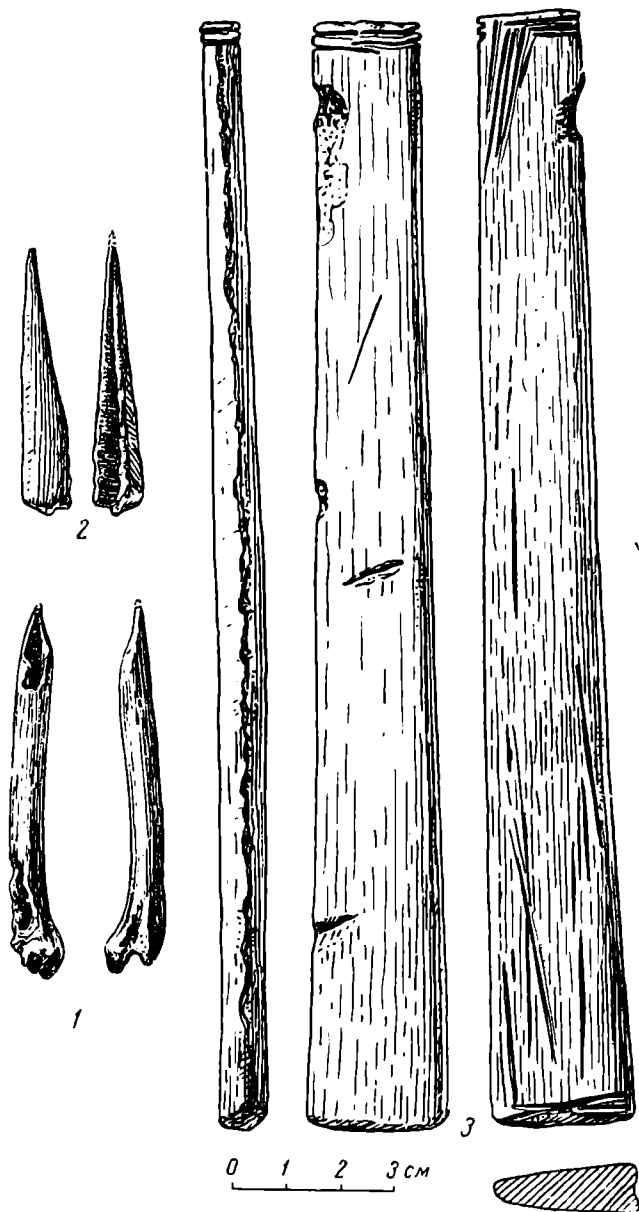

Рис. 7. Изделия из кости с Добраничевской стоянки:

1, 2 — проколки; 3 — заготовка для лопатки из ребра мамонта.

отщепам или обломках пластинок и в ряде случаев имеют остатки желвачной корки (рис. 9 — 1, 3-5; рис. 10 — 1-6, 10, 18). Все они небольших размеров (до 4 см в длину), хотя инс. (на отщепам) довольно широкие (рис. 9 — 1, 5). Довольно большую серию составляют двойные скребки на небольших пластинках и отщепам (рис. 10 — 21-30). На некоторых экземплярах ретушь заходит на боковые грани отщепа, образуя скребок округлой формы (рис. 9 — 2-5; рис. 10 — 5) или совсем круглый, напоминающий скребки азильского типа (рис. 10 — 16). Выемчатые скребки также изготовлялись на отщепам и пластинках и бывают концевые (рис. 9 — 7) и боковые (рис. 9 — 8, 9). Встречены также высокие (нуклевидные) скребочки с мелкой подправкой по краю (рис. 9 — 6).

Среди резцов преобладают резцы бокового типа, изготовленные большей частью на удлинённых пластинках с наискось срезанным и отретушированным концом при помощи продольного скола вдоль края пластинки (рис. 11 — 6-14, 20).

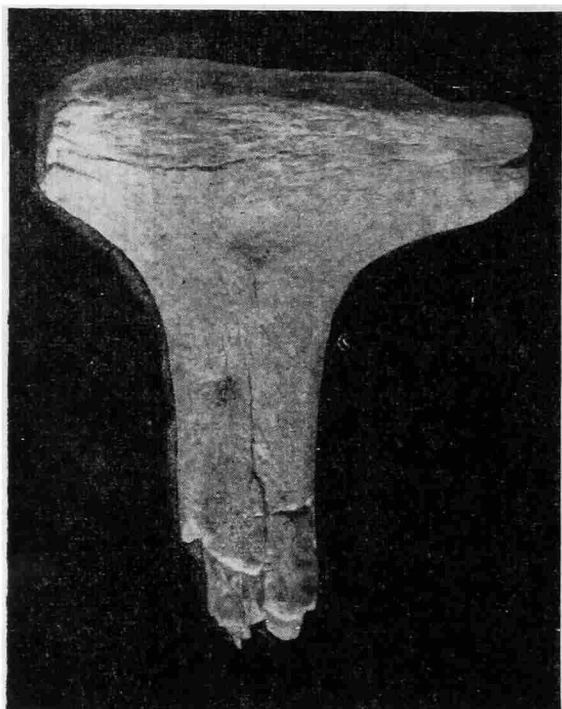

Рис. 8. Молотовидное орудие из рога северного оленя. $\frac{1}{2}$ н. в.

Меньше резцов срединных (рис. 11 — 24-27) и на углу сломанной пластинки (рис. 11 — 21-23). Они в большинстве случаев изготовлены на пластинках и лишь иногда на массивных отщепам (рис. 11 — 25). Собранные и комбинированные орудия в виде резца на одном конце пластинки и скребка — на другом (рис. 11 — 17-19).

Среди других изделий из кремня следует назвать небольшую серию проколов (рис. 11 — 1-3), маленьких пластинок с затупленным краем (рис. 11 — 15-16), а также обломки каких-то орудий из пластинок с отретушированными краями (рис. 11 — 4, 5).

Кроме изделий, обнаружено большое количество различных пластинок со следами ретуши по краям и без ретуши.

Кремневый инвентарь Добраничевской стоянки по своему характеру (небольшие размеры, преобладание небольших скребков, особенно округлых и двойных, а также резцов бокового типа) аналогичен инвентарю ряда стоянок конца позднего палеолита, таких, как Гонцы¹, Боршево II², Чулатово II³, Бугорок⁴ и др.

Особую группу находок составляет небольшая коллекция обломков горного хрусталя и его дымчатой разновидности — мориона (раухтопаза), обнаруженных в различных местах стоянки. Предметы изготовлены человеком преднамеренно путем скалывания со специальных заготовок (кристаллов-

¹ В. А. Городцов. Указ. соч., стр. 28—31; И. Ф. Левицкий. Указ. соч., стр. 213—214.

² П. И. Борисковский. Палеолитическая стоянка Боршево II. МИА, № 2, Палеолит и неолит СССР, стр. 37 сл.

³ Д. З. Галич. Палеолитична стоянка Чулатів II (Робочий рів). — «Палеоліт і неоліт України», т. I. Київ, 1949, стр. 149—153; П. И. Борисковский. Палеолит Украины, стр. 286—291.

⁴ М. Д. Гвоздовер. Палеолитическая стоянка Бугорок. — КСИИМК, вып. XV, 1947, стр. 92—97.

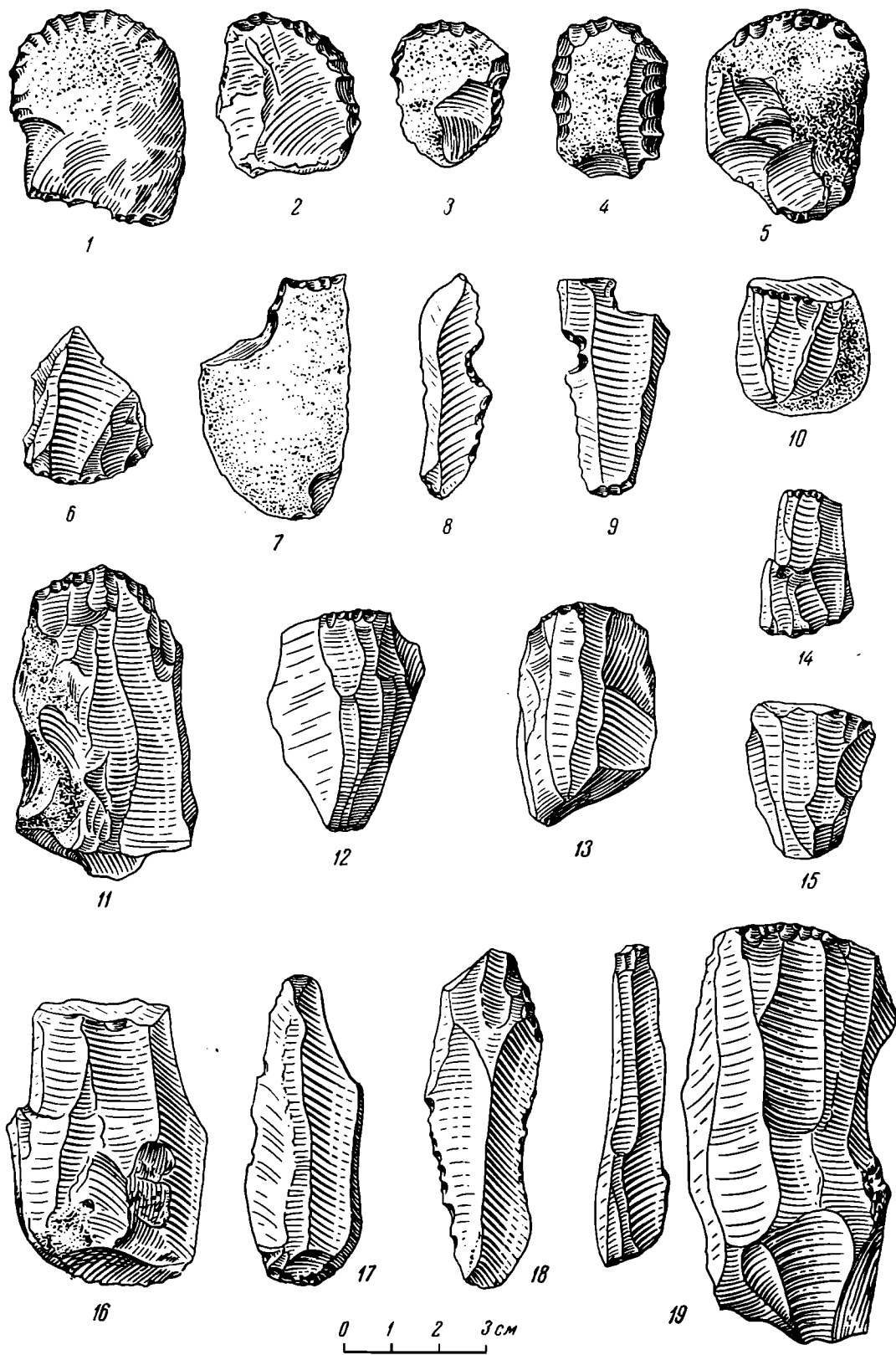

Рис. 9. Изделия из кремня с Добраничевской стоянки.

нуклеусов). При обработке горного хрусталя применялась та же техника скалывания отщепов и пластин, что и при обработке кремня.

Изделия из горного хрусталя состоят из правильно ограненных удлиненных пластин и отщепов различных форм (рис. 12). Некоторые из них

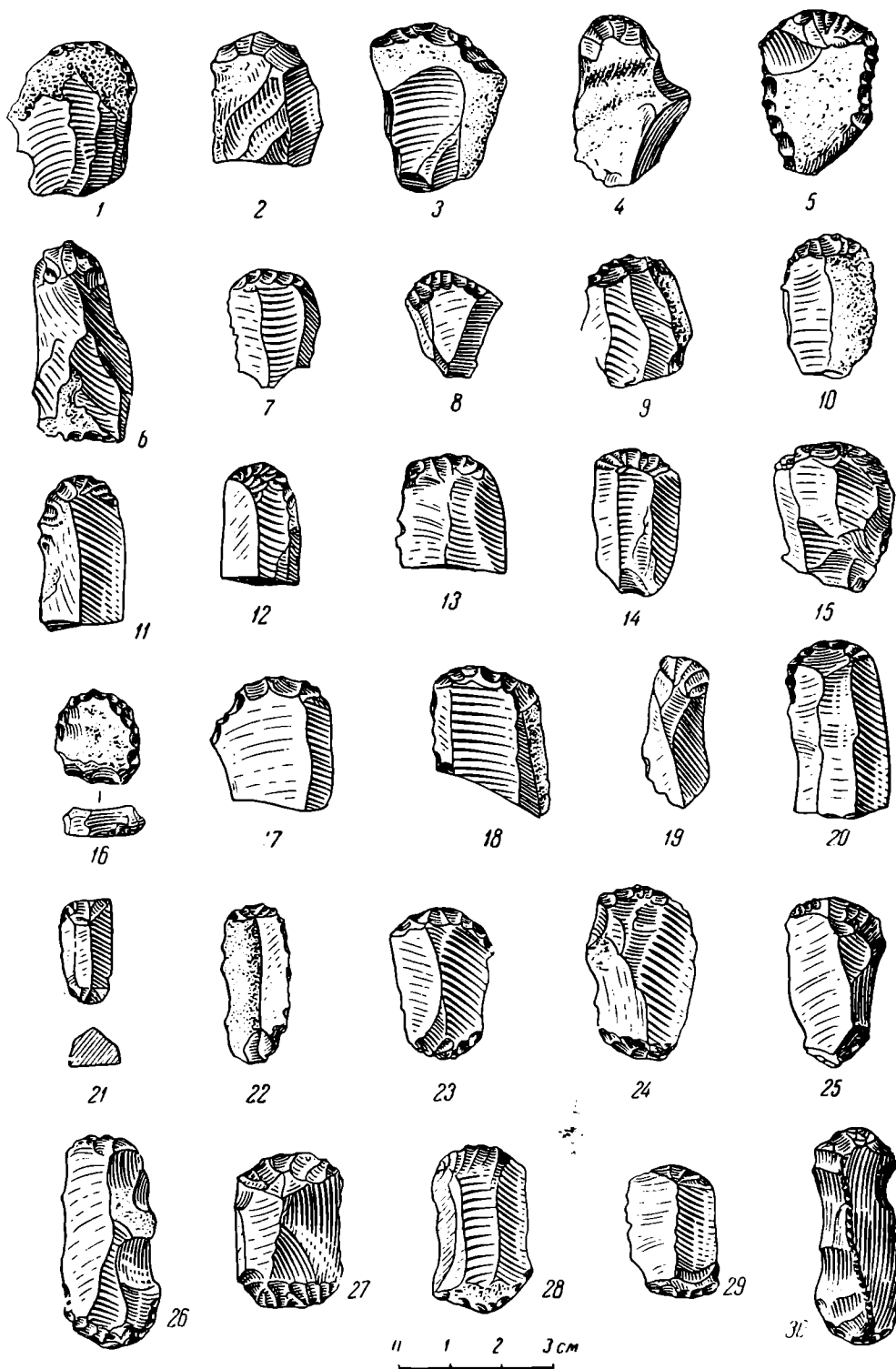

Рис. 10. Изделия из кремня с Добраничевской стоянки.

после скалывания с нуклеусов дополнительно обрабатывались мелкой ретушью, благодаря чему получались характерные для этого времени орудия — скребки и ножевидные пластинки с краевой ретушью (рис. 12—3, 5, 11, 13, 14).

Правильность ограничения поверхности пластинок указывает на то, что перед скалыванием их с нуклеусов было снято некоторое количество отщепов. Размеры собранных пластин и отщепов свидетельствуют о довольно крупной величине кристаллов, служивших исходным материалом. Изделия

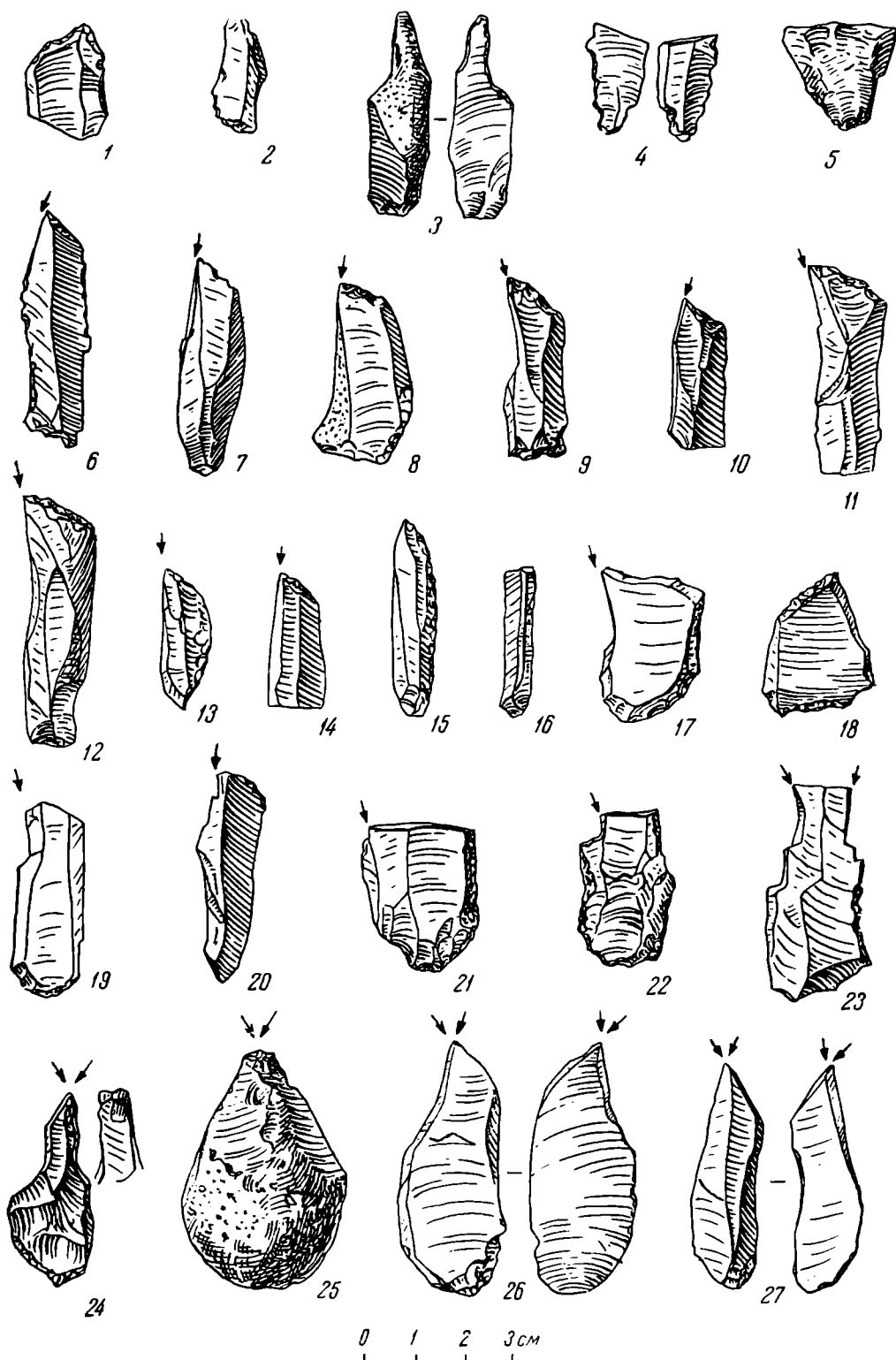

Рис. 11. Изделия из кости с Дабраничевской стоянки.

из горного хрусталя на позднепалеолитической стоянке встречены впервые в нашей стране; они представляют большой научный интерес и как свидетельство того, что человек овладел и этим видом камня для изготовления орудий труда, и как показатель нового местонахождения горного хрусталя

(особенно мориона) на территории Украины. Таких мест здесь до сих пор известно очень немного.

По сведениям, полученным в Институте геологических наук Академии наук УССР, местонахождения горного хрусталя (в частности мориона) в пределах Украины известны лишь на Волыни (Житомирская область),

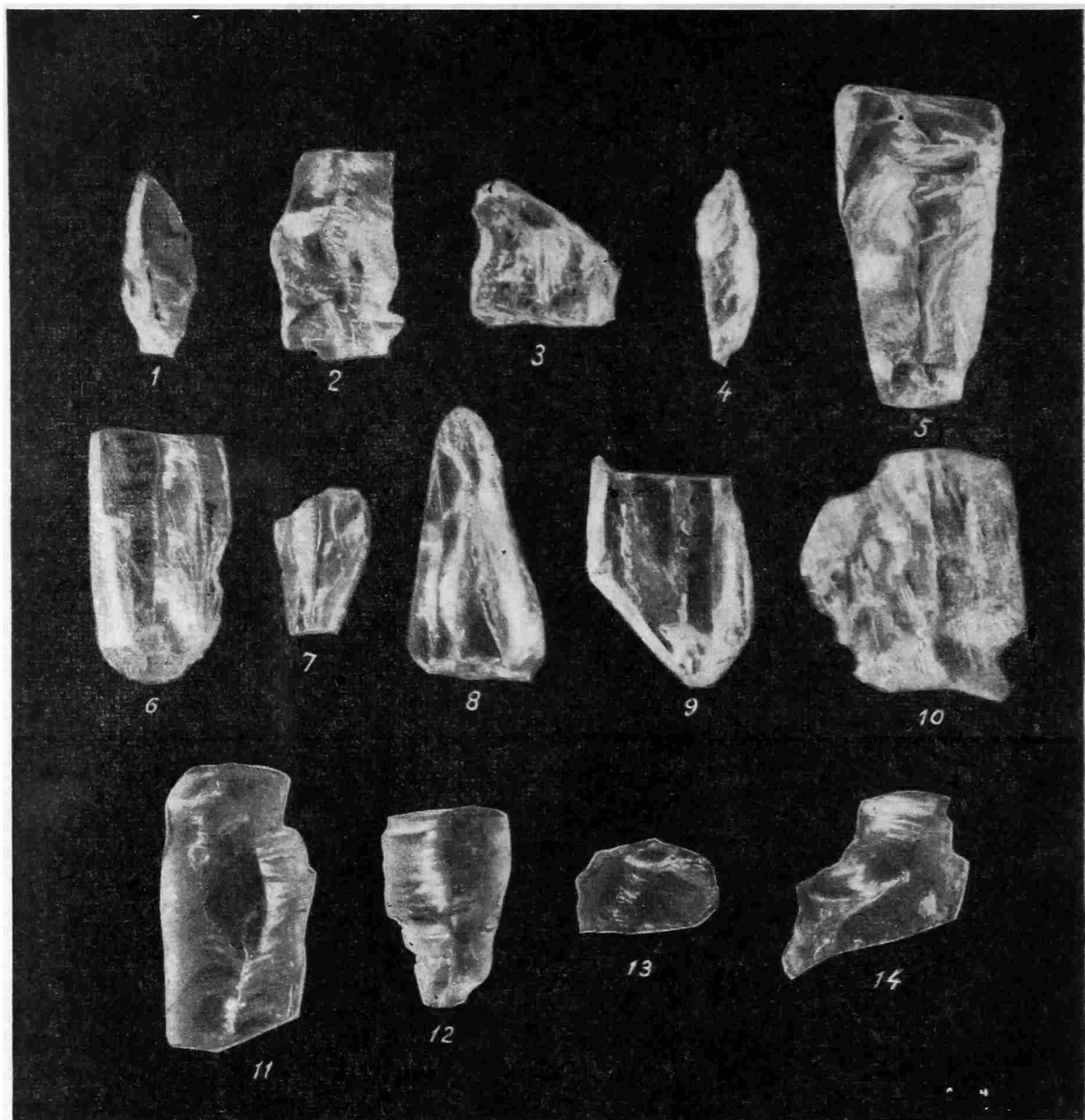

Рис. 12. Изделия из горного хрусталя с Добраничевской стоянки:
1 — 10 — прозрачный хрусталь; 11 — 14 — морион.

в районе г. Смелы, Черкасской области, и в Донбассе, т. е. на довольно большом расстоянии от места стоянки (до Житомира — около 300 км, до Смелы — около 150 км и до Сталино — более 500 км).

Если допустить, что горный хрусталь принесен обитателями стоянки из какого-либо места его первоначального залегания, то наиболее вероятным, учитывая расстояние, следует считать район г. Смелы. К тому же долина р. Супоя соединяется с долиной Днепра всего в 30—40 км севернее этого района. Однако не исключено и местное происхождение горного хрусталя из той же морены (валунной глины), откуда добывался и кремень.

В заполнении жилища найдено два куска янтаря, происходящего, по мнению геологов, из речных отложений Днепра в окрестностях Киева. Район этот также находится от места стоянки на расстоянии около 150 км.

Находки горного хрусталя и янтаря, происходящих со сравнительно далеких территорий, могут служить свидетельством связей обитателей стоянки. Видимо, такие передвижения первобытных охотников позднего палеолита не представляли чего-то исключительного и трудно осуществимого.

Находки горного хрусталя и янтаря в Добраничевке можно сопоставить с находками в Мезине и стоянках днепровского Надпорожья морских раковин, происходящих с далеко расположенных от этих стоянок берегов Черного моря.

Материалы и наблюдения, полученные при раскопках Добраничевской стоянки, позволяют сделать некоторые предварительные выводы относительно определения ее места среди других памятников позднего палеолита.

По условиям расположения и залегания культурного слоя, составу фауны, представленной остатками костей, характеру кремневого инвентаря и устройству жилища стоянка аналогична Гонцовской, расположенной всего в 70 км к востоку от Добраничевки.

Это дает основание рассматривать обе стоянки как памятники одного типа и датировать Добраничевскую стоянку концом позднего палеолита (средней порой так называемой мадленской эпохи).

Возможно, что Добраничевская и Гонцовская стоянки оставлены одной и той же или родственными между собой группами позднепалеолитического населения, имевшими общие черты хозяйства и быта.

Раскопками 1953 г. раскрыт лишь один комплекс Добраничевской стоянки. Не исключена возможность наличия и других подобных комплексов, сохранившихся полностью. Поэтому продолжение раскопок вполне целесообразно. Оно даст новые ценные сведения о хозяйстве и быте древнего населения юга нашей страны.

Т. М. МИНАЕВА

СТОЯНКА С МИКРОЛИТИЧЕСКИМ ИНВЕНТАРЕМ
НА ЧЕРНЫХ ЗЕМЛЯХ

Низменность между нижним течением р. Кумы и устьем Волги, к западу от побережья Каспийского моря, носит название Черных земель. Такое название возникло потому, что в зимнее время здесь нет сплошного снежного покрова. Черные земли издавна использовались населением близлежащих территорий в качестве зимних пастбищ, на которых скот легко получал подножный корм.

Более чем в 100 км на северо-восток от с. Величаевки Ставропольского края на территории Черных земель располагается урочище Ястак-Худук. Научный сотрудник Государственного института овцеводства Н. И. Басов в течение нескольких лет собирал здесь на развеечных песках мелкие кремневые орудия, отщепы и осколки кремня и обломки керамики. В мае 1950 г. урочище Ястак-Худук было обследовано вместе с Н. И. Басовым автором данной заметки.

Урочище Ястак-Худук представляет собой довольно обширную и глубокую котловину овальной в плане формы, вытянутую с востока на запад. С южной стороны котловина ограничена высоким берегом с густым травяным покровом; с северной — расположена высокая гряда чистого морского песка красно-желтого цвета. Такой же песок покрывает дно самой котловины. В западной ее части находится худук — колодец сравнительно недавнего происхождения.

С восточной и западной сторон от котловины отходят узкие «рукава», похожие на следы древних протоков. Они прослеживаются на большом расстоянии в ту и другую сторону. Возможно, что этими протоками котловина, несомненно бывшая когда-то озером, соединялась с рядом других подобных озер.

Песчаная гряда с северной стороны в настоящее время развеивается ветром. На развеечных местах — «плешинах», на расстоянии нескольких сот метров вдоль котловины, в большом количестве встречаются черепки посуды, кремневые орудия, осколки кремня, обломки каменных шлифованных орудий и многие другие вещи. Находки залегают на плотном слое темного цвета, представляющем собой, повидимому, древний горизонт. В одном пункте нами найден раздавленный глиняный горшок, украшенный зубчатым орнаментом, и вблизи него кварцитовая галька со следами использования ее в качестве шлифовального камня.

Подавляющее большинство находок, обнаруженных на выдувах этой песчаной гряды, составляют кремневые орудия и фрагменты керамики.

Кремневые орудия. Основная масса орудий сделана из кремня различного качества: из темного прозрачного, из матового серого, желтого и коричневого цветов. Значительно меньше предметов из кварцита и еще

меньше из обсидиана. Орудия из темного прозрачного кремня покрыты голубоватой патиной. Общей характерной чертой всех орудий является незначительность их размеров. По формам находки можно разделить на несколько видов.

1. Сегментовидные орудия. По дугообразному краю они подправлены тонкой крутой ретушью. Обычно ретушь располагается по спинке, но в некоторых случаях имеется и по брюшку. Подобных орудий оказалось 144 экз. (рис. 13—6-10).

2. Близкими по размерам к сегментовидным являются трапецевидные орудия. Они изготовлены из тонких кремневых пластинок. Поперечные обрезы их подправлены очень мелкой крутой ретушью. На нескольких экземплярах ретушь располагается по брюшку, а по спинке нанесена плоская, захватывающая всю поверхность (рис. 13—3). Трапецевидных орудий собрано 167 экз. (рис. 13—1-5).

3. Многочисленны скребки (310 экз.). Некоторые из них сделаны из кварцита. Скребки представлены различными видами. Для скребков на конце пластинки иногда использовались толстые в разрезе пластинки с несколькими гранями. Рабочий конец их подправлен высокой ретушью (рис. 13—11-15). Несколько орудий изготовлено из короткой тонкой пластинки; рабочий конец таких скребков обычно оформлен плоской ретушью, широко захватывающей спинку пластинки. Округлые скребки выработывались из мелких отщепов с неправильными гранями. Один из них превосходит другие своими размерами. Длина его 5,5 см, ширина 4 см. Найдено несколько «скребков высокой формы» (рис. 13—16-18).

4. Характерны острия, сделанные из удлиненных правильных пластинок, со спинки подправленных ретушью со всех сторон. Один из концов особенно тщательно обработан и заострен. Противоположный ему конец стретуширован грубее. Это всегда верхний (с отбивным бугорком) конец пластинки (рис. 13—20, 26). Некоторые острия изготовлены из осколков кремня с высоким ребром (рис. 14—1). Многие орудия этого рода имеют загнутый заостренный конец (рис. 13—27), иногда он загибается так сильно, что орудие приобретает вид клюва и напоминает резцы Мезинской стоянки¹. Повидимому, и в комплексе орудий стоянки на Черных землях острия играли роль резцов по дереву или кости. Острия представлены несколькими десятками экземпляров.

5. Многочисленны проколки из пластинки или отщепа с заостренным концом.

6. Найдено около двух десятков пластинок с полукруглыми выемками на длинных сторонах (рис. 13—24), причем у некоторых из них края выемок подправлены то со спинки, то с брюшка (рис. 13—25). Есть пластинки с косо срезанным и подправленным ретушью концом (рис. 13—21-23); с выемкой по косо срезанному концу (рис. 13—29); подправленные ретушью со спинки вдоль обоих краев, подправленные вдоль края высокой крутой ретушью, доходящей до ребра спинки; пластинки с ретушью вдоль краев по брюшку, причем последние, как правило, уже других.

7. В одном экземпляре встречено орудие из толстого отщепа серого матового кремня. Оно четырехугольной формы, с двумя закругленными и двумя острыми противоположащими углами. Со спинки ретушь идет по верхнему краю и по правой стороне, с брюшка — по нижнему краю и по левой стороне. В обоих случаях ретушь крутая, широко захватывающая поверхность (рис. 14—2). Орудия, по форме близкие описываемому, найдены на Долинском поселении у г. Нальчика².

¹ С. А. Семенов. Верхнепалеолитические костяные рукоятки. — КСИИМК, вып. XXXV, 1950, стр. 136, рис. 6.

² А. П. Круглов и Г. В. Подгаецкий. Долинское поселение у г. Нальчик. — МИА, № 3, стр. 177, рис. 2, 7—8.

8. Наконечники стрел представлены в коллекции несколькими разновидностями: листовидный с плоской отжимной ретушью по обеим сторонам, близкий этому наконечник с такой же ретушью, но с выступом с одной сто-

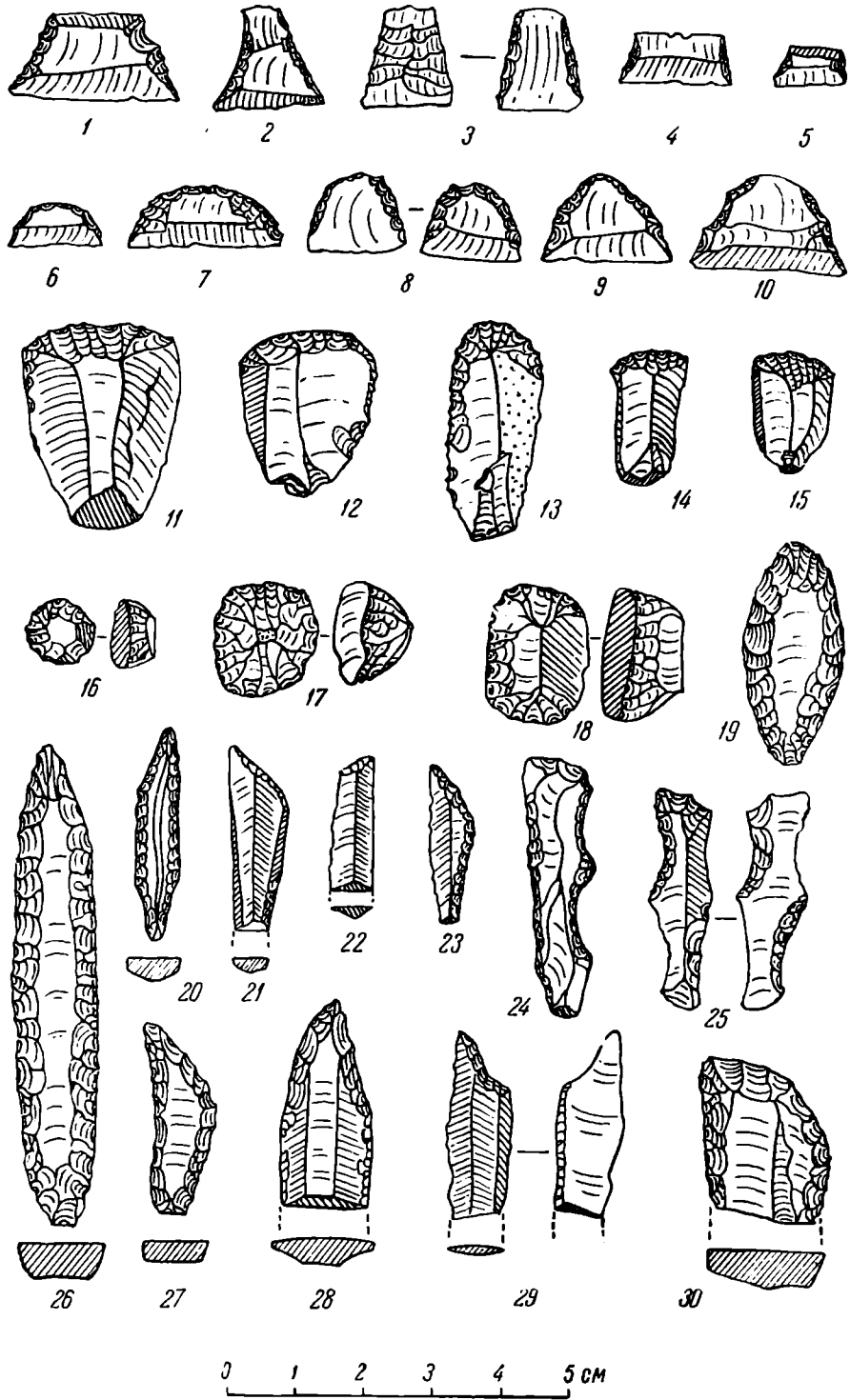

Рис. 13. Кремневые орудия со стоянки в урочище Ястак-Худук.

роны — шипом (рис. 14 — 3-6); листовидный с полукруглой выемкой у основания (рис. 14 — 7) и такой же, но с глубокой угловой выемкой в основании (рис. 14 — 9). Наконечник треугольной формы (рис. 14 — 10), причем по размерам он заметно крупнее остальных.

9. Найдено около двух десятков нуклеусов. Самый маленький из них

представлен на рис. 14—8 и самый крупный — на рис. 14—11. Характерной чертой всех нуклеусов являются весьма узкие грани.

Кроме указанных орудий, на стоянке собрано большое количество ножевидных пластинок без добавочной обработки. На некоторых из них заметны

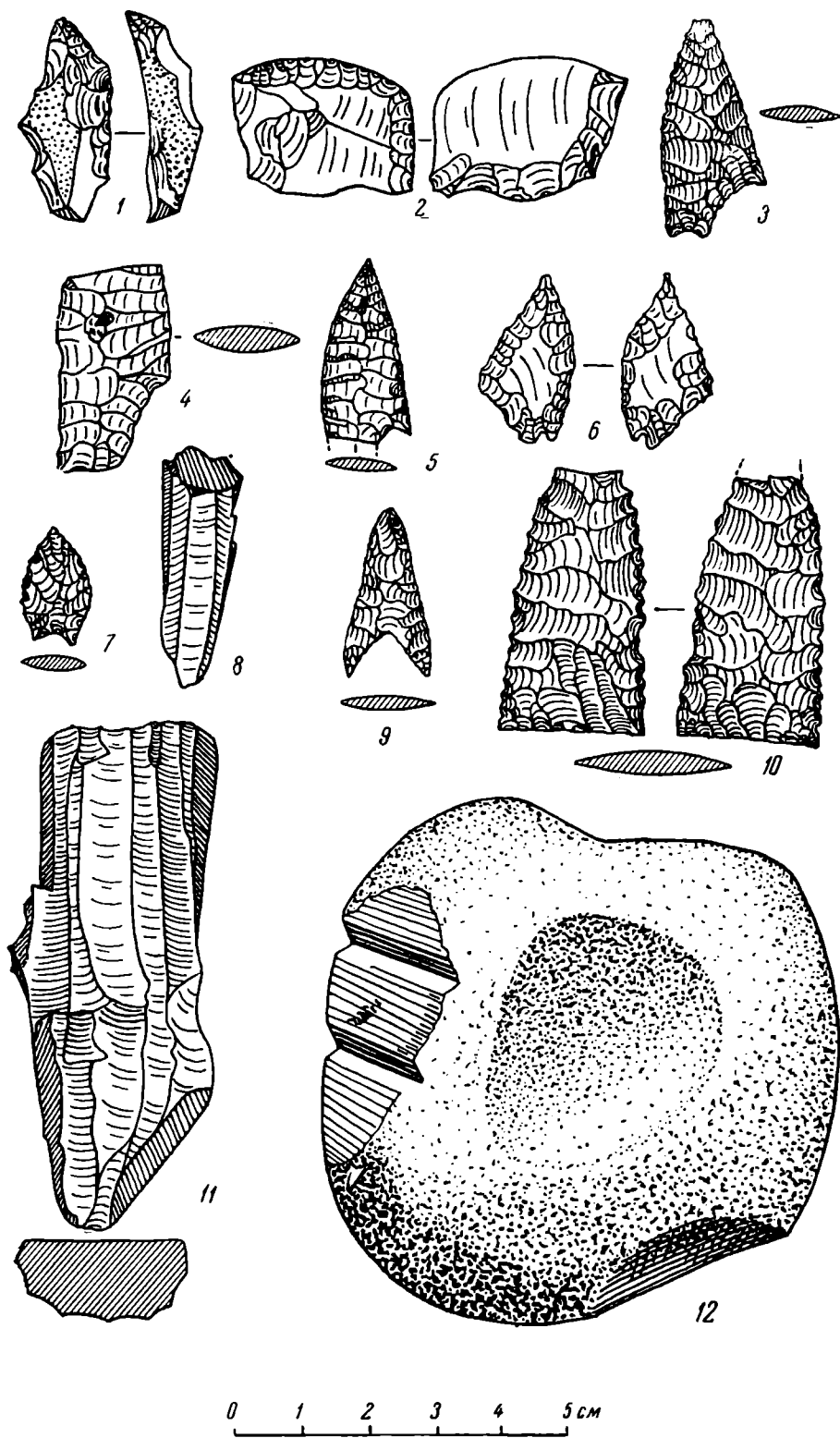

Рис. 14. Кремневые орудия со стоянки в урочище Ястак-Худук.

следы сработанности в виде очень мелких зазубрин. Встречено также много отщепов и осколков кремня того же качества, как и тот, из которого выработаны орудия.

Наличие нуклеусов, отбойников, пластинок без добавочной обработки, осколков и отщепов, кремневых галек с определенностью свидетельствует о том, что выработка кремневых орудий производилась на месте, на берегу озера, заполнявшего некогда котловину.

Каменные орудия. Кроме кремневых изделий, на тех же развее-ных местах стоянки найдены обломки каменных шлифованных орудий. Часть топора из диорита, со сверлиной в центре. Обломок шлифованного орудия из песчаника; на нем вдоль одного из краев сохранились следы зашлифованного желобка, вероятно, остаток перехвата, какие бывают у каменных молотов. Верхняя часть каменного шлифованного долота длиной 6,5 см; рабочий конец орудия отбит. Часть песчаникового точила цилиндрической формы. Несколько терочников круглой или продолговатой формы, со сглаженной одной стороной. Цилиндрический пест из порфира (?), высотой 16 см, диаметром 10 см, один его конец с выщерблинами и мелкими углублениями, большая часть другого конца отбита. Кусок шлифованной песчаниковой плитки шириной 7 см. Шарик из песчаника, диаметром 2 см, может быть, от пращи. Галька округлой формы из крупнозернистого кварцита (рис. 14 — 12), на поверхности ее заметно несколько зашлифованных участков, один из них в виде круглого, слегка углубленного пятна; на боковой стороне — два отполированных углубления: здесь, как видно, производилось обтачивание острия каменного орудия. Плита из песчаника длиной 41 см, шириной 17 см, со сглаженной ровной поверхностью. Плоский камень-валун длиной 34 см. Одна из его поверхностей слегка вогнута и несет на себе следы стертости. Как плита, так и валун напоминают известные в археологии зернотерки, но в данном случае их назначение могло быть другим. Помимо указанных предметов, были найдены и небольшие осколки каменных орудий.

Украшения. Из предметов украшений на стоянке обнаружено некоторое количество подвесок и бус. Несколько подвесок представляют собой тонкую пластинку, из черного камня, шлифованную, с дырочкой в центре. Другие подвески сделаны из морских раковин. Они имеют небольшую сверлину и тщательно заглаженные края (рис. 15 — 1-4). Из раковин же выработаны и мелкие цилиндрические бусы (рис. 15 — 5-6). К тому же роду украшений принадлежат и две раковины каури с дырочками для подвешивания.

Керамика. Собрано большое число обломков сосудов из темной комковатой глины. В изломе черепки шероховатые, пористые. В тесте некоторых из них более чем наполовину по отношению к количеству глины включена примесь измельченных раковин; такие черепки особенно сильно крошатся и расслаиваются. Иногда, кроме раковин, в тесте заметны следы какой-то травы, вроде осоки. Повидимому, глина для изготовления посуды бралась в болотистом месте.

Все сосуды, без исключения, ручной лепки, причем, как показывают обломки дна, некоторые из них формовались на плоской дощечке, некоторые первоначально лепились с округлым дном, а потом дно уплощалось. Поверхность сосуда изнутри и снаружи заглаживалась или пучком жесткой травы, или каким-то плоским зазубренным предметом. Благодаря такому приему поверхность некоторых сосудов получалась рябая, шероховатая. На нескольких черепках от одного горшка следы заглаживания поверхности идут в виде кругов, полукругов, перемежающихся с полосами.

Формы сосудов довольно разнообразны. Сохранилась часть горшка баночной формы (рис. 15 — 7). Высота его 13,5 см, ширина горла — 16 см, толщина стенок — 0,9 см. Сосуд с отогнутым венчиком (рис. 15 — 8) имел вид небольшого горшка с широким горлом. По сохранившимся обломкам венчика диаметр горла определяется в 18 см. Лицевая поверхность, вплоть до дна, сплошь покрыта зубчатым орнаментом из параллельных вертикаль-

ных зигзагов. Орнамент нанесен штампом из трех крупных зубцов. Некоторые черепки с наружной поверхности покрыты густым слоем сажи. Неподалеку от этого горшка, раздавленного на мелкие куски, встречены кварцитовая галька (рис. 14—12) и плита со сглаженной поверхностью. Найдены

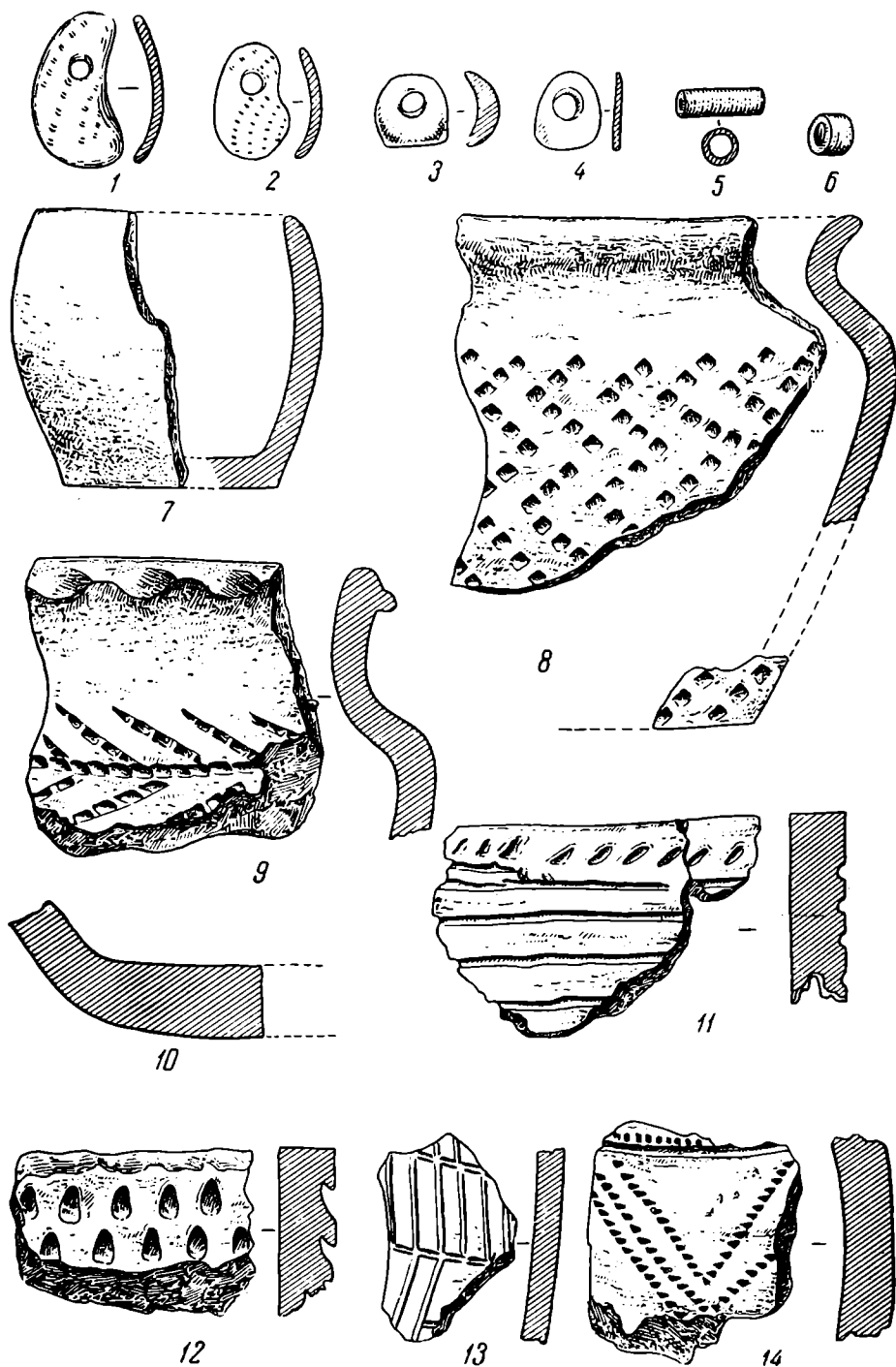

Рис. 15. Бусы, подвески и керамика со стоянки в урочище Ястак-Худук:

1—6 — подвески и бусы из раковин; 7—14 — фрагменты керамики.

фрагменты небольшой корчаги с прямой шейкой и обломки сосуда с выпуклым плечом (рис. 15—9). Орнамент на сосудах наносился то зубчатым штампом, то палочкой с плоско срезанным концом, палочкой с конически заостренным концом (быть может, белемнитом) или тростинкой. Рисунок образует елочку из зубчатого штампа по плечу сосуда (рис. 15—9),

зубчатые зигзаги (рис. 15 — 8), кайму из врезанных линий по краю горшка (рис. 15 — 11), ряды конических косых ямочек (рис. 15 — 12), треугольники из мелкозубчатых линий (рис. 15 — 14), треугольники, заполненные параллельными резными линиями, горизонтальные полосы из кружков, нанесенных тростинкой, пояски из глубоких вдавлений палочкой с плоско срезанным концом и др. В одном случае подобные вдавления нанесены по шейке сосуда с внутренней его стороны, а на лицевой стороне им соответствуют шишечки. Большинство фрагментов не орнаментировано.

На стоянке встречено несколько экземпляров грузиков из черепков с маленькой дырочкой в середине. Форма их то круглая, то четырехугольная, почти квадратная. Два таких квадратных кусочка без дырочки в центре, но края их, как и у других грузил, тщательно отшлифованы. Найден грузик пирамидальной формы, сделанный из обожженной глины; на нем заметен желобок для перевязки.

Кроме указанных выше находок, на тех же песчаных выдувах собрано некоторое количество бронзовых наконечников стрел скифского типа, бронзовая пряжка с утолщенным кольцом и хоботообразной иглой, обломок железного меча или кинжала, несколько черепков глазурованной золотоордынской посуды и многие другие вещи, явно не связанные с материалом древней стоянки. Все они свидетельствуют о том, что урочище Ястак-Худук посещалось и в последующие эпохи скотоводами-кочевниками.

Остатков жилищ на обследованных выдувах нами не наблюдалось. В одном лишь пункте на поверхности выдува замечено круглое пятно 3 м в диаметре, отличавшееся более темной окраской. По краям пятна гуще, чем обычно, лежали черепки посуды, осколки кремня, кремневые пластинки и пр. Неподалеку от него найден кремневый наконечник стрелы. Возможно, что пятно является следом круглого в плане жилища. О наличии костров, а быть может, очагов, на стоянке можно судить по полуобгоревшим обломкам костей, кремневым орудиям и осколкам кремня, потрескавшимся от огня.

Судя по характеру кремневых орудий и по местоположению стоянки можно предполагать, что основным видом производства было охотничье-рыболовческое хозяйство. Находка двух каменных плит со сглаженной поверхностью — «зернотерок» — едва ли противоречит этому предположению. Подобные предметы могли употребляться и в рыболовческом хозяйстве, как на то указывают этнографические данные. Здесь кстати указать, что в XIX в. жители побережья Каспия и Астрахани, отправляясь в далекую дорогу, заготавливали себе рыбную муку как основной продукт питания в пути. Сушеная рыба растиралась при этом вместе с костями¹. Вполне допустимо, что обычай этот в приморских областях мог существовать и во времена глубокой древности. Не исключается возможность применения этих плит и для растирания диких злаковых растений, сбор которых мог являться подсобным занятием. Наличие стоянки доказывает, что в далеком прошлом территория Черных земель была заселена. Только наступление песков и периодически повторявшиеся трансгрессии Каспия нарушали условия, пригодные для постоянного обитания человека.

Стоянка в урочище Ястак-Худук не одинока в ряду памятников древнейших культур Прикаспия. Кремневые орудия аналогичных форм и подобная же керамика встречены Е. И. Крупновым в 1947 г. в выдувах Божиганских песков². В следующем году тем же исследователем в окрестностях селений Ачикулак, Махмуд-Мектеб и Божиган (Грозненской области) открыто много остатков древних поселений, могильников и курганов. Немалое количество было найдено и микролитических орудий сегментовидных и

¹ Сведения эти нами получены из устного сообщения энтомолога Ставропольского крайздравотдела Л. Н. Глушкова.

² Е. И. Крупнов. Археологические работы на Северном Кавказе. — КСИИМК, вып. XXVII, 1949, стр. 11—20.

трапецевидных форм, сделанных из цветного кремня и обсидиана. Кроме орудий геометрических очертаний, тождественных орудиям со стоянки в урочище Ястак-Худук, в Грозненской области найдены также кремневые наконечники стрел с шипом, что, как мы видели, весьма характерно и для наконечников стрел и стоянки Ястак-Худук. Стоянки на песчаных выдувах Божигано-Терекского массива представляют собой ближайшие аналогии описанной нами, открытой на Черных землях.

Такие же близкие аналогии полученному материалу дают находки на дюнных поселениях северо-западного побережья Каспия от р. Кумы до Астрахани, обследованных И. В. Синицыным в 1930—1931 гг.¹ Подобные памятники обнаружены и значительно севернее. На правой стороне Волги, в ближайших окрестностях Сталинграда, вблизи высохшего еще в древности протока или озера П. Н. Шишкиным была открыта стоянка с микролитическим инвентарем², принадлежащая к типу так называемых «мастерских» по изготовлению кремневых орудий. Типы орудий весьма близки только что описанным, но не полностью повторяют их.

Известны подобные стоянки по Малому Узеню в районе с. Джангалы. Не только кремневые орудия, но и керамика отсюда близка керамике, найденной на Черных землях: те же сосуды с прямым краем, тот же крупнозубчатый орнамент, елочный узор из резных штрихов, ломаные резные линии, заштрихованные треугольники и пр.³ Стоянки по Узеням располагались на песчаных дюнах, окаймляющих берега озер и водоемов, следовательно, тоже в непосредственной близости к воде, как и Сталинградская и на Черных землях. Стоянка на Черных землях по кремневому инвентарю сближается со стоянками кельтеминарской культуры к югу от Казахстана, в Хорезме. Аналогичными являются вкладыши геометрических очертаний (трапеции, сегменты), концевые скребки на пластинках, острия, проколки, ножевидные пластинки, наконечники стрел с шипом с одной стороны и др. Интересно отметить, что и в стоянках, относящихся к кельтеминарской культуре, найдены круглые подвески из камня и раковин, цилиндрические раковинные бусы, подобные ястакхудукским. Однако керамика отлична от керамики стоянок Хорезма. В составе ее нет ни круглодонных, ни ладьевидных, ни окрашенных в красный цвет сосудов. Характер орнаментации сосудов также несколько другой.

Таким образом, мы видим, что стоянка в урочище Ястак-Худук на Черных землях входит в круг памятников культуры, известной на обширной территории степей Прикаспия в эпоху неолита и перехода от неолита к бронзе. В частности, она довольно тесно примыкает к стоянкам Нижнего Поволжья. Это сходство обусловлено общностью хозяйственных форм — основной ролью охотничье-рыболовческого хозяйства в жизни племен, оставивших эти памятники. Не все стоянки на этой огромной территории одновременны. Ястакхудукская, судя по характеру керамики, относится, повидимому, не к ранней стадии развития данной культуры.

Некоторые формы этой культуры продолжают жить и в эпоху развитой бронзы на территории Нижнего Поволжья. Так, например, кремневые орудия микролитонидного облика нередко встречались на поселениях бронзовой эпохи по р. Торгуну. Обнаружены они в землянках той же эпохи близ Сталинграда, исследованных автором данной статьи в 1929—1935 гг. Это указывает на то, что охотничье-рыболовческое хозяйство не было сведено на нет и в эпоху развитой бронзы на территории Нижнего Поволжья.

¹ И. В. С и н и ц ы н. Древние памятники приморского района Калмыцкой области. — «Изв. Нижне-Волжск. ин-та краеведения», т. VI. Саратов, 1933.

² Т. М. М и н а е в а. Кремневая индустрия Нижнего Поволжья. — «Тр. Нижне-Волжск. научн. об-ва краеведения», вып. 36, ч. I. Саратов, 1929.

³ И. В. С и н и ц ы н. Археологические исследования в Саратовской области и Западном Казахстане. — КСИИМК, вып. XLV, 1952, стр. 62—73.

Н. П. КИП А Р И С О В А

ЧЕБАРКУЛЬСКАЯ НЕОЛИТИЧЕСКАЯ СТОЯНКА

Летом 1951 г. и осенью 1952 г. по поручению Челябинского областного краеведческого музея мною производились разведочные работы на месте находки каменного наконечника дротика¹ на берегу оз. Елового, в 1 км к западу от г. Чебаркуля Челябинской области.

Оз. Еловое расположено к северу от оз. Чебаркуль и отделено от него перешейком, через который в широкой низине протекает ручей, соединяющий оба озера. Юго-восточный берег оз. Елового и левый берег ручья образуют невысокий пологий мыс. На поверхности мыса выделяется несколько небольших скалистых возвышенностей, покрытых лесом.

На верхней площадке оконечности мыса разведкой обнаружен культурный слой стоянки, мощностью до 0,5 м, занимающий площадь 4—4,5 тыс. кв. м. Материк состоит из желтой глины.

Основная часть стоянки расположена в лесистой части мыса вдоль берега ручья. Площадка ее имеет небольшой уклон в сторону ручья; в двух местах на поверхность выходят скалы. Культурный слой западной части стоянки почти полностью снят местными жителями для удобрения огородов. Здесь образовалась яма, в которую сваливали мусор. Унесенные вместе с землей обломки глиняной посуды и мелкие каменные изделия встречаются в огородах далеко за пределами основного местонахождения.

Кроме шурфов для определения площади стоянки и сбора подъемного материала, мы расчистили от мусора более 50 кв. м ямы, на дне которой местами обнаружился ненарушенный культурный слой толщиной от 1 до 6 см, местами — материковая глина. При выборке мусорной земли найдено много обломков глиняной посуды, каменных отщепов и орудий. Следов каких-либо сооружений в слое не обнаружено.

Для выяснения стратиграфии раскопаны три прилегающих к яме неполных квадрата (2 × 2 м); выяснилось, что под дерновым слоем (8—10 см) залегал темный культурный слой мощностью 28—31 см; материк в этом месте появился на глубине 36—41 см.

На всей глубине слоя изредка встречались мелкие угольки. Средняя часть слоя самая насыщенная. Заметной разницы в характере вещей в зависимости от глубины залегания не наблюдается, но некоторое различие в керамическом материале все же есть. Так, в верхнем горизонте преобладают неорнаментированные черепки, а в нижнем все с орнаментом. В верхнем горизонте найден обломок плоского днища сосуда; в средней части — обломок отогнутого венчика.

¹ Найден был во время огородных работ школьником В. Евдокимовым и передан в областной музей учительницей Т. М. Ивановой.

При разведочных работах на стоянке найдены следующие вещи:

Находки	В мусоре в яме	В остатках культурного слоя в яме	В раскопе			В шурфах на окраинах стоянки	Подземный материал	Всего
			в верхнем горизонте	в среднем горизонте	в нижнем горизонте			
Отщепы каменные	88	58	4	31	13	3	1	198
Ножевидные пластинки:								
без обработки	40	58	2	14	7	5	1	127
со следами обработки	10	6	—	5	8	—	—	29
Ножи:								
на ножевидной пластинке	5	4	—	3	—	—	—	12
на сланцевых плитках	1	1	—	—	—	—	—	2
Проколки	—	—	—	1	—	—	—	1
Нуклеусы	4	5	—	—	—	—	—	9
Скребки	14	4	3	4	—	—	1	26
Наконечники копий и дротиков	2	—	—	—	—	—	1	3
Полуобработанные каменные орудия (ножи, скребки и др.) и осколки кремня со следами обработки	13	3	1	—	1	—	—	18
Осколки и обломки шлифованных каменных орудий	2 обл.	6 оск.	—	1 оск.	—	1 обл.	—	10
Клин каменный массивный	1	—	—	—	—	—	—	1
Обломок гребенчатого штампа на сланцевой плитке	1	—	—	—	—	—	—	1
Обломки шлифовальных плит	1	1	—	—	—	1	—	3
Плитки каменные, обитые в форме овала	2	—	—	—	1	—	—	3
Обломки тонких сланцевых плиток со стертymi ребрами или поверхностью	2	2	—	—	—	—	—	4
Обломки костей	1	—	—	—	—	1	—	2
Обломки глиняной посуды ручной ленточной лепки	117	118	60	31	20	1	11	358
То же — очень мелкие, не дающие представления об орнаментации или форме	45	40	12	29	6	—	—	132

Мелкие каменные орудия в громадном большинстве сделаны из кремня самых разных расцветок, встречаются изделия из полуопала, горного хрусталя, ямшы. Среди ножевидных пластинок преобладают среднего размера, шириной 0,8—1,2 см, затем крупные, шириной 1,5—2,5 см, мелких (0,3—0,5 см) очень мало. Средней величины пластинки иногда обработаны с одного края, из таких же пластинок сделаны двусторонние ножи (рис. 16—1, 2), на двух ножах у края сделаны с обеих сторон выемки (рис. 16—2). Есть ножи на широких пластинках (рис. 16—3, 5). Найдены также односторонние ножи из песчаниковых плиток, один из которых (рис. 16—13) широкий с острым концом — аналогичен плиточным ножам с Полуденки I. Скребки представлены различными типами: на широких отщепках, на массивных ножевидных пластинках, несколько высоких с крупной ретушью.

Из орудий охоты обнаружен только массивный полуобработанный наконечник копья (длиной 12,6 см) из светлого кремня (рис. 16—4) и два лавролистных наконечника дротиков из кремня, тонкой тщательной отделки (рис. 16—6). Обращает на себя внимание то, что почти на 60 кв. м,

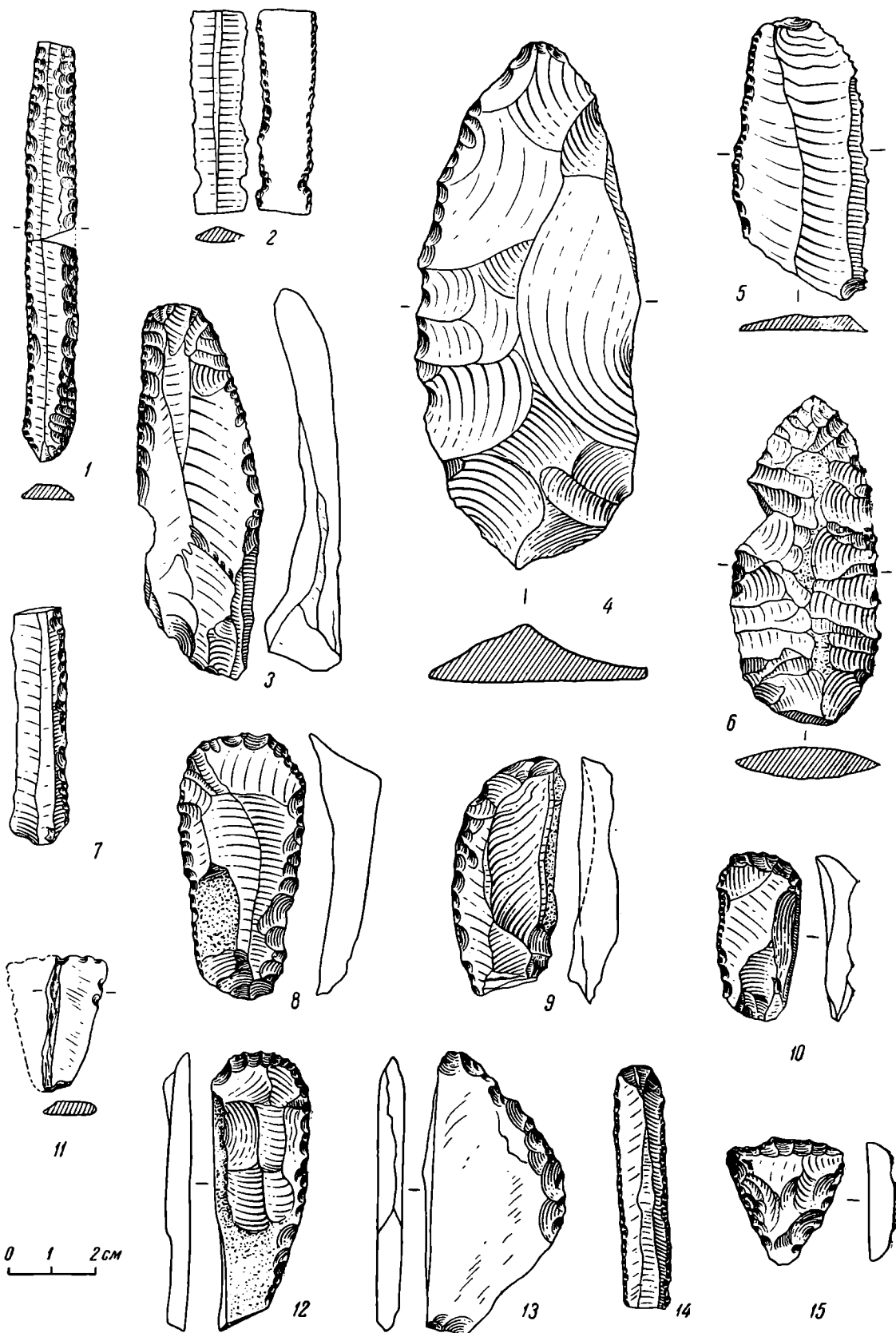

Рис. 16. Кремневые изделия с Чебаркульской стоянки:

1—3, 5 — ножи; 4 — наконечник кося; 6 — наконечник дротика; 7, 14 — ножевидные пластинки; 8, 9, 15 — сережки; 10, 12, 13 — ножи; 11 — штамп.

охваченных работами в центральной части стоянки, при довольно значительной насыщенности слоя, не встречено ни одного наконечника стрелы. Трудно считать это случайностью, скорее можно принять как свидетельство малого значения охоты в хозяйстве приозерной стоянки, преобладания рыболовства. Отсутствие среди найденных вещей орудий рыболовства не может служить опровержением такой мысли, так как эти орудия изготовлялись преимущественно из кости и дерева, и в условиях открытой стоянки могли сохраниться только единицами.

Шлифованные каменные орудия представлены лишь мелкими осколками или невыразительными обломками.

За пределами стоянки, на расстоянии около 100 м от ее центральной части, на восточном склоне нераспаханной небольшой каменистой возвышенности, среди огородов, разведкой найдено скопление кремневых пластин и несколько отщепов. Все они из темнозеленого кремня с толстой коркой. Всех изделий здесь собрано 75, большей частью это массивные продолговатые пластины длиной 5—9 см, шириной 2—4 см, многие начаты обработкой, некоторые обработаны в виде ножей или скребков (рис. 16—8, 9). Среди них только несколько мелких отщепов, осколков совершенно нет.

Находки залежали на глубине от 3 до 11 см под дерном в мягком черном слое, на поверхности лежащих под ним камней и глины, которая появилась на глубине 7—11 см. Вместе с каменными изделиями найден обломок глиняного сосуда, орнаментированный рядами наклонных оттисков гребенчатого штампа. Очевидно, здесь изготовляли каменные орудия из сделанных в другом месте и принесенных сюда заготовок. Такого же характера орудия на массивных пластинах из такого же кремня встречены и в культурном слое стоянки, что свидетельствует о том, что в мастерской работали люди, жившие на стоянке.

Среди обломков керамики по венчикам насчитывается 37 сосудов, из которых 14 имеют слегка загнутые внутрь, утолщенные и скошенные изнутри края, типичные для полуяйцевидных сосудов, 12 — прямостенных. По пяти обломкам сосуды восстанавливаются в форме небольшой чашки с открытыми или немного загнутыми внутрь краями. Шесть обломков принадлежат сосудам с отогнутым наружу венчиком. Найдено шесть обломков конических днищ и один — плоского.

Глина с примесью талька (иногда значительной), реже с примесью толченой слюды, песка и т. д.

Довольно большая часть керамики орнаментирована горизонтальными полосами из рядов наклонных оттисков гребенчатого штампа, сделанных в одном направлении или «в елочку» (рис. 17—2, 3, 8). Встречаются ряды горизонтальных оттисков (рис. 17—7). Выделяются группы черепков от двух сосудов: на одном, полуяйцевидной формы, с заметной примесью в глине талька, в верхней части вдоль края проходит полоска из частых оттисков короткого четырехзубчатого штампа, под ней — пояс из фигурок плывущих уток, выполненных тем же штампом, ниже — чередующиеся ряды прямых и зигзагообразных полос (рис. 17—1 и 18—1); рисунок на обломках второго сосуда повторяет нижнюю часть сосуда с уточками, но зигзаги исполнены в виде лент, образованных двумя линиями из оттисков штампа, с поперечным заполнением тем же штампом (рис. 17—4 и 18—4).

Часто орнамент наносился движущейся гребенкой — шагающей или отступающей (периодический нажим на гребенку, см., например, рис. 17—11) или прочерчен гребенкой в виде чередующихся прямых и волнистых полос (рис. 17—9). Зоны, нанесенные движущейся гребенкой, часто чередуются с оттисками ее. Довольно част орнамент, прочерченный отступающей палочкой, образующей чередующиеся ряды прямых и волнистых линий или горизонтальные зоны, заштрихованные внутри попеременно вдоль и поперек.

Есть несколько черепков, резко отличающихся по орнаменту от уральской неолитической керамики. Одни из них близки андроновским образцам, другие принадлежат сосудам с отогнутым венчиком, украшенным на месте пе-

Рис. 17. Образцы керамики с Чебаркульской стоянки.

региба одним или двумя рядами глубоких ямок, т. е. носят черты керамики, относящейся к эпохе раннего железа.

Таким образом, хотя в стратиграфическом шурфе не удалось проследить разных слоев, по керамическому материалу видно, что большая часть вещей относится к неолитическому поселению, но есть и более поздние напластования конца бронзовой и начала железной эпох.

Керамика Чебаркульской стоянки по форме сосудов, составу теста и по орнаменту чрезвычайно близка керамике неолитических стоянок шигирской культуры. Так, для Полуденской I типичен гребенчатый орнамент в виде волнистых горизонтальных полос, разделенных прямыми линиями или оттисками гребенки, нередко орнамент из рядов оттисков штампа в виде елочки, волнистых линий, прочерченных палочкой, орнамент, нанесенный отступающей лопаточкой в виде заходящих один в другой треугольников¹. В керамике нижнего слоя стоянки на 6-м разрезе Горбуновского торфяника встречаются различные варианты орнамента, нанесенного отступающей лопаточкой². Узор, нанесенный шагающей или отступающей гребенкой

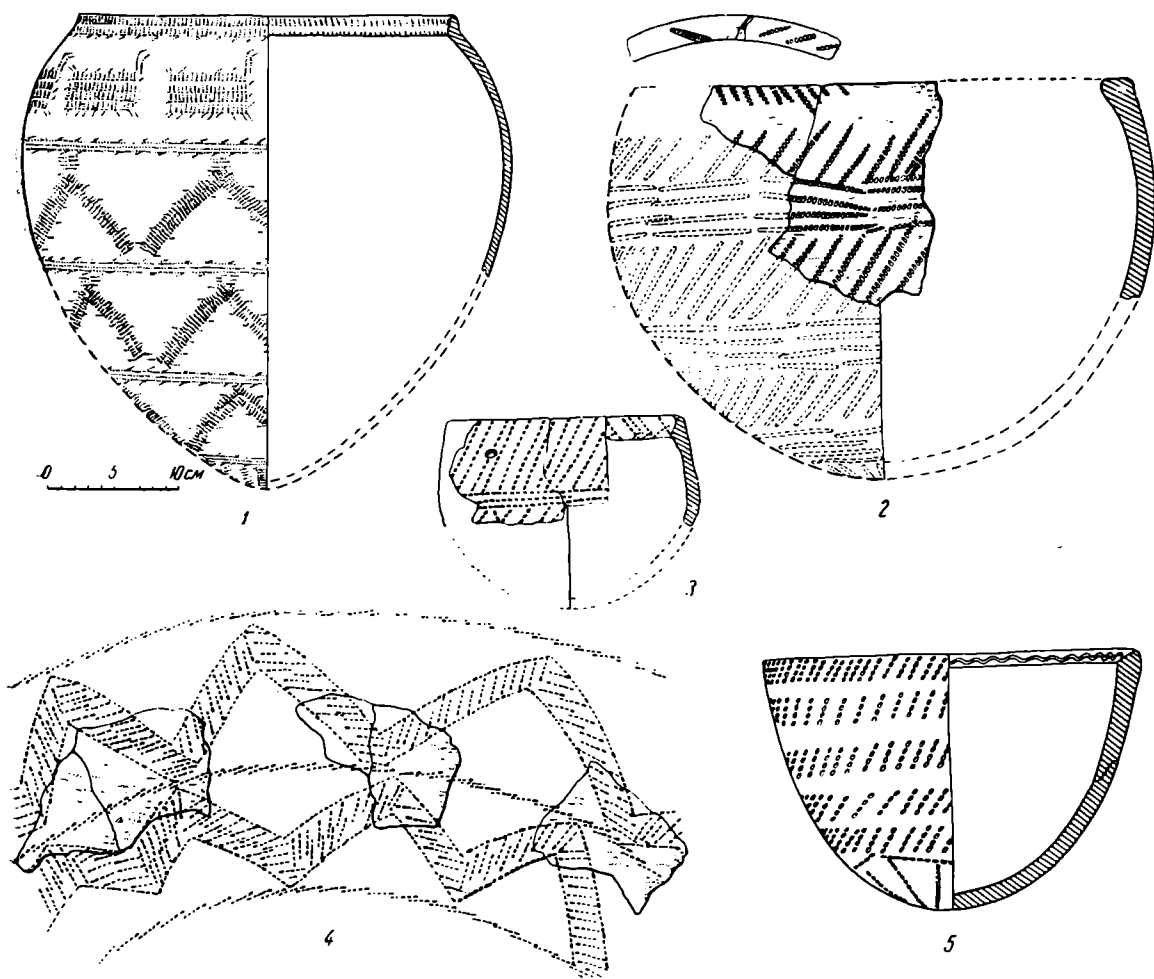

Рис. 18. Глиняные сосуды и их детали (реконструкция).

в виде горизонтальных или наклонных полос и широких волн, нередко встречается на посуде Полуденских стоянок. Сосуд с изображением уточек по технике орнаментации аналогичен сосуду с изображением животных со стоянки «Коптяки» 9³.

Несомненно, что шигирские неолитические племена занимали также и ближайшую к Среднему Уралу, лесистую часть восточного склона южного Урала, граничащую со степью.

¹ О. Н. Бадер. Новые раскопки близ Тагила в 1944 г. — КСИИМК, вып. XVI, 1947, рис. 51.

² В. М. Раушенбах. Керамика шигирской культуры. — КСИИМК, вып. XLIII, 1952, стр. 60; А. Я. Брюсов. Очерки по истории племен Европейской части СССР в неолитическую эпоху. М., 1952, рис. 40—1.

³ Е. М. Берс. Археологическая карта г. Свердловска и его окрестностей. — МИА, № 21, стр. 94, рис. 3—9.

Касаясь датировки, следует отметить, что указанное выше сходство комплексов керамики сближает Чебаркульскую стоянку с поселениями конца III—начала II тысячелетия до н. э.¹

В керамике Чебаркульской стоянки отсутствуют типы орнаментов, встречающихся в более поздних неолитических стоянках, в частности, штамп в виде короткой гребенки с очень толстыми крайними зубцами, очень характерный для Полуденки II, но уже как редчайшее исключение встречающийся на Полуденке I. Наносимые им рисунки имеют большие свободные поля. Орнамент, выполненный таким штампом, известен и на других шигирских стоянках, датируемых позднее Полуденки II, например, в Палкинской², относимой В. М. Раушенбах к концу II тысячелетия до н. э.³

Таким образом, Чебаркульскую неолитическую стоянку следует отнести к концу III—началу II тысячелетия до н. э.

¹ В. М. Раушенбах. Указ. соч.

² О. Е. Клер и Фаддеев. Гончарное производство доисторического человека, жившего на городище у д. Палкино на р. Исети. — МАВГР, т. II, М., 1896, табл. I, рис. 271.

³ В. М. Раушенбах. Указ. соч., стр. 64 и 66.

II. Песок темносерый гумусированный с углистыми остатками — 0,35—0,4 м.

III. Песок серо-желтоватый с бурым оттенком — 0,3—0,4 м.

IV. Песок светложелтый с прослойками и линзами ортштейна.

Все слои (кроме IV) стратиграфической колонки хорошо датируются археологическими находками. В основании светложелтого песка (I слой) обнаружены остатки строения XVII—XVIII вв.; темносерый песок (II слой) насыщен черепками славянской посуды; серожелтый песок (III слой) в нижней половине включал культурный слой неолитического времени, а в верхней — отдельные черепки, относящиеся к катакомбному времени; светложелтый песок (IV слой) был лишен всяких археологических находок.

Мощность культурного слоя раскопок 1929 г. 20—25 см; средняя глубина залегания от современной дневной поверхности — 0,75—1 м. В отдельных местах отмечается скопление мелких отщепов и кремневых чешуек, иногда довольно значительное (до 1000 шт.). На стоянке были, очевидно, и кострища, о чем свидетельствуют часто встречающиеся в слое обожженные кремни и угольки. Следует отметить также наличие в культурном слое красной краски, главным образом около мест максимального количества обожженных кремней.

На основании имеющихся данных можно констатировать, что на месте стоянки производилась как первичная обработка кремня, так и изготовление орудий. Об этом можно судить по наличию большого количества нуклеидных обломков, желваков кремня, крупных отщепов, а также отмеченных выше отдельных скоплений громадного количества чешуек.

Сырьем для изготовления орудий служили желваки кремня, добываемые на противоположной стороне Донца из меловых отложений. Цвет кремня преимущественно темносерый, но встречаются орудия из кремня светло-серого и коричневого цвета.

В культурном слое стоянки найдено 65 нуклеусов и около 300 пластин. Количественно преобладают грубо обитые нуклеусы и им соответствующие пластины (рис. 19 — 4). Последние, однако, иногда хорошо огранены и часто имеют трапецевидное сечение (рис. 19 — 2). Нуклеусов, с которых сняты микролитические пластины, — 10 экз. (рис. 19 — 1). Микролитические пластины составляют пятую или шестую часть общего количества пластин (рис. 19 — 3). Найдены четыре топорика-резака (рис. 19 — 6). Это сравнительно небольшие, довольно плоские, овальные в плане орудия. Сформированный боковыми сколами рабочий край обычно округлый, и только в тех случаях, когда мастеру не удавалось достичь этого, край получался неправильной формы.

Четыре двусторонне обработанные орудия использовались в качестве клиньев для раскалывания дерева. Их основным признаком является клиновидность формы и звездчатая забитость тыльной части (рис. 19 — 5).

Среди кремневого инвентаря следует упомянуть также находки нескольких так называемых «сколов с топориков» (рис. 19 — 19). Эти своеобразные изделия, которые с первого взгляда напоминают обыкновенные отщепы, отличаются тем, что имеют не две ограничивающие их плоскости, спинку и брюшко, а три. Для них свойственно наличие спинки, брюшка и характерной неширокой удлиненной грани, которую условно можно назвать промежуточной. Промежуточная грань всегда расположена под острым углом к спинке скола и под тупым к его брюшку. В поперечном разрезе сколы подтреугольной формы. Такая форма этих изделий дала основание трактовать их как сколы с топориков. Спинка и промежуточная грань являются частью плоскостей, образующих рабочий край топориков-резаков и удаленных в результате формования и оживления лезвий топориков-резаков при помощи боковых сколов.

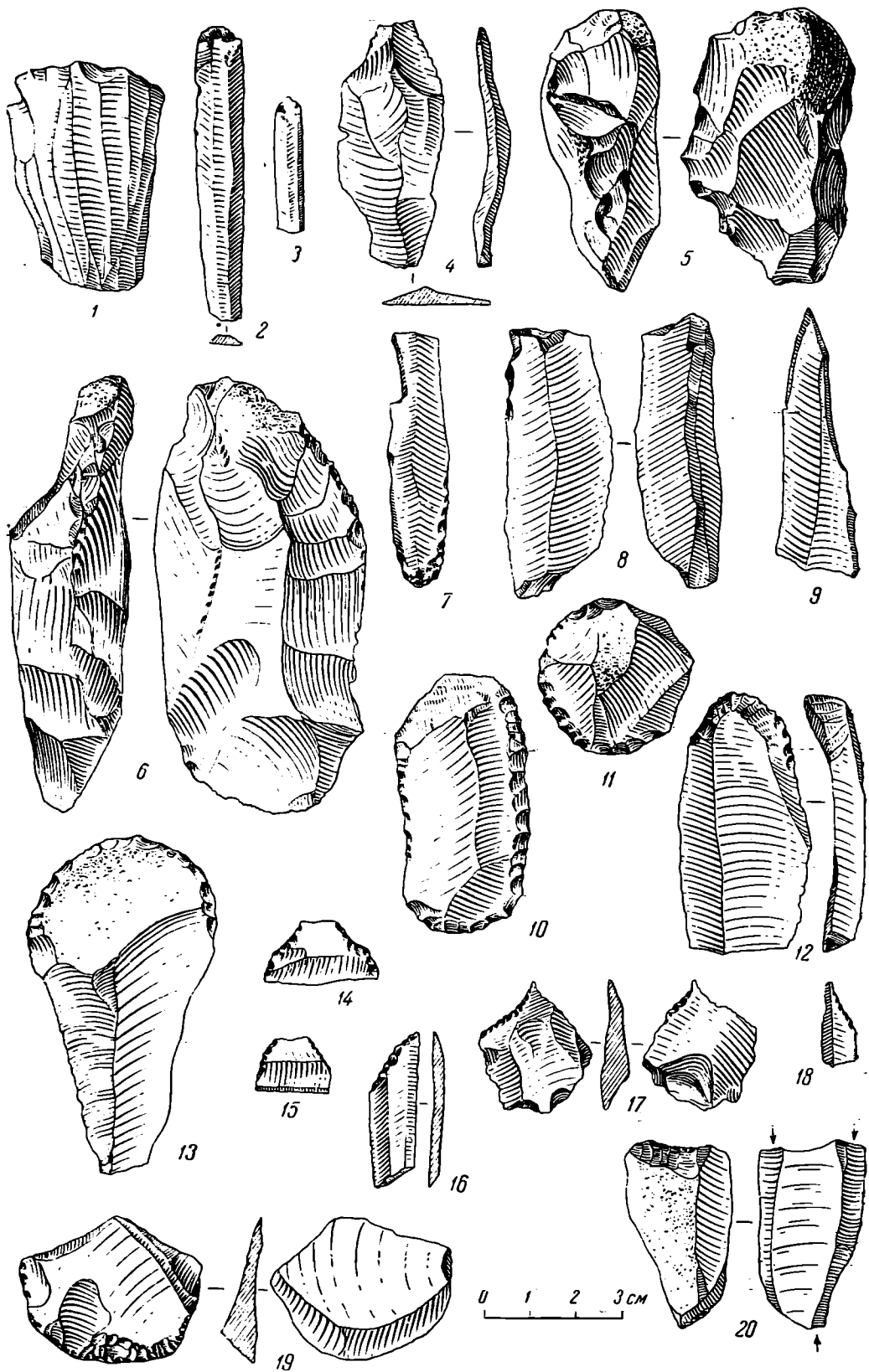

Рис. 19. Кремневый инвентарь Яремовской стоянки:

1 — нуклеус; 2—4 — ножевидные пластины; 5 — клин; 6 — топорик-резак; 7—9 — резцы; 10—13 — скребки; 14, 15 — трапеция; 16 — пластинка со скошенным концом; 17, 18 — проколки; 19 — скол с топорика; 20 — двойной резец со скобелевидным концом.

На стоянке обнаружено большое количество скребков (73). Большинство из них изготовлено на конце короткой, но довольно массивной пластины или на таком же массивном отщепе (рис. 19—10, 12, 13). Крутой ретушью обычно охвачен только полукруглый рабочий конец скребка, реже она распространяется на боковые стороны пластины. В профиле скребки имеют характерную для этого типа орудий согнутость рабочего конца в сторону бруска пластины.

Кроме перечисленных орудий, на стоянке обнаружены единичные экземпляры округлых (рис. 19—11), скошенных и двойных скребков, а также скобели.

Довольно многочисленную группу составляют резцы (63). Типичными для стоянки являются резцы на углу сломанной пластины (рис. 19—7, 8). Изготавливались они на пластинках средней величины (ширина 10—12 мм). Три из них изготовлены на микропластине. Подретуширование излома при изготовлении применялось очень редко. Срединный тип резцов представлен тремя орудиями, изготовленными также на довольно массивных пластинах (рис. 19—9).

Следует отметить, что в раскопе 1951 г. обнаружены два резца, изготовленные на небольших обломках кремня; они имеют по два боковых скола и вогнутый подретушированием конец. Иногда на противоположном конце резца также наносился скол. Такие двойные резцы со скобелевидным концом (рис. 19—20) являются характерными орудиями для неолита среднего течения Северного Донца.

Колюще-сверлящие орудия представлены небольшим количеством проколов, сформованных на конце небольших пластинок подобно тому, как формировался ретушью черенок свидерских наконечников (рис. 19—18). Одна проколка изготовлена на небольшом отщепе, причем ретушь, формирующая ее острие, нанесена по одну сторону рабочего края с бруска, а по другую — со спинки (рис. 19—17).

На стоянке собрано значительное количество микровкладышевых орудий, среди них 13 трапеций. Почти все трапеции изготовлены из микролитических пластин. Некоторые имеют продолговатую форму и выпуклые боковые стороны и по форме напоминают сегменты (рис. 19—15), у других боковые стороны, наоборот, вогнуты; такие трапеции обычно более высокие, и их нижнее основание в несколько раз превышает верхнее (рис. 19—14). Пластинок со скошенным концом обнаружено только две. Техника изготовления и форма их обычна, ретушью снят в обоих случаях левый угол слома. Длина пластин — 2,5 см (рис. 19—16).

Других кремней геометрических форм (пластинок с затупленной спинкой, сегментов) в слое стоянки не обнаружено.

Кремневый инвентарь, собранный в 1929 г., к сожалению, не сопровождался керамикой. В неолитическом слое раскопок 1951 г. встречено несколько фрагментов сравнительно тонкостенной (0,7 см) керамики. Все сохранившиеся черепки неорнаментированные. В глиняном тесте довольно много органических примесей, обжиг слабый; поверхность черепка пористая.

Суммируя результаты исследований материалов Яремовской неолитической стоянки из раскопок С. С. Гамченка, необходимо отметить прежде всего, что эта стоянка — первая на Донце, давшая при раскопках целый комплекс неолитических находок. В этом ее основная ценность в сравнении с другими неолитическими стоянками, дающими иногда также тысячи находок, но лишь при сборе подъемного материала.

Характерным признаком комплекса кремневых орудий Яремовской стоянки является наличие микролитической и макролитической техники. Здесь, наряду с орудиями микровкладышевой техники (трапеции, пластинки со скошенным краем), обычны орудия типа топоришков-резаков и клиньев.

Параллельное существование двух видов техники характерно для донецких памятников развитой поры неолитической эпохи, к которой, повидимому, относится и рассмотренная в настоящей публикации стоянка. Этой датировке не противоречит типологическая близость инвентаря к материалам раскопанной на среднем Донце в 1951 г. стоянки Бондариха-2, возраст которой довольно хорошо датируется наличием неолитической керамики¹. Возможно, что Яремовская I относится к несколько более позднему времени, поскольку в кремневой технике отмечаются некоторые черты (например, прием формования лезвия топора продольными мелкими сколами), свойственные уже поздненеолитической технике местного неолита.

Среди материалов стоянок лесостепной части УССР кремневый инвентарь Яремовской I типологически соответствует находкам третьего горизонта стоянки в урочище Піщаном на Волини², которую, следовательно, нужно датировать неолитическим временем, а не порой «мезолита», как это было предложено ее исследователем.

¹ Д. Я. Телегін. Неолітична стоянка в урочищі Бондариха. Археологія, т. IX, Київ, 1954.

² І. Ф. Левицький. Стація в ур. Піщаному біля Народич. — «Антропологія», т. IV. Київ, 1931.

П. Д. СТЕПАНОВ

СЛЕДЫ ЮЖНОЙ КУЛЬТУРЫ ЭПОХИ БРОНЗЫ В БАССЕЙНЕ
РЕКИ МОКШИ

Еще в 1940 г. во время разведочной экспедиции близ с. Паево Мордовской АССР было открыто городище «Казна Пандо»¹, на площади которого собран подъемный материал. Среди находок керамики выделена небольшая группа образцов, типичных для эпохи бронзы. Несколько зарисовок было опубликовано².

В том же году обнаружено другое древнее городище близ с. Старо-Пшенево Мордовской АССР, расположенное к северу от с. Паево. И на этом городище, наряду с массой обычной керамики городищного типа, встречена керамика эпохи бронзы³. Тогда же близ разъезда Нового, к северу от с. Паево, было открыто селище с керамикой указанного типа⁴.

В средней школе г. Инсара хранится коллекция древнемордовских вещей IX—XI вв., происхождение которой установить не удалось. Среди прочего здесь имеется и своеобразная керамика, аналогичная керамике с городища «Казна Пандо» у с. Паево. Можно предполагать, что она попала в коллекцию школы именно с этого городища, так как с. Паево расположено недалеко от Инсара.

Подобная же керамика эпохи бронзы обнаружена в 1939 г. в культурном слое Теньгушевского городища в Теньгушевском районе Мордовской АССР, а в 1940 г. в культурном слое на дюнах у с. Ширингуши⁵. К сожалению, Е. И. Горюнова, опубликовавшая таблицу рисунков этого типа керамики с Теньгушевского городища⁶, ни словом не обмолвилась об условиях ее залегания в культурном слое.

В 1951 г. во время раскопок городища у с. Итяково Темниковского района Мордовской АССР по соседству с городищем на высоком берегу р. Мокши обнаружено древнее селище, где также собрана аналогичная керамика.

Таким образом, к настоящему времени известно уже семь древних поселений с однообразной керамикой эпохи бронзы, и все эти поселения расположены в бассейне р. Мокши. Причем важно отметить, что керамика этого

¹ П. Д. Степанов. Краткий отчет о работе археологической экспедиции 1940 г. — «Зап. МНИИ», № 2, 1941, стр. 46—47.

² Там же, стр. 49, табл. № 3, 4, 5, 10, 12, 15.

³ Там же, стр. 46.

⁴ Там же.

⁵ П. Д. Степанов. Археологические работы в Мордовской АССР в 1940—1941 гг. — «Зап. МНИИ», № 6, 1946, стр. 64.

⁶ Е. И. Горюнова. Теньгушевское городище. — «Зап. МНИИ», № 9, 1947, стр. 170.

типа найдена в культурном слое городищ (3 случая), селищ (2 случая) и на дюне (1 случай). Все эти памятники, кроме Ширингушской дюны, располагаются на высоких древних берегах Мокши и ее притоков (рис. 20). Есть основания предполагать, что в бассейне Мокши есть и еще памятники с подобной же керамикой.

Керамика, о которой идет речь, резко выделяется по форме и орнаментике среди известных материалов культур эпохи бронзы. Глиняное тесто для изготовления этой посуды на городище «Казна Пандо» содержало примесь песка, иногда крупнозернистого. Обжиг сосудов коричневато-красноватый, переходящий в некоторых случаях в красный или желтовато-красный. Обжиг внутренней стороны стенок горшков в большинстве случаев черный.

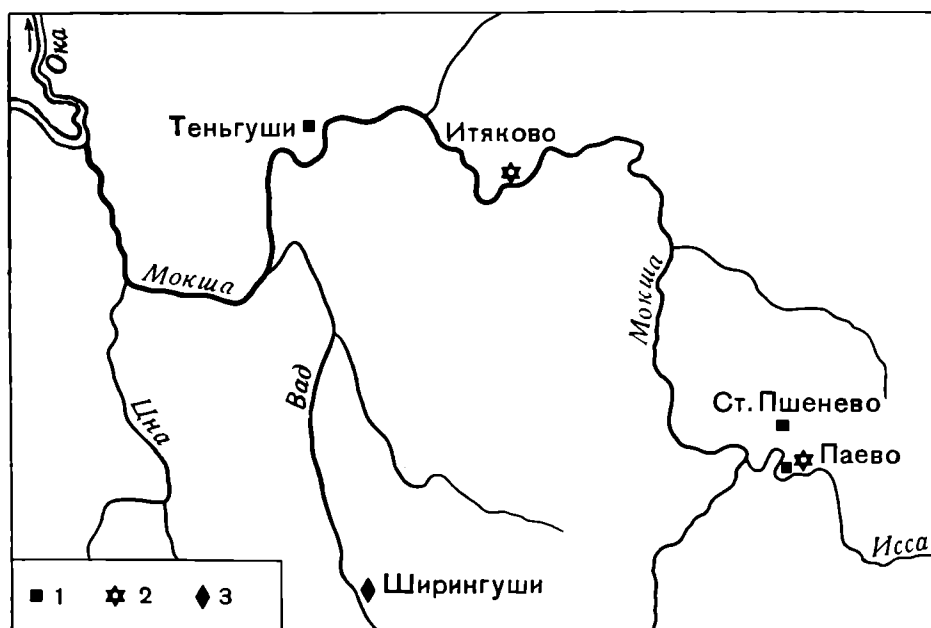

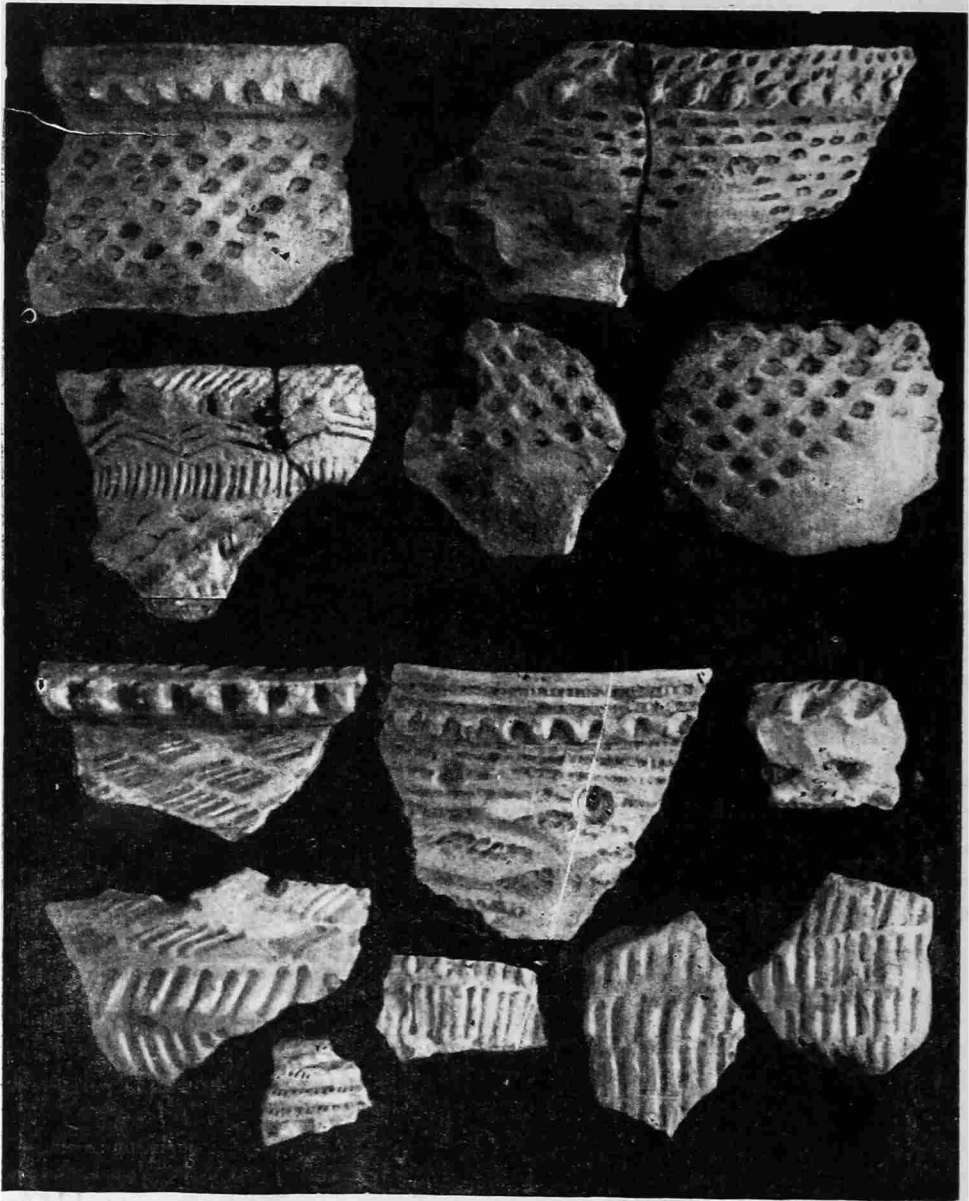
Рис. 20. Места находок керамики эпохи бронзы в бассейне р. Мокши:

1 — городище; 2 — селище; 3 — дюнная стоянка.

В изломе черепок тоже черного цвета, но иногда — желтовато-красного. Встречаются сосуды черного обжига внутри и снаружи. Наружная сторона стенок гладкая, но не лощеная. Следов от сглаживания зубчатым штампом или травой не наблюдается. Внутренняя сторона, наоборот, хорошо выглажена. На некоторых черепках ясно видны полосы от сглаживания по окружности пучком травы или зубчатым инструментом. Но нередки случаи неровного выглаживания. Иногда можно наблюдать шов подлепного венчика. Подлеп делался к нижней полосе с внутренней стороны.

В нашем распоряжении имеется довольно большое число образцов керамики с городища «Казна Пандо», преимущественно венчиков и шеек горшков, украшенных богатым и своеобразным орнаментом (рис. 21—24). Стенки сосудов не орнаментировались. Не удалось пока по наличному материалу определить форму днищ сосудов. Вероятно, они были плоские. По имеющимся образцам (слишком мелким) не легко установить и форму посуды. Но все же можно сказать, что преобладали сосуды с более или менее отогнутой наружу шейкой. Плечики были несколько вздутые и округлые. Есть сосуды чашеобразной формы, без выраженной шейки и плечиков. Величина сосудов различна, но преобладают горшки крупных размеров. Диаметр их колебался (судя по венчикам) в пределах 17—26 см; высоту по имеющимся фрагментам определить не удалось.

Есть образцы с более тонкими и более толстыми стенками, но преобладающая толщина стенок — 7—9 мм. Характерной чертой является утолщение шейки или только венчика при помощи налепного валика. Иногда венчик выглядит как фигурный карниз. Толщина венчика с валиком колеблется от 1 до 1,5 см (рис. 25).

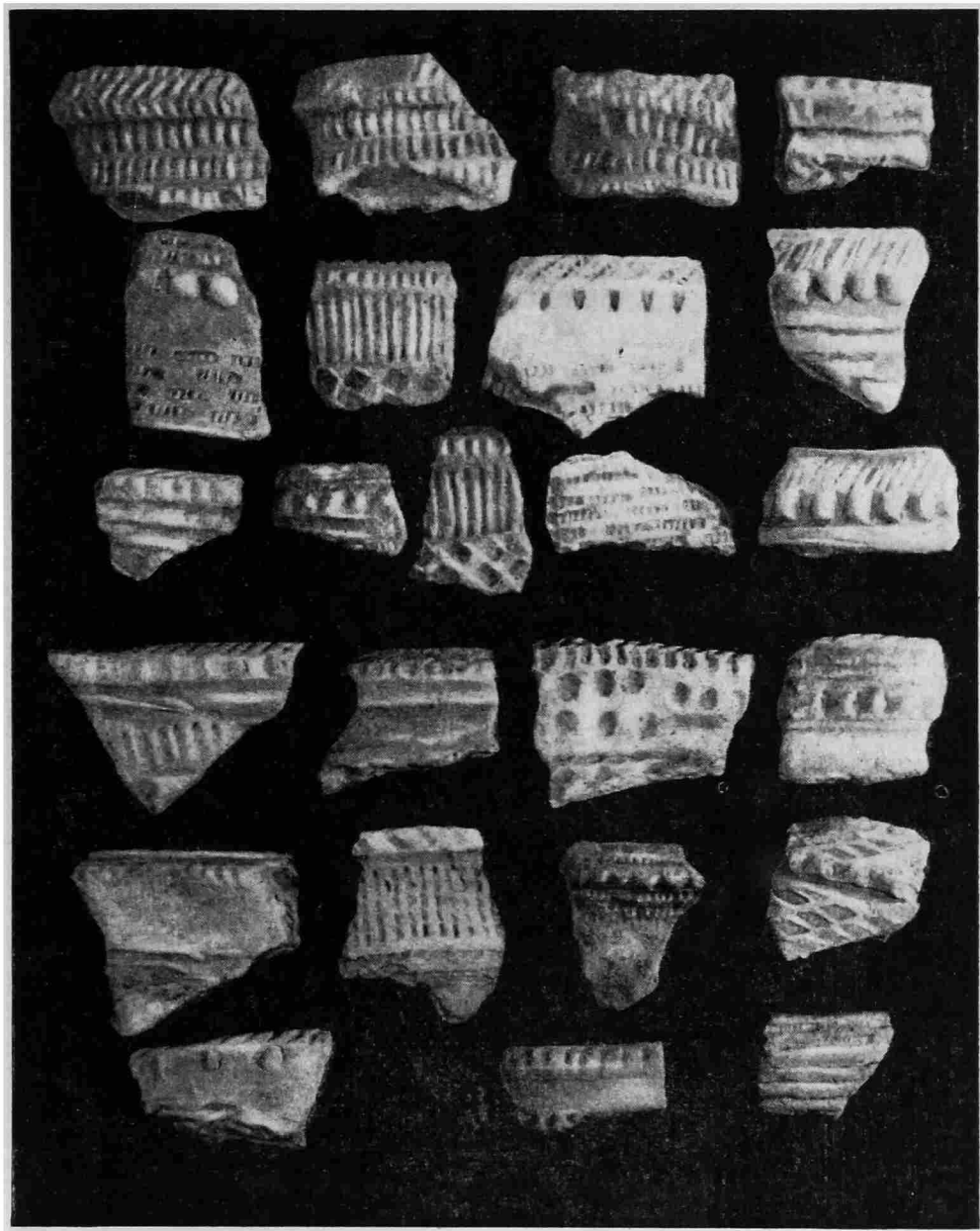

0 1 2 3 4 5 см

Рис. 21. Керамика эпохи бронзы с поселений бассейна р. Мокши.

Как отмечалось выше, описываемая посуда украшалась разнообразным орнаментом, который располагался с наружной и с внутренней стороны шейки и по верхнему краю венчика. Преобладающим приемом нанесения орнамента была штамповка. Другие приемы орнаментации не установлены. Штампы применялись самой различной формы. Широко использовался обычный крупнозубчатый штамп, часто с шестью зубьями. Нарезка зубьев была поперечная и косая. Употреблялись фигурные торцовые штампы. Наибольшим же распространением пользовался штамп ромбической формы различных размеров. Встречаются штампы полушарообразные, дававшие отпечатки в виде округлых ямок с округлым же дном.

При помощи самых разнообразных штампов оттискивались соответствующие рисунки — элементы всегда сложного орнамента, состоящего из нескольких зон или полос, идущих по окружности шейки, венчика, плечиков или с внутренней стороны шейки. Каждая зона складывалась из повторяющихся стпечатков штампа одной формы; следующая — из отпечатков дру-

0 1 2 3 4 5 см

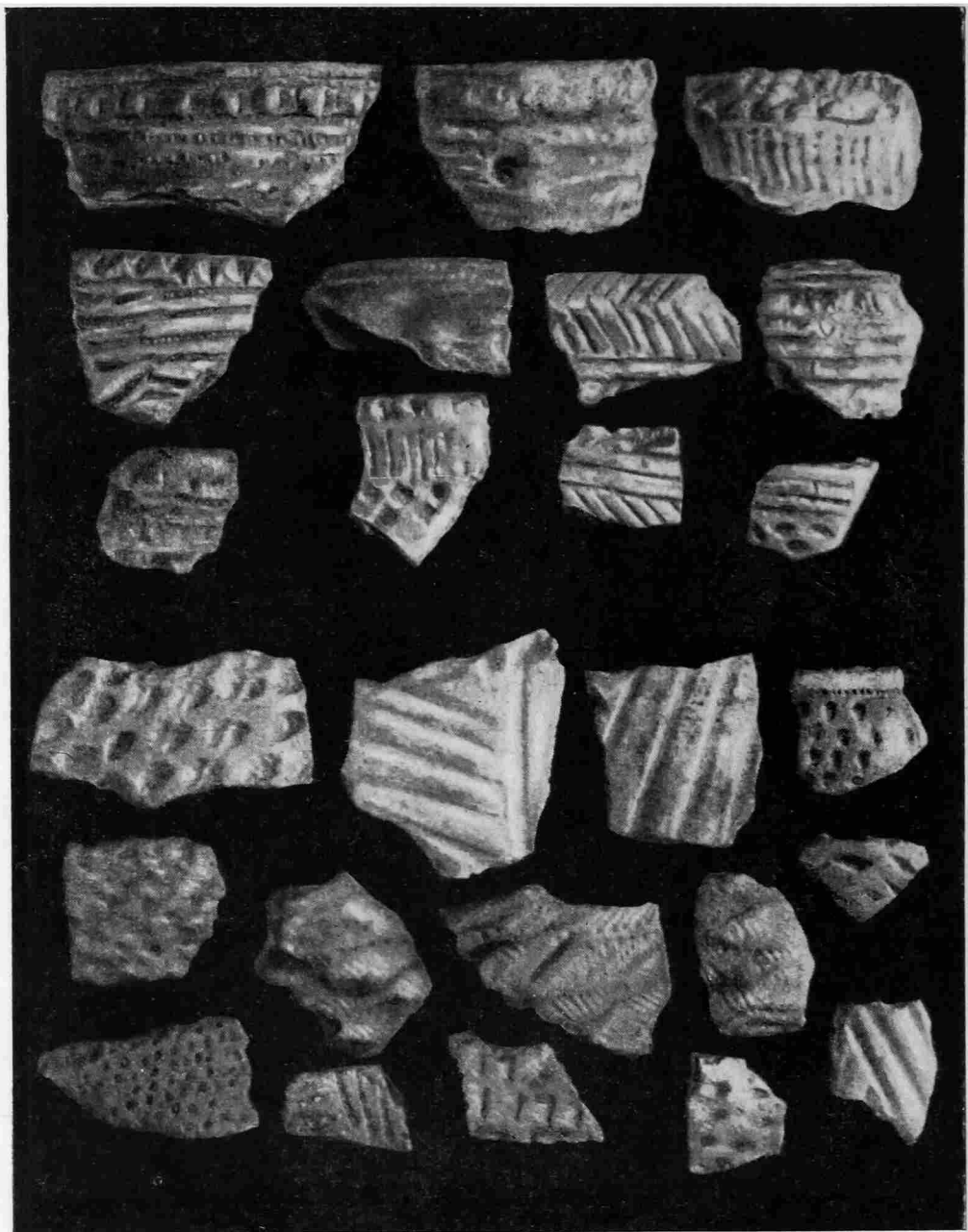
Рис. 22. Керамика эпохи бронзы с поселений бассейна р. Мокши.

гого штампа и т. д. Редко встречается орнамент, нанесенный только одним штампом. В некоторых случаях отпечатки комбинируются в форме углов или фестонов, спускающихся на бока сосуда. Иногда образуется елочный орнамент.

В состав орнамента входят также различного типа защипы и шишечки на валике венчика. Эти украшения делались при помощи какого-то острого инструмента; валик надрезался, и затем надрезанная часть сдвигалась

в сторону. Таким же образом надрез делался и с другой стороны. В результате получался ряд шишечек пирамидальной формы.

Отличительной чертой описываемой керамики является широкое распространение орнаментации края венчика не только с наружной, но и с внутренней стороны. Если венчик имеет неширокий косой срез внутрь, то он бы-

0 1 2 3 4 5 см

Рис. 23. Керамика эпохи бронзы с поселений бассейна р. Мокши.

вает украшен косыми отпечатками зубчатого штампа. В тех случаях, когда шейка отогнута наружу и заметно выделяется, она с внутренней стороны бывает на всю ширину украшена отпечатками зубчатого, ромбического или круглого штампа.

Исследуемая керамика во всех известных нам случаях не имеет общих черт с керамикой верхних слоев городищ, которые перекрывают места

древнейших поселений. По орнаментике она ближе всего керамике неолитических поселений, но по форме сосудов резко от нее отличается. Кроме того, трудно связать эту керамику с неолитическими поселениями и по месту находок — на высоких берегах рек.

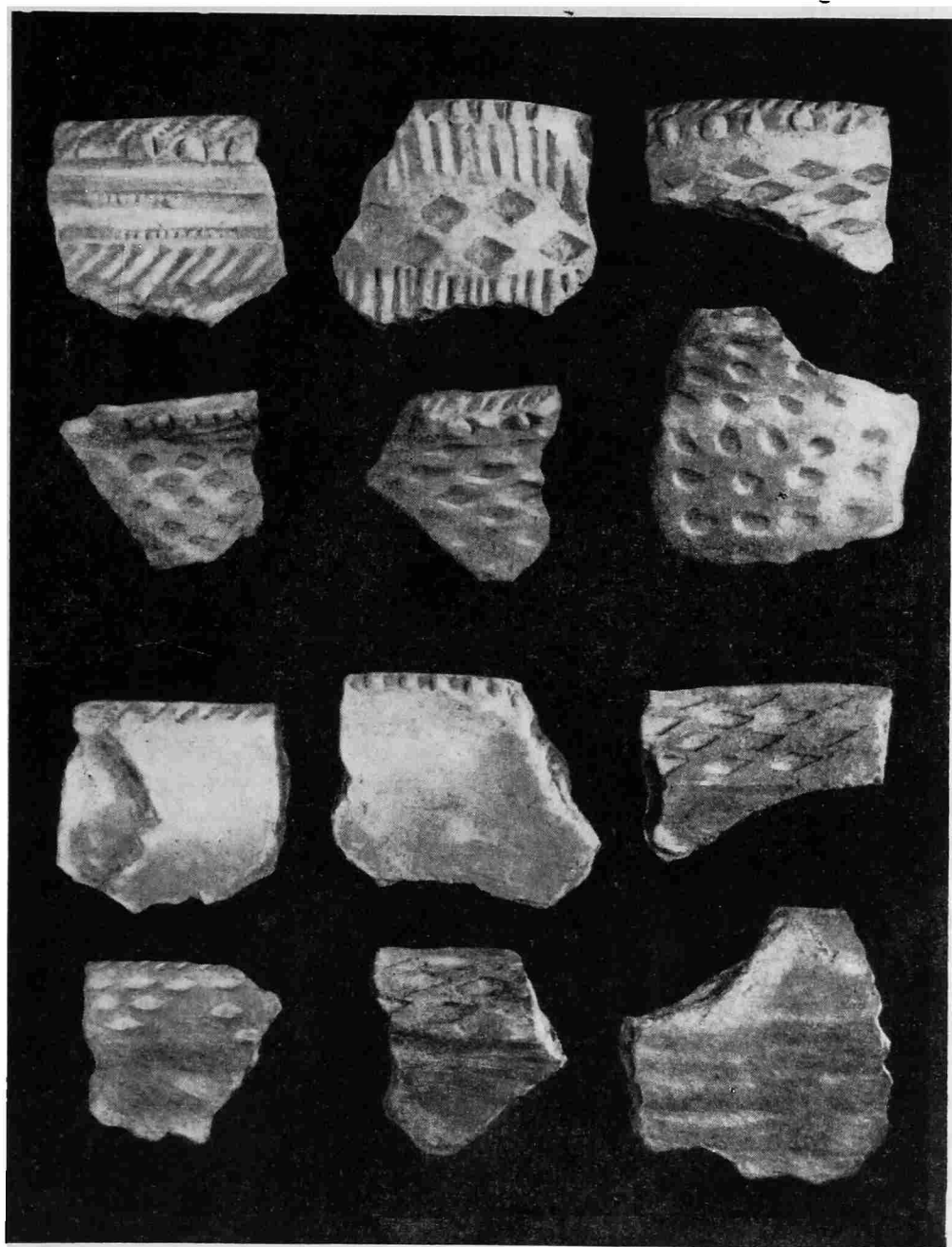

Рис. 24. Керамика эпохи бронзы с поселений бассейна р. Мокши:
на 6 верхних рисунках — наружная поверхность; на остальных — внутренняя, соответ-
ственно тех же фрагментов.

Все наши поиски близких образцов не увенчались успехом. Близкая исследуемой керамика известна только из культурного слоя одного из городищ на р. Воронеже¹. Но и она все же несколько отличается, хотя на сосудах встречается тот же ромбический орнамент.

¹ А. Н. Москаленко. Архангельское (Гольшевское) городище. — КСИИМК, вып. XLVIII, 1952, стр. 103—106.

Таким образом, описанная нами керамика стоит пока особняком, и имеется лишь слабый намек на ее южное происхождение. Отсутствие параллелей затрудняет решение вопроса о хронологии. Однако здесь следует привлечь некоторые вещи, обнаруженные на городище «Казна Пандо» у с. Паево. При раскопках¹ в 1950 г. обнаружены некоторые, несомненно, одновременные с керамикой вещи, в частности, две бронзовые булавки кавказского типа. Одна из них представляет собой круглый стержень длиной 18,9 см и толщиной до 4 мм. Верхний конец его расплюснут и из расплюсненной части сделаны спиральные завитки (рис. 26 — 1). Головные булавки аналогичной формы найдены на Северном Кавказе². Такая же, близкая и по размерам булавка обнаружена в курганном могильнике в г. Нальчике³, подобная же булавка встречена в погребении 1 под г. Орджоникидзе⁴. Названные памятники датируются II тысячелетием до н. э.

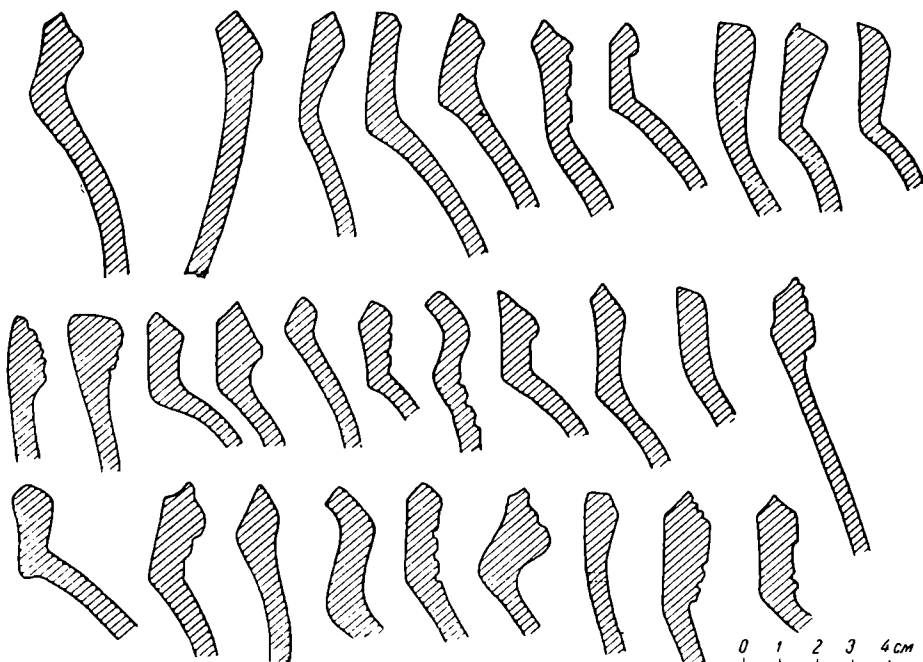

Рис. 25. Профиль шеек и венчиков сосудов эпохи бронзы с поселений бассейна р. Мокши.

Вторая бронзовая булавка из «Казна Пандо» отличается от первой по длине и по форме головки. Длина ее 13 см, толщина до 3 мм. Головка сделана в виде круглой шляпки. На расстоянии 3,2 см от шляпки идет пять рельефных поясков, из которых средний — широкий боченкообразной формы, а остальные более узкие (рис. 26 — 2). Подобного типа булавки, т. е. с головкой в виде шляпки, также можно указать среди древностей Северного Кавказа⁵, и датируются они тоже II тысячелетием до н. э.

Кроме вышеперечисленного, в культурном слое городища «Казна Пандо» найдены два кованых стержня, квадратных в сечении, один бронзовый и один серебряный.

¹ Раскопки МНИИ. При раскопках, кроме интересующих нас в данном случае материалов, обнаружены вещи и керамика городецкого типа.

² «Археологические памятники Кабарды». — МИА, № 3, табл. IV, № 5, табл. X, № 2.

³ Б. Е. Деген. Курганы в Кабардинском парке г. Нальчика. — МИА, № 3, стр. 250, рис. 34.

⁴ Там же, стр. 261, рис. 40.

⁵ Там же, табл. IV, № 1.

Описанные выше головные булавки являются датирующими и для керамики, так как их никак нельзя связывать с городецким материалом, который не может быть древнее VII—VI вв. до н. э.

Находка булавок (в совокупности с отмеченными нами параллелями в керамике воронежского городища) подтверждает южное происхождение исследуемого комплекса сосудов.

Для датировки этого комплекса может быть использован и следующий факт. На Теньгушевском городище в культурном слое вместе с описываемой керамикой были найдены обломки горшка балановского типа (фатьяновская культура)¹. Как известно, Балановский могильник датируется третьей четвертью II тысячелетия до н. э. В культурный слой Теньгушевского городища обломки балановского горшка могли попасть только во второй половине II тысячелетия до н. э., т. е. в то время, когда там жило население, оставившее изучаемую нами керамику.

Таким образом, на основе рассмотренных материалов можно высказать следующее предположение. Во II тысячелетии до н. э. какая-то племенная группа, обитавшая в южных степях в бассейне Дона и его притока р. Воронежа, продвинулась далеко на север, в бассейн р. Мокши, где расселилась по высоким берегам этой реки и ее притоков. Вряд ли группа была численно велика. Проживала она на севере непродолжительное время — в противном случае характерной для нее керамики и вещей сохранилось бы больше. Не исключена возможность, что все отмеченные нами поселения и места находок относятся к одной небольшой группе, постепенно продвигавшейся по р. Мокше от верховья до устья.

Основным видом поселения, оставленного этой группой, было селище. В ряде случаев на месте этих древних селищ позднее расселялись племена, носители городецкой культуры, укрепляя свои поселки рвами и валами, что характерно и для поселений племен позднего периода фатьяновской и срубно-хвалынской культур в Поволжье.

Нам представляется, что обнаруженный комплекс керамики выделяется среди материалов культур эпохи бронзы в особую культуру этого периода, характерную для населения бассейна р. Мокши. Дальнейшие исследования, несомненно, дадут новые материалы для выяснения исторических судеб племени, оставившего открытый нами комплекс.

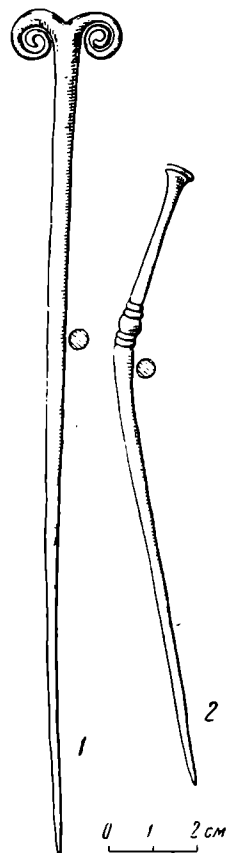

Рис. 26. Булавки из бронзы, найденные в культурном слое городища «Казна Пандо».

¹ Е. И. Горюнова. Указ. соч.

П. Д. СТЕПАНОВ

КУРГАНЫ ЭПОХИ БРОНЗЫ У с. ПИКЯСИ МОРДОВСКОЙ АССР

В 1945 г. разведочная экспедиция открыла курганный комплекс из девяти насыпей на поле у с. Пиксяси Атяшевского района Мордовской АССР.

В 1952 г. здесь было раскопано три кургана, давшие интересные материалы, относящиеся к эпохе бронзы. Тогда же невдалеке от курганного поля обнаружено и отчасти раскопано селище той же культуры и эпохи, что придает памятникам особый интерес.

Курганный комплекс расположен на ровной площадке, ограниченной с востока речкой Лепелей и с. Пиксяси, с юга — долиной р. Большая Сарка, с запада — оврагом с ручьем, с севера — проезжей дорогой из с. Пиксяси в с. Селище. Площадь, занятая курганами, равняется примерно 3 кв. км и в течение ряда веков распаивается. В настоящее время трудно решить вопрос о действительном числе курганов, так как в 1945 г. нам удалось нанести на план девять насыпей, а в 1952 г. оставалось только шесть. Остальные исчезли вследствие глубокой распашки.

Курганы в группе располагаются без видимого порядка, на различном расстоянии один от другого. Большая часть их сосредоточена ближе к с. Пиксяси и лишь два отстоят несколько западнее, ближе к с. Селищи, причем один из них выделяется из всей группы своими размерами (высота его 1,6 м). Возможно, что его расположение особняком не случайно (рис. 27).

Все курганы однообразной формы и имеют вид сильно уплощенного круглого в плане возвышения. Первоначальный диаметр их был значительно меньше современного, что удалось проследить на кургане 1, современный диаметр которого равен 30 м, а диаметр погребенной почвы 22—23 м.

Вскрыты три кургана, расположенные в центре группы, остальные находились под посевами. Курган 3 из-за посева был вскрыт частично. Курганы оказались единообразными и по устройству и по похоронному обряду. Различия отмечены небольшие и только в деталях.

Курган 1. (Высота 0,75 м, диаметр 30 м). В центре насыпи на глубине 19 см обнаружена полоса глиняного выкида из могилы, располагавшаяся к западу от нее по направлению с севера на юг. Толщина слоя глины доходила до 55 см; это позволяло предполагать, что могила будет большая. Аналогичная, но меньшая по объему полоса глиняного выкида проходила к северо-востоку от могилы. До края могилы выкид не доходил на 1,5 м.

Между выкидами в направлении с северо-запада на юго-восток на уровне погребенной почвы поперек могильной ямы лежали в ряд длинные плахи, занимая площадь до 24 кв. м. Средняя часть этого бревенчатого перекрытия провалилась в могилу, которая в течение сравнительно долгого

времени, пока не подгнили бревна, очевидно, представляла собой пустую камеру. Крупные грызуны или хищники устраивали в таких камерах гнезда, разрушая погребения. О том, что засыпка провалилась в могилу, свидетельствует и тот факт, что на уровне перекрытия и нижнего горизонта выкида могильное пятно не прослеживалось из-за однородности засыпки и погребенной почвы. Чтобы определить могильное пятно, пришлось снять слой погребенного чернозема до глубины 96 см, где показалась грунтовая глина.

Могильное пятно прямоугольной формы, с округленными углами было ориентировано по линии северо-восток — юго-запад и располагалось почти в центре курганной насыпи. Длина его 2,83 м, ширина 2,32 м. Вдоль края могильной засыпки проходила узенькая полоска перегнившего дерева — следы провалившегося перекрытия.

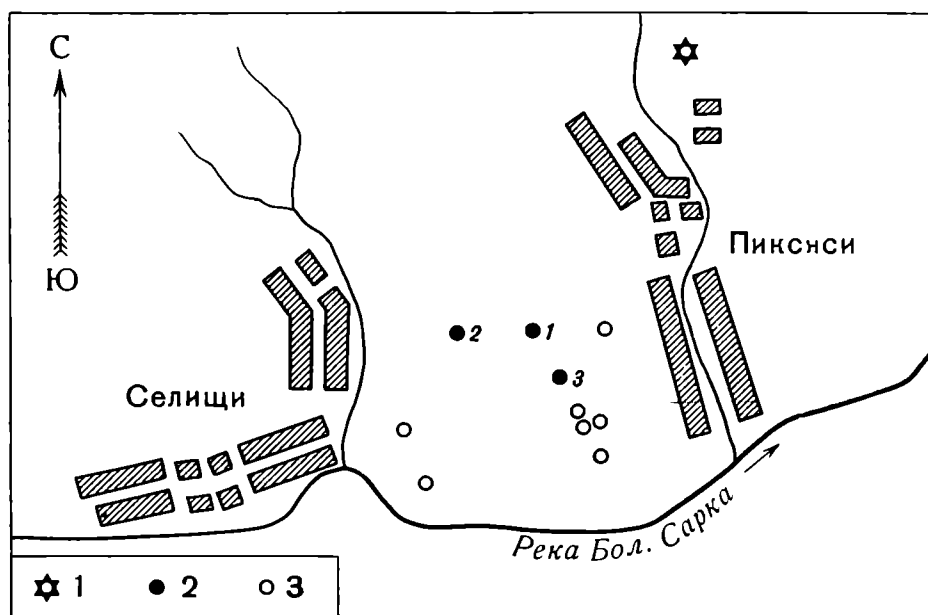

Рис. 27. План расположения курганной группы у с. Пиксяси Мордовской АССР:

1 — селище; 2 — раскопанные курганы; 3 — нераскопанные курганы.

Засыпка до самого дна состояла из плотного, как бы утрамбованного чернозема. Такое уплотнение засыпки бывает в том случае, когда середина кургана обрушивается в могилу, возникает воронка, через которую проникают осадки, способствующие уплотнению. Следует отметить полное отсутствие желтой грунтовой глины из выкида в засыпке могилы. Значит, для насыпи брался грунт из почвенного слоя с прилегающей территории.

Края и стенки могилы значительно пострадали от грызунов, которые разрушили и скелет погребенного. Так, челюсть и ребра найдены вне могилы, половина тазовой кости на глубине 0,72 м, плечевые и некоторые другие кости — на глубине 1,6 м. После расчистки оказалось, что остальные кости скелета лежат в полном беспорядке выше дна могилы на 20—25 см. Крупные кости рук и ног обнаружены в кучке у западной стены могилы; череп не найден.

Интересно отметить, что одна из ключиц умершего носит следы срачивания после перелома при жизни.

По всем признакам погребен был взрослый человек, вероятно, женщина.

В центре обнаружены крупные обломки горшка на глубине 1,5 м,

т. е. не на дне. Черепки этого же горшка лежали и среди костей. Других вещей не найдено. На дне могилы хорошо прослеживались остатки растительной подстилки розоватого цвета.

Определились общие размеры могильной ямы: длина ее 2,8 м, ширина 2,25 м, глубина до плах перекрытия 2,2 м, а до вершины кургана 2,95 м. В насыпи кургана найдены в небольшом числе обломки горшков, кости лошади и какого-то хищника.

Курган 2 располагался к западу от первого и был значительно меньше: его диаметр 20 м, высота 0,7 м.

По характеру насыпи, расположению выкида из могилы, устройству перекрытия из плах, лежавших в том же направлении, по форме и ориентировке могилы курган ничем не отличался от предыдущего. Разница была только в размере могильного пятна (длина 2,28 м, ширина 1,7 м) и в наличии толстой плахи, лежавшей вдоль и служившей перекладиной для более тонких плах поперечного перекрытия.

При расчистке обнаружены кости взрослого человека, перемешанные и сдвинутые в восточный угол могилы. Только голень и ступня левой ноги лежали на дне в неповрежденном состоянии. Смещение костей в восточный угол объясняется тем, что здесь находился лаз крупного грызуна или хищника, который часть костей (челюсть и др.) затащил даже в насыпь кургана.

По расположению голени и ступни можно было определить положение погребенного в могиле в момент захоронения. Он лежал скорченно на левом боку, головой к северу или северо-востоку. На костях голени и ступни хорошо видны следы красной краски. Среди костей обнаружено несколько обломков раздавленного горшка и круглое в сечении костяное шило с черешком. Второе шило, четырехгранное бронзовое, с костяной рукояткой, лежало на дне близ западного угла, острием к северо-востоку. Во всех углах могилы найдено по ребру коровы.

На дне наблюдались остатки растительной подстилки розоватого цвета. Длина могилы 2,2 м, ширина 1,7 м. Глубина от перекрытия 1,9 м, от вершины насыпи 2,6 м.

В насыпи встречены кости домашних животных и обломки горшков, часть которых принадлежала горшку из могилы, а часть — двум другим горшкам.

Курган 3 расположен на таком же расстоянии от первого, как и второй курган, но в направлении к юго-востоку. Диаметр его равен 26 м, высота 0,8 м. Часть насыпи не вскрыта, так как находилась под посевом.

Как и в предыдущих курганах, здесь оказались два весьма обширных выкида глины из могилы, между которыми на глубине 0,96 м обнаружено могильное пятно круглой формы, диаметром 2,2 м. Над могилой на глубине 0,7 м от вершины встречен бревенчатый настил, часть которого обвалилась в яму. Бревна длиной до 4 м располагались по линии с северо-запада на юго-восток. Немного поодаль от настила обнаружены лежавшие в один ряд через равные интервалы шесть обрубков от бревен длиной около 1 м. Вероятно, они были отрублены перед устройством накатника от слишком длинных бревен. Насыпь по составу была однородной (из чернозема); следов подсыпки не обнаружено.

Засыпка могилы состояла из чернозема и была такой же плотности, как в других курганах. В засыпке найдены кости домашних животных, обломки горшков и норы грызунов. На глубине 1,32 м от перекрытия стали попадаться человеческие кости. После окончательной расчистки могилы выяснилось, что у дна она прямоугольной формы и ориентирована с северо-востока на юго-запад. Длина могилы 1,83 м, ширина 1,35 м, глубина от перекрытия 1,75 м, а от вершины кургана 2,44 м.

Кости взрослого человека оказались не на дне могилы, а в беспорядке на разной глубине. Положение погребенного определить было невозможно.

Кроме того, в могиле у северо-восточной и юго-восточной стен найдены ребра коровы (2 и 3 шт.), свидетельствующие о том, что умершему в могилу были положены куски коровьего мяса. Близ юго-западной стенки среди человеческих костей лежал дном вверх горшок, другой горшок стоял в северо-восточном углу. В засыпке найдены кремневый скребок и костяная трубочка — флейта, сделанная из кости птицы, хорошо отполированная.

На дне могилы обнаружены следы красной краски и остатки растительной подстилки.

В насыпи кургана в разных местах, но преимущественно возле могилы и настила, а также над могильным пятном и в засыпке встречены многочисленные кости домашних животных, обломки горшков и различные вещи: обломок неизвестного, сделанного из рога лося предмета в виде пластинки с зарубкой, обломок толстостенного горшка, причем черепку придана прямоугольная форма путем обточки краев, и обломок глиняной крышки. Нахождение всех этих предметов в насыпи кургана трудно объяснить, тем более, что в остальных двух курганах подобных находок не было. Особенно непонятно присутствие многочисленных обломков от различных горшков, которые не поддаются склейке. Бесспорно одно — горшки не были разбиты у могилы, так как тогда обломков было бы больше и из них частично можно было бы собрать отдельные сосуды. Огромное число костей, разбросанных вокруг могилы, можно связать с тризной в честь умершего.

Подводя итог раскопкам курганов, мы должны отметить, что все они имеют много общих черт в могильных сооружениях, в обряде захоронения и в вещевом материале. Все курганы включают в себя по одной центральной могиле прямоугольной формы с округленными углами. Размеры ям колеблются; ориентировка однообразная — с северо-востока на юго-запад. Над всеми могилами устроены бревенчатые перекрытия, причем в кургане 2 отмечена продольная перекладина (в других курганах таких перекладин не было). Характерно устройство перекрытия, значительно большего по площади, чем могила. Во всех случаях глина, вынутая из могилы, не применялась для засыпки. Только в одном кургане наблюдаются следы обильной поминальной тризны: многочисленные кости в насыпи кургана, в остальных двух курганах таких костей встречено меньше.

Во всех могилах оказались одиночные захоронения взрослых, которые, судя по погребению в кургане 2, лежали на боку, в скорченном положении, головой к северу или северо-востоку. Общим для всех захоронений является смещение костей к одной стороне могилы и присутствие растительной

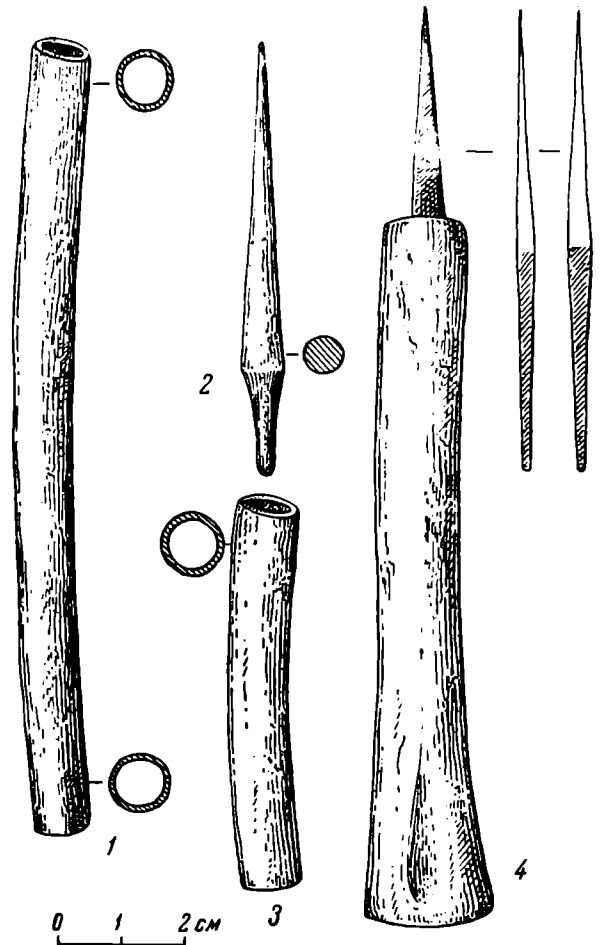

Рис. 28. Вещи из курганов и селища у с. Пиксяси:

1, 3 — костяные трубочки-флейты; 2 — костяное шило; 4 — бронзовое шило с костяной рукоятью (1 — курган 3; 2, 4 — курган 2; 3 — из селища).

подстилки под погребенными. В двух случаях наблюдалась красная краска на костях и на дне могилы.

Во всех раскопанных курганах много общего и в вещевом материале, особенно в керамике, что может свидетельствовать о культурной общности и племенном единстве, а может быть, даже о родственных связях.

В кургане 2 найдено четырехгранное бронзовое шило с костяной рукояткой (рис. 28 — 4) — полная аналогия шилу из кургана 5, погребение 30 у с. Ягодного Ставропольского района Куйбышевской области¹. Такого же типа шилья нередко находились в Нижнем Поволжье в курганах, относящихся к срубно-хвалынской культуре². Курганы у с. Ягодного датируются последней четвертью II тысячелетия до н. э. Другому, костяному, шильцу аналогий мы пока не отыскали (рис. 28 — 2).

Большой интерес представляет костяная флейта из кургана 3 (рис. 28 — 1), аналогию которой мы имеем в вещах Пиксясинского же селища (рис. 28 — 3), а также в кургане 7 срубно-хвалынской культуры у г. Энгельса (Покровска). Курганы эти датируются последней четвертью II тысячелетия до н. э.³

Керамика из погребений и насыпи Пиксясинских курганов характеризуется следующими признаками. Вся посуда была только лепная. В курганах 1 и 3 найдены острорезные больших размеров горшки, шейка которых украшена крупнозубчатым и нарезным орнаментом в виде косых линий и зигзагов (рис. 29). В курганах 2 и 3 обнаружены крупные вазообразные или баночного типа горшки, на одном из которых (из кургана 2) орнамент был нанесен в виде беспорядочно перекрещивающихся линий.

Обломки горшков из насыпей курганов относятся к той же группе керамики по материалу, технике, форме и орнаменту.

В целом посуда типична для срубно-хвалынской культуры эпохи бронзы и имеет широкое распространение в памятниках, относящихся к этой культуре в Западном Поволжье. Наиболее близки Пиксясинским курганам как по керамике, так и по другим данным археологические памятники у с.с.: Марьевка, Зиновьевка, Старая Яксарка Пензенской области, Старый Чардым, Петровск, Аркадак, Саратов, Энгельс Саратовской области⁴.

В отношении датировки все указанные памятники не выходят за пределы последней четверти II тысячелетия до н. э. К этому же времени следует отнести и пиксясинскую группу курганов.

Население, оставившее эти курганы, а также и селище, расположенное по соседству, вело оседлый образ жизни (об этом свидетельствует землянка, открытая на селище). Люди жили здесь недолго, о чем можно заключить из того, что культурный слой селища незначителен. Число курганов не может свидетельствовать о долговременности жизни на поселении, так как умерших могли сюда принести и после переселения в другое место.

Следует указать, что в 5—6 км от Пиксясей у с. Сабанчеево в 1893 г. был найден клад бронзовых вещей, состоящий из шейной гривны, головной булавки, трех кельтов сейминского типа, втульчатого наконечника копья с прорезными крыльями, обломков двух ножей, кинжала и серпа. Видимо, там также было расположено селище бронзовой эпохи, пока не открытое, население которого могло быть связано с населением Пиксясинского селища, так как вещи Сабанчеевского клада датируются тем же временем. Следовательно, сабанчеевцы также могли хоронить своих умерших на Пиксясинском поле.

¹ Н. Я. Мерперт. Курганы эпохи бронзы у села Ягодного. — КСИИМК, вып. XLIV, 1952.

² И. В. Синицын. Поселения эпохи бронзы. — СА, XI, стр. 211.

³ Материалы Саратовского областного музея.

⁴ Там же.

Несколько странным является отсутствие в Пиксясинских курганах вещей из бронзы, тем более, что очень недалеко найден богатый клад того же времени. Но не следует забывать, что в погребениях, относящихся к срубно-хвалынской культуре, отсутствие вещей из бронзы довольно частое явление.

Мы представляем себе небольшую патриархально-родовую общину. Единообразие в похоронном обряде позволяет судить о твердо соблюдавшейся традиции похоронного ритуала. Очень важно отметить одну и

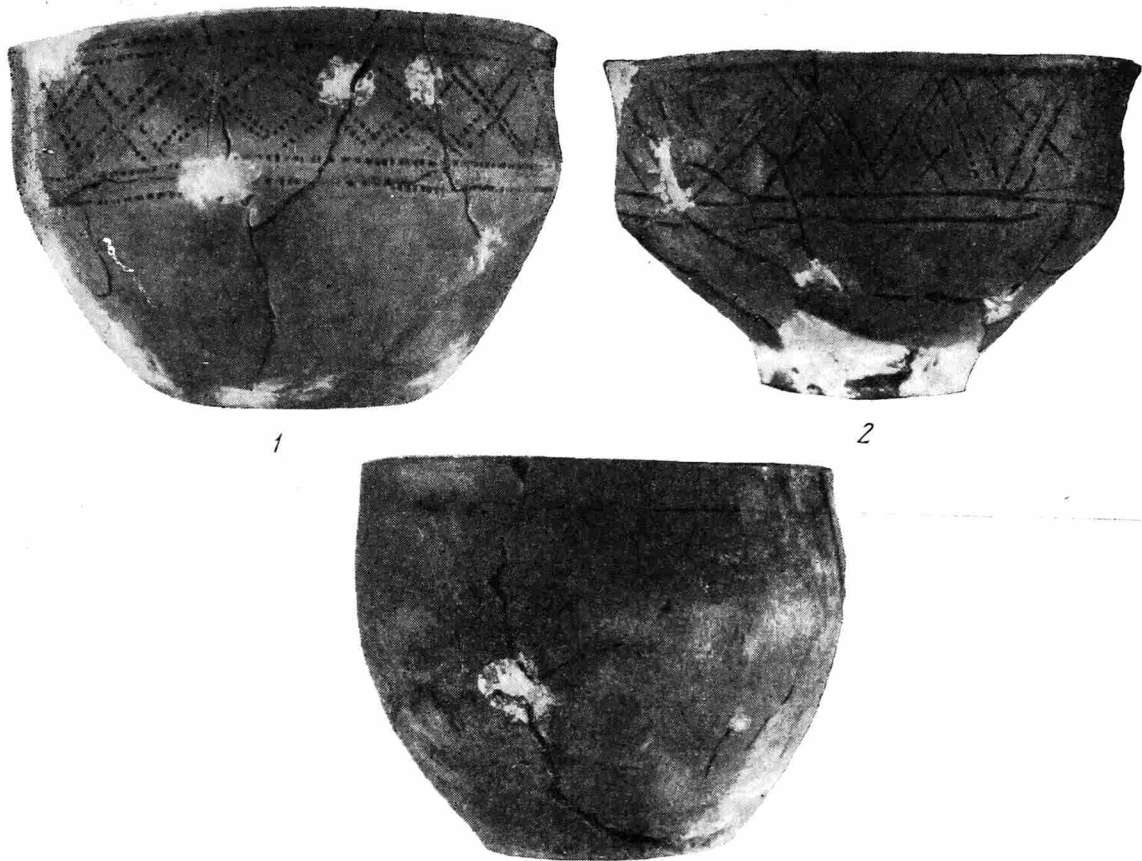

Рис. 29. Глиняные горшки из курганов у с. Пиксяси:

1 — из кургана 1; 2, 3 — из кургана 3.

ту же ориентировку землянки на селище и могил в курганах. Погребальные сооружения для женщин устраивались того же типа, что и для мужчин.

Основным занятием этой группы населения было скотоводство, сочетавшееся с охотой, рыболовством и, может быть, земледелием. В курганах и в культурном слое селища найдено большое количество костей домашних животных, а кроме того, рог лося, кости рыбы и птицы. В состав стада входили корова, лошадь, овца, свинья. Кости животных встречены в раздробленном виде, а на селище многие обожжены.

О возможности занятия земледелием мы говорим потому, что среди вещей Сабанчеевского клада оказался обломок бронзового серпа. Земледелие же у племен-носителей срубно-хвалынской культуры в других местах было довольно обычным явлением.

Раскопки Пиксясинских курганов и открытие в них погребений, относящихся к срубно-хвалынской культуре эпохи бронзы, важны не только

потому, что позволяют передвинуть границу распространения племен, населявших территорию между Сурой и Окой значительно дальше к северу, но потому, что ставят проблему связей и взаимоотношений этих племен с племенами фатьяновской культуры. Дело в том, что до ближайших поселений фатьяновской культуры — Ош Пандо и Ашна Пандо — от с. Пиксяси и Сабанчеева всего 25—30 км.

Если эти племена жили по соседству и одновременно, то должны быть установлены следы взаимовлияния, что могут обнаружить дальнейшие исследования.

Раскопки Пиксясинских курганов дали интересный материал для решения проблемы этногенеза народов Поволжья.

Р. Б. АХМЕРОВ

ПАМЯТНИКИ СРУБНО-ХВАЛЫНСКОЙ КУЛЬТУРЫ В БАШКИРИИ

В настоящее время на территории Башкирии известно уже довольно большое количество памятников срубно-хвалынской культуры, но сводной работы о них в археологической литературе еще не появлялось. Задачей данной статьи и является публикация сводки открытых в Башкирии памятников этого периода.

Ново-Ибракаевское селище. Селище открыто в 1950 г. при земляных работах. Рабочими было собрано несколько бронзовых орудий¹. Расположено селище на левом берегу р. Стерли, на мысу, образованном поймой реки и оврагом Аканай, близ дер. Новый Ибракай Стерлибашевского района (рис. 30). По своему географическому положению район относится к степной полосе.

При помощи заложенных на сохранившейся части селища шурфов удалось установить, что земляными работами были разрушены полуземлянки, насыщенные многочисленными остатками материальной культуры эпохи бронзы. В настоящее время трудно говорить о количестве и форме разрушенных полуземлянок и о размере самого селища. По зачисткам на протяжении 35—40 м прослежен культурный слой мощностью 0,25—0,60 м, залегавший под дерновым слоем толщиной 0,3—0,5 м.

Насыщенность культурного слоя керамикой и другими находками по мере углубления увеличивается. Кроме керамики, в слое много костей животных, вкрапления угля, золы и т. д.

По словам рабочих, бронзовые орудия найдены в одном месте. Среди них было 11 серпов, из которых удалось собрать только шесть (рис. 31—1). Все они однотипны: массивные, крюкастые. Длина их 32,5—34 см, ширина лезвия 4,5—6 см. Концы заострены проковкой и, возможно, заточкой. Кроме серпов, из бронзовых орудий обнаружены литой массивный вислобушный топор с овально-удлиненной втулкой и долотовидным прямым лезвием (рис. 31—2) и литое массивное долото с острой рабочей частью и несомкнутой овальной втулкой (рис. 31—3). Высота топора 20 см, длина втулки 6,5 см. Такие массивные топоры, вероятно, использовались при добыче руды как отбойники или кирки, но могли употребляться и для других целей. Длина долота 11,2 см, ширина лезвия 3,6 см, ширина втулки 3,3 см. Этот предмет мог служить инструментом для обработки дерева, а в земледелии в качестве мотыги. Бронзовые орудия с Ново-Ибракаевского селища,

¹ За сообщение об этих находках приносим благодарность председателю Стерлибашевского сельсовета т. Галееву. Место находок обследовано автором данной статьи совместно с М. Х. Рахматулиным.

если не из чистой меди по своему составу, то лишь с незначительным включением примесей других металлов.

Аналогичные орудия обнаружены во многих местах Южного Урала, Поволжья и Северного Казахстана. Почти такой же клад бронзовых орудий был найден в Башкирии в 1872 г. в 7 км северо-западнее г. Уфы, в 3 км от с. Миловки, на берегу оз. Лазоревского. Там обнаружено шесть бронзовых крюкастых серпов, вислообушный топор и долото. Нам неизвестны

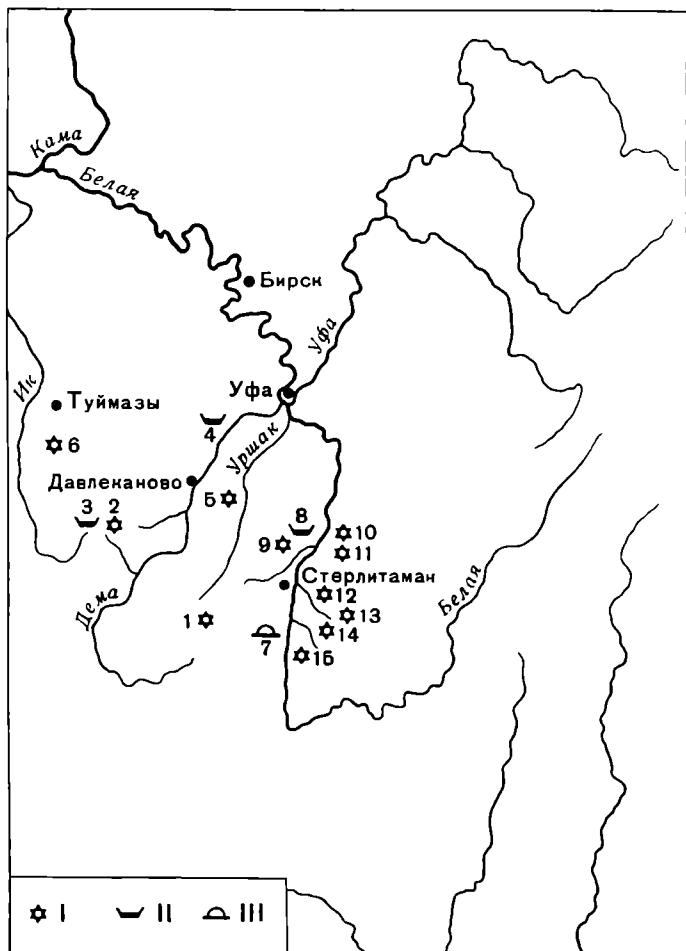

Рис. 30. Карта распространения памятников срубно-хвалынской культуры в Башкирии:

I — селища; II — могильники; III — курганы;

1 — селище Н. Ибракай; 2 — Чубук-Каранское селище; 3 — Чубук-Каранский могильник; 4 — Ябалакынский могильник; 5 — селище Н. Яныбеково; 6 — селище Самсык; 7 — курган Кашкара; 8 — могильник Куганак; 9 — селище Куганак; 10 — селище Черкассы; 11 — селище Урняк; 12 — селище Ахмерово; 13 — селище Салихово; 14 — селище Юлдашево; 15 — селище Кургашлы

вали двум видам культуры бронзовой эпохи.

Интересны подобранные нами фрагменты двух ступок из песчаника. Одна из них в виде неправильного четырехугольника, толстостенная, массивная, с круглым углублением в середине; поверхность углубления гладкая. Ширина 25 см, толщина 14 см, длина обломанной стороны 17 см, верхний диаметр углубления 17 см, глубина 10 см. От второй ступки сохранился только фрагмент нижней части с плоским наружным дном и с углуб-

формы топора и долота Миловского клада, но серпы одинаковы с ибракаевскими. Аналогичные ибракаевским серпы и формочки для отливки их найдены в пос. Н. Красноярке Бугурусланского района Чкаловской области¹. Вислообушный топор однотипный с ибракаевским, но небольшого размера, обнаружен на р. Янгез в Чкаловской области². Следует отметить, что вислообушные топоры ибракаевского типа являлись как бы прототипами железных клевцов и боевых топоров ранней железной эпохи Приуралья и Прикамья.

Вислообушные топоры, найденные в г. Бирске (Башкирия), на р. Малый Черемшан (Татария), на Горбуновском торфянике (Свердловская область) и др. отличаются по форме от ибракаевских, что объясняется, вероятно, происхождением орудий из двух центров древней металлургии, существовавших самостоятельно на Среднем Урале и в Прикамье, с одной стороны, на Южном Урале и в Нижнем Поволжье — с другой. Очень возможно, что эти два очага металлургии соответство-

¹ Вещи хранятся в Бугурусланском краеведческом музее.

² Топор хранится в Чкаловском краеведческом музее.

Рис. 31. Бронзовые орудия Ибракаевского селища и каменный топор из Туймазинского района:

1 — серпы; 2 — топор; 3 — долото; 4 — каменный топор.

лением сверху и середине. Поверхность углубления неровная. Там же найден пест из крупнозернистого песчаника. Нижняя, рабочая часть песта поломана, а сверху с одной стороны имеются желобчатые продольные углубления для пальцев. Высота сохранившейся части песта 13 см, поперечный диаметр 10 см.

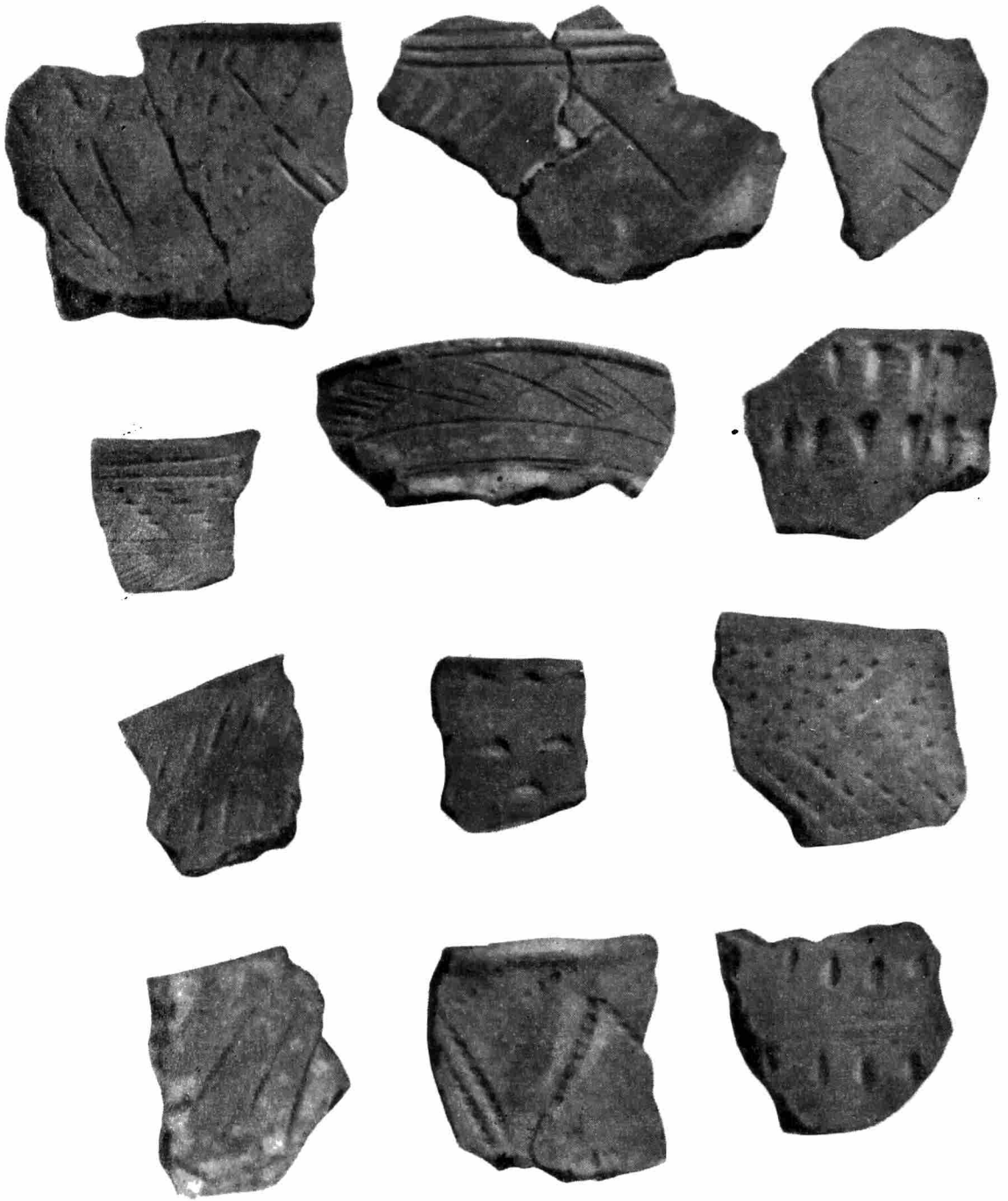

Рис. 32. Керамика Ибракаевского селища.

Все эти предметы — серпы, ступки и др. — свидетельствуют о существовании в то время мотыжного земледелия. Благоприятные климатические условия и тучный чернозем этого района способствовали возникновению земледелия с древнейших времен.

Сосуды, судя по найденным на селище фрагментам, — лепные толсто-стенные плоскодонные с хорошо сглаженной поверхностью. Глина светлосе-

рая или темносерая, с примесью песка или с включением каких-то белых частиц. В составе глины иногда встречаются довольно крупные речные гальки. Некоторые фрагменты со следами лощения. Сосуды были различной величины, разного назначения, украшались различным орнаментом; встречались и неорнаментированные. Чаще всего орнамент наносился зубчатым штампом, реже состоял из сочетания резных линий, например, из елочки, больших и малых зигзагов, косых или прямых штрихов и др. (рис. 32). Зубчатый чекан иногда нанесен в виде мелких треугольников или семечковидных вдавлений. Встречаются полуовальные вдавления, клеточки, круговые линии, всевозможные комбинации резных линий и косых зарубок. Формы сосудов Ново-Ибракаевского селища и орнаментация их почти совпадают с формами и орнаментами сосудов, относящихся к срубно-хвалынской культуре Нижнего Поволжья. Особенно близка аналогия между керамическими материалами Ново-Ибракаевского и Покровского селищ; последнее расположено близ устья р. Саратовки, левого притока Волги¹. Некоторые фрагменты сосудов Покровского и Ибракаевского селищ по орнаментации совпадают полностью; и там и здесь узор состоит из геометрических фигур — углов, треугольников и ромбов или из ряда коротких косых и параллельных линий.

На селище собраны кости различных животных²: крупного рогатого скота (14 шт.), лошади (5 шт.), мелкого рогатого скота (4 шт.), свиньи (1 шт.), хомяка (1 шт.), большого суслика (1 шт.). Таким образом, представители дикой фауны отсутствуют, если не считать грызунов — хомяка и суслика, очевидно, проникших в культурный слой в более позднее время.

Анализ костного материала позволяет сделать вывод, что одним из основных видов занятий населения, наряду с земледелием, было скотоводство. Охота и рыболовство играли сравнительно незначительную роль. Поэтому памятники ибракаевского типа надо рассматривать как поселения оседлых жителей, что подтверждается и толщиной культурного слоя.

На правом берегу р. Стерли, недалеко от селища, есть и курганы, насыпи которых едва выступают в виде небольших бугорков на склоне возвышенности. Не исключено, что среди них могут быть и курганы эпохи бронзы, одновременные с поселением.

Чубук-Каранский могильник. Могильник расположен близ дер. Чубук-Каран Бижбулякского района, в обширной котловине, со всех сторон окруженной невысокими горами, местами покрытыми мелким лиственным лесом. По дну котловины протекает небольшая речка Слак, берега которой густо поросли мелкокошаром и кустарниками. Древнее поселение находится на более отлогом правом берегу этой речки. В 1938 г. на могильнике и поселении были произведены раскопки сотрудником краеведческого музея М. И. Касьяновым. Результаты работ не опубликованы, не сохранилось и отчета о раскопках, за исключением отдельных частей полевого дневника покойного М. И. Касьянова. На раскопанном участке могильника обнаружены остатки восьми погребений.

Погребение 1. Сохранилось частично. От костяка уцелели ребра, обнаруженные на глубине 0,72—0,90 м. Очертания могилы слабо выявлены, удалось установить лишь размер ее: длина 0,7, ширина 0,7 м³. Костяк ориентирован головой на юг. У головы лежал раздавленный горшок баночной формы, без орнамента. Диаметр сосуда по венчику 13 см, высота 11 см.

¹ Т. М. Минаева. Керамика Покровского селища. — «Тр. секции археологии РАНИОН», вып. IV. М., 1929.

² Определение костей произведено И. М. Громовым, ст. научн. сотрудником Зоологического института АН СССР.

³ Повидимому, М. И. Касьянов раскопал ту часть могильника, где были похоронены дети и подростки, что подтверждается небольшими размерами могильных ям.

Погребение 2. Судя по неясным очертаниям, длина могилы не превышала 0,9 м, ширина — 0,5 м. Костяк не сохранился, но по некоторым признакам можно думать, что он лежал головой на северо-восток. На глубине 0,75 м обнаружен горшок баночной формы, диаметром по венчику 10 см и высотой 5,5 см. На уровне древнего горизонта, как и в первом погребении, прослеживались прослойки материкового песка — очевидно, выброс из могилы. Возможно, что в погребальном сооружении применялся камень, так как над могильным пятном на глубине 0,45 м лежали известняковые плиты ($40 \times 23 \times 3$ см и $60 \times 45 \times 5$ см) и камни. К сожалению, установить какой-либо порядок в их расположении не удалось.

Погребение 3. Обнаружено на глубине 0,88 м, вероятно, тоже в грунтовой яме, обложенной сверху тремя известняковыми плитами. От скелета сохранились остатки черепной коробки, ребра, кости ног и др. Рядом были два сосуда, один из них (диаметр 15,5 см, высота 11 см) лежал на боку, другой (диаметр 10 см, высота 5,5 см) стоял.

Погребение 4. Могильная яма находилась в слое гумуса, длина ее 0,95 м, ширина 0,5 м, глубина около 0,7 м. Сверху она была прикрыта двумя известняковыми плитами ($90 \times 62 \times 8$ см и $55 \times 34 \times 3,5$ см). Костяк сохранился плохо. Рядом с ним находились два глиняных сосуда, один (диаметр 12, высота 9,5 см) был раздавлен. Диаметр второго 9 см, высота 6 см.

Погребение 5. Могильная яма не выявлена. Погребенный, судя по остаткам плохо сохранившегося костяка, лежал на левом боку, в скорченном положении, головой на северо-восток, на глубине 0,94—0,97 м. Могила была прикрыта известняковой плитой ($1,6 \text{ м} \times 55 \text{ см} \times 10,5 \text{ см}$), лежавшей на глубине 0,46 м от поверхности, в слое чернозема. Под плитой в могильнике обнаружены ребро животного (коровы?) и два горшка (один из них диаметром 12 см, высотой 9,5 см).

Погребение 6. Под большой известняковой плитой ($95 \times 70 \times 9$ см), лежавшей на глубине 0,5 м, прослежено пятно могильной ямы длиной около 0,85 м, шириной 0,6 м. Костяк плохой сохранности лежал на глубине 0,86 м, головой на северо-восток. При погребенном были два небольших сосуда без орнамента (диаметр одного из них 14 см, высота 8,5 см).

Погребение 7. Длина могилы 1,2 м, ширина 0,65 м, глубина около 0,65 м. Костяк плохой сохранности со сплюснутым черепом лежал на левом боку, ноги подогнуты, голова на северо-запад, лицо на восток. При погребенном было два сосуда; кроме того, в засыпке могилы встречены отдельные черепки и костяной остроконечник (длиной 11 см), названный М. И. Касьяновым мотыгой. Один из сосудов имеет вид чаши (диаметр 10 см, высота 7 см), другой (диаметр 9,5 см, высота 5,5 см) был раздавлен.

Погребение 8. Яма не прослеживается в грунте. Костяк сравнительно хорошей сохранности лежал скорченно на левом боку, головой на северо-запад, на глубине 1,12 м. При нем обнаружены два горшка, один без орнамента (диаметр 19 см, высота 17 см), другой баночной формы, с орнаментом по краю (диаметр 12 см, высота 11,5 см).

В некоторых погребениях под костяками прослеживалась песчаная подсыпка.

Таким образом, несмотря на плохую сохранность костяков и плохо различимые могильные ямы, довольно хорошо прослеживается весь обряд погребения. Захоронение производилось в ямах глубиной от 0,82 до 1,12 м, которые иногда прикрывались каменными плитами. Умерших клали на левый бок, в скорченном положении, с подогнутыми ногами, кисти согнутых рук находились у лица. Ориентировка, судя по раскопанным могилам, была тоже довольно устойчивой — на северо-запад или северо-восток, лишь один костяк лежал головой на юг. У головы погребенных, с лицевой стороны, ставились обычно два сосуда. Возможно, что в могилу клали и куски мяса, о чем свидетельствует находка ребра животного в погребении 5.

Установить наличие над могилами курганных насыпей сейчас не представляется возможным. Что касается известняковых плит, то можно полагать, что они покрывали небольшую погребальную камеру или яму, засыпанную впоследствии рыхлой почвой. Если такое предположение правдоподобно, то можно установить аналогию в обрядах между Чубук-Каранским могильником и другими могильниками срубной культуры Поволжья. Разница между ними заключается лишь в том, что там захоронение производилось в срубках, а здесь срубы заменены известняковыми плитами, так как перевозка сюда бревен сопряжена с большими трудностями, нежели добыча известняка на месте.

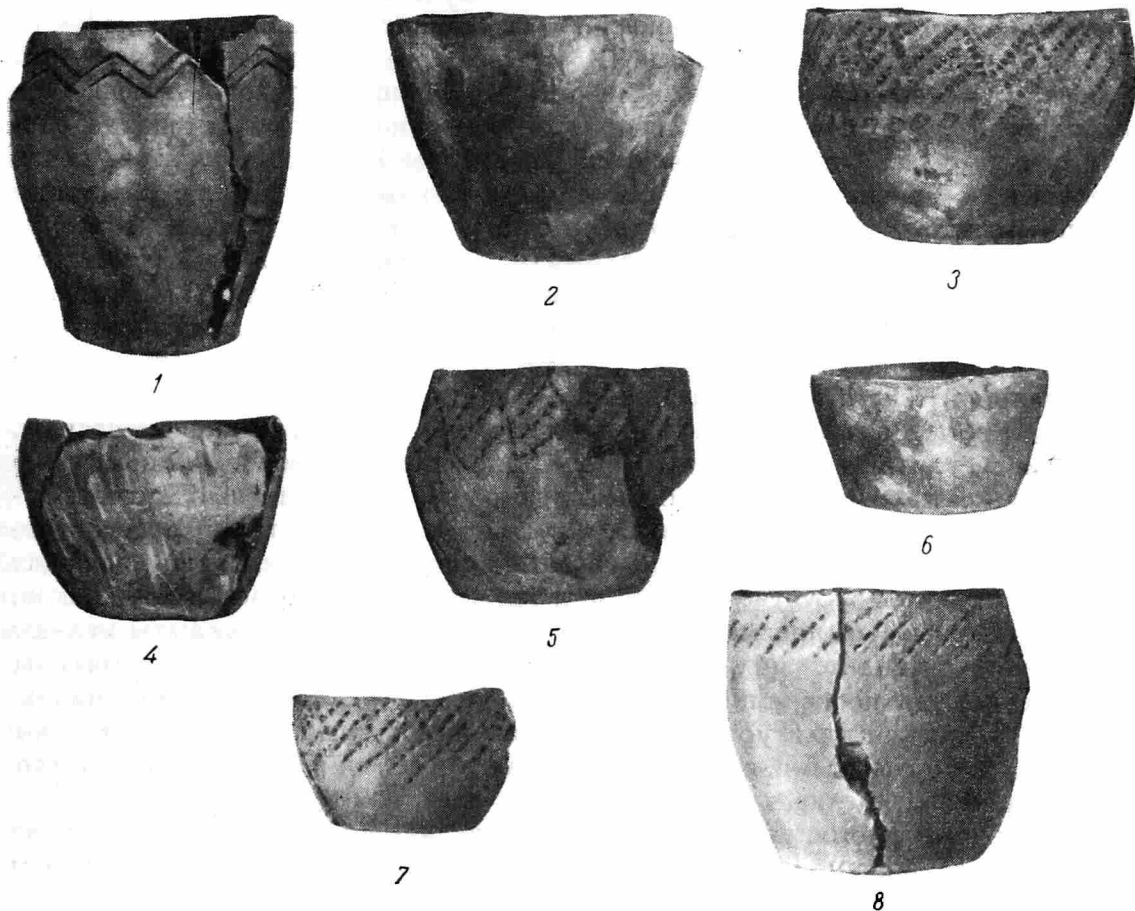

Рис. 33. Глиняные сосуды эпохи бронзы из Башкирии:

1—6 — из Чубук-Каранского могильника; 7—8 — из Ябалакмынского могильника.

Как видно из изложенного, погребения по инвентарю очень бедны. В них найдены лишь глиняные горшки, кости животных (быть может, не все они собраны Касьяновым) и единственный предмет — костяной остроконечник. Бронзовые предметы совершенно отсутствуют. Имущественного различия не наблюдается.

Глиняные сосуды, найденные в погребениях, по формам можно разбить на три группы. К первой мы относим сосуды баночной формы со сравнительно узким и высоким туловом, с постепенным расширением стенки кверху (рис. 33 — 1). Ко второй относятся низкие толстостенные горшки различной величины, орнаментированные и не орнаментированные (рис. 33 — 2-5). К третьей группе можно отнести чашкообразные сосуды (рис. 33 — 6, 7).

Сосуды Чубук-Каранского могильника вылеплены из темносерой глины с примесью известняковых частиц и реже песка. Обжиг слабый, черепок в изломе трехцветный.

Могильник у дер. Ябалаклы. В восточном конце дер. Ябалаклы Чишминского района, на левом берегу р. Демы, в обресе оврага, на глубине 1,2 м было обнаружено древнее погребение. Костяк лежал в скорченном положении. В могиле найден глиняный сосуд баночной формы с орнаментом в виде наклонных штрихов по верхнему краю, нанесенных зубчатым штампом (рис. 33—8). Высота сосуда 12,5 см, диаметр дна 10 см, диаметр верхнего края 13 см. По форме, составу глины и по орнаменту сосуд однотипен с сосудами Чубук-Каранского могильника, что ставит могильник у дер. Ябалаклы в ряд памятников срубно-хвалынской культуры.

Селище у дер. Н. Яныбеково. О его наличии можно судить лишь по керамическому материалу, собранному около дер. Ново-Яныбеково Давлеканского района и отнесенному А. В. Шмидтом к эпохе бронзы¹.

Селище у пос. Самсык. В 1949 г. при земляных работах у пос. Самсык Туймазинского района было открыто селище бронзовой эпохи. Оно расположено на юго-восточном склоне возвышенности, при истоке небольшой речки. Здесь часто встречаются фрагменты глиняных сосудов, кости животных и другие предметы. На селище обнаружены следы землянки с мощным культурным слоем. Судя по отпечаткам тонких бревен на кусках земляной обмазки, можно предположить, что жилище имело столбовую плетневую конструкцию стен, обмазывавшихся глиной. Культурный слой простирается на значительную территорию и выделяется более темным, черным цветом. В слое встречены кости животных; на костях заметны следы пребывания в огне и следы частичной обработки. Некоторые кости бледно-зеленого цвета, быть может, под влиянием медной окиси. Глиняные сосуды, как можно судить по фрагментам, были толстостенные, сероглиняные, с незначительной примесью в тесте белых, возможно, известняковых частиц. Сосуды, очевидно, различной величины и формы. Орнаментация сосудов состоит из коротких и удлиненных зигзагообразных и наклонных врезных линий, нанесенных зубчатым штампом, а также из ямок, овалов и кружочков, выполненных острым предметом. Стенки некоторых сосудов покрыты мелким рифлением, очевидно, являющимся результатом сглаживания зубчатым предметом. Судя по керамике, селище у Самсыка относится к памятникам срубно-хвалынской культуры. Даже по имеющимся скудным данным можно полагать, что основными занятиями жителей поселения были скотоводство и мотыжное земледелие.

Необходимо упомянуть и о находках двух каменных топоров в том же Туймазинском районе, где расположено селище. Об одном из них мы знаем лишь из краткого сообщения Б. А. Коишевского², не дающего представления о форме орудия. Второй топор-молот найден в 1951 г. учащимися Верхне-Бишындыкской средней школы около горы Бишындык. Топор сделан из темносерого плотного камня, тщательно отполирован, имеет сквозное отверстие для рукоятки (рис. 31—4). Сверление производилось с обеих сторон. Общая высота топора 13,6 см, длина отверстия 4,5 см, ширина лезвия 4,5 см, диаметр верхнего края молота 4 см.

Кроме топоров, найденных в Туймазинском районе, сверленные каменные топоры обнаружены в Бижбулякском и Архангельском районах Башкирии. Каменный топор из Архангельского района однотипен с туймазинским, но несколько меньших размеров.

Различные памятники срубно-хвалынского типа. К памятникам срубно-хвалынского типа следует отнести и курганы, расположенные в 1,5 км к северо-востоку от станции Ишимбаево и в 0,5 км к северо-

¹ А. В. Шмидт. Археологические изыскания Башкирской экспедиции Академии Наук. Уфа, 1929, стр. 4.

² Б. А. Коишевский. Итоги археологического изучения Башкирской АССР. — «Историко-археол. сб. научно-иссл. ин-та краеведения и музейной работы». М., 1948, стр. 165.

востоку от хут. Кашкара. Три из них в 1934 г. были исследованы П. А. Дмитриевым и К. В. Сальниковым¹.

В 3 км севернее с. Красный Яр и в 1 км от с. Б. Куганак в высоком обрыве надпойменной террасы р. Белой обнаружены два полуразрушенных погребения: одно — детское, второе — взрослого человека². Скелеты в обоих погребениях находились в скорченном положении, головой на запад, с небольшим отклонением на юг. Глубина захоронения около 1 м в черноземе, с некоторым углублением в грунтовую глину. К северу от черепа стояла половина неорнаментированного глиняного сосуда с несколько выступающим краем дна. По типу сосуд приближается к керамике позднихвалынских погребений Среднего Поволжья.

Разведочным отрядом В. П. Викторова и Л. Н. Ризева, входившего в состав археологической экспедиции К. В. Сальникова в 1951 г., на правом берегу р. Куганак, в 3—4 км от Баланбаш, обнаружено селище бронзовой эпохи. Здесь произведена зачистка берега на протяжении 20 м. В северной части зачистки намечается углубление в грунте длиной по обрыву 6 м, остатки ям менее четких очертаний выявились и в южной части. Углубления, повидимому, можно считать следами жилищ-полуземлянок. При зачистке обрыва найдено 85 черепков и несколько костей животных. Керамика отличается грубостью и простотой орнамента, нанесенного небрежно гребенчатым штампом вдоль верхнего края сосуда. Элементы орнамента и форма сосудов, а также состав глины типичны для срубно-хвалынской культуры и аналогичны керамике Ново-Ибракаевского селища.

На р. Куганак, у с. Черкасы, тем же отрядом выявлено еще одно селище срубно-хвалынского времени.

В. П. Викторов в 1952 г. продолжал разведки по р. Белой в Макаровском и Воскресенском районах Башкирии. И в этих, более южных районах обнаружены памятники срубно-хвалынского типа. По предварительным данным, к ним относятся: в Макаровском районе — селище Куш-тау южное, на берегу р. Селеук, правом притоке р. Белой, и селища Ахмерово I, Ахмерово II, Салихово I, Канакаево; в Воскресенском районе — селище на берегу р. Кургашла, правом притоке р. Белой, селища Юлдашево I, Кургашла, Юмакаево и др.

Таков краткий перечень известных нам памятников срубно-хвалынской культуры в Башкирии. Надо полагать, что они составляют лишь небольшую часть памятников этого типа в пределах республики.

По своему территориальному расположению Башкирская АССР занимает ту часть Южного Урала, где сходятся различные естественно-географические зоны. Центральная часть ее характеризуется нагорно-лесным ландшафтом; с запада, юга и востока лежит полоса предгорной степи.

Районы распространения археологических памятников в пределах республики до некоторой степени соответствуют перечисленным естественно-географическим зонам. В западной и юго-западной частях Башкирии, начиная от р. Белой, встречаются главным образом памятники срубно-хвалынской культуры. Они являются как бы продолжением на восток основного ареала срубно-хвалынских памятников Нижнего Поволжья. Из северо-западных районов Башкирии пока известен только один горшок срубно-хвалынского типа из кургана близ г. Бирска. Из юго-восточных районов известны два таких горшка, найденных на б. Гадельшинском прииске Баймакского района.

В восточной, зауральской Башкирии, а также в юго-восточной ее части преобладают памятники, относящиеся к андроновской культуре.

Южные районы, где Уральские горы, постепенно снижаясь, сливаются с Оренбургской степью, очевидно, являются зонами соприкосновения и

¹ «Археологические исследования в РСФСР». М., 1941, стр. 142.

² Там же, стр. 144.

скрещивания срубно-хвалынской культуры Поволжья с андроновской Казахстана и Сибири. Это, конечно, не исключает возможности проникновения отдельных элементов этих культур и в другие районы Башкирии.

Несколько труднее определить культурный облик памятников северных, северо-западных и горных районов Башкирии, так как в археологическом отношении они почти не изучены. Только по косвенным данным можно полагать, что северные и отчасти северо-западные районы в эпоху бронзы входили в сферу влияний шигирской и прикамской культур. С. Н. Бибииков, исследовавший энеолитические остатки в пещерах нагорной полосы Южного Урала, отмечает: «Если сопоставить керамический комплекс, например, Левшинской стоянки с керамикой из 1-го слоя Бурановской пещеры, то, несмотря на ряд существенных различий в орнаментации и большую архаичность комплекса из Левшина, керамика все же определенно указывает на их культурно-историческое родство»¹. Кельты Дербенского клада и кельт из Илишевского района БАССР имеют сходство с кельтами сейминского типа². Следовательно, остатки материальной культуры северных и северо-западных районов Башкирии по типам стоят гораздо ближе к культурам Среднего Урала и Прикамья, нежели к южным культурам эпохи бронзы.

Следует еще указать на памятники абашевского типа в Башкирии. На Южном Урале, на стыке двух обширных культур, срубно-хвалынской и андроновской, выявлены памятники типа абашевской культуры Поволжья. К таким памятникам относятся селища: Мало-Кизыльское близ г. Магнитогорска и Баланбаш на берегу р. Белой в Стерлитамакском районе. Оба эти памятника стали достоянием науки благодаря археологическим исследованиям К. В. Сальникова.

Таким образом, Южный Урал являлся как бы узловым пунктом, где в древности соединялись нити различных культур и племен. Следовательно, исторические пути, историческое развитие древних племен в разных частях Башкирии были неодинаковы и истоки формирования башкирского народа еще в глубокой древности были весьма сложны.

¹ С. Н. Бибииков. Неолитические и энеолитические остатки культуры в пещерах Южного Урала. — СА, XIII, стр. 123.

² Р. Б. Ахмеров. Новые археологические находки в Башкирии. — КСИИМК, вып. XXXIX, 1951, стр. 124.

А. Е. АЛИХОВА

КУРГАНЫ ЭПОХИ БРОНЗЫ У с. КОМАРОВКИ

Третьим отрядом Куйбышевской экспедиции ИИМК АН СССР в 1952 г. раскопан чрезвычайно интересный курган, находящийся в курганной группе, расположенной на левом берегу р. Усы, к востоку от с. Комаровки, примерно в 2 км от реки. Здесь, повидимому, две слившиеся курганные группы — восточная и западная, соединенные отдельно стоящими курганами. Многие курганы, особенно в западной группе, отличаются большими размерами. В 1936 г. Г. П. Гроздилов раскопал три кургана из восточной группы. Все они оказались типичными для эпохи бронзы¹.

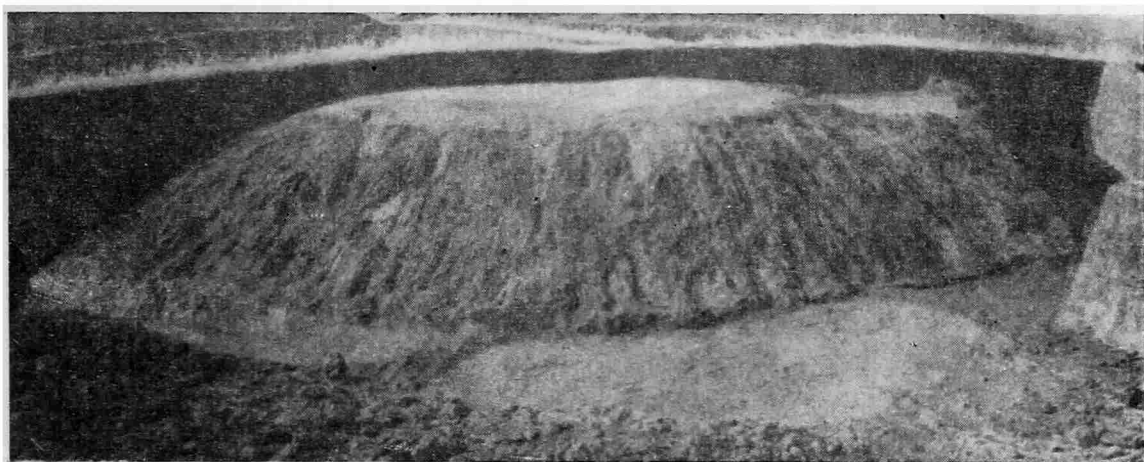

Рис. 34. Вид внутренней, облицованной бревнами насыпи кургана у с. Комаровки.

В 1952 г. вскрыт наиболее крупный, сильно оплывший курган полушарной формы, диаметром 30 м, высотой 1,6 м (курган 5). В нем обнаружены два одновременных захоронения: одно — эпохи бронзы, другое — раннего железа. К сожалению, основное погребение эпохи бронзы оказалось совершенно разрушенным и растащенным сурками и барсуками. В процессе раскопок выяснилось, что насыпь сооружалась в два приема: первоначально был насыпан небольшой курган диаметром 18 м и высотой около 1,3 м, боковые склоны которого были облицованы у основания бревнами толщиной 0,20—0,25 м и длиной до 3 м. Нижние концы бревен опирались на дерн у подножия насыпи, а верхние направлены к вершине кургана (рис. 34).

¹ Г. П. Гроздилов. Жигулевский массив. 1936 г. — «Археологические исследования в РСФСР в 1934—1936 гг.». М., 1941.

Верхние концы бревен прослеживались на глубине 0,35—0,60 м от современной поверхности, обрамляя площадку диаметром 12 м (рис. 35). В западной половине кургана бревна облицовки длиннее и плотно прилегали друг к другу, тогда как в восточной половине они местами лежали с перерывами и были частично обожжены с нижней стороны. Судя по всему

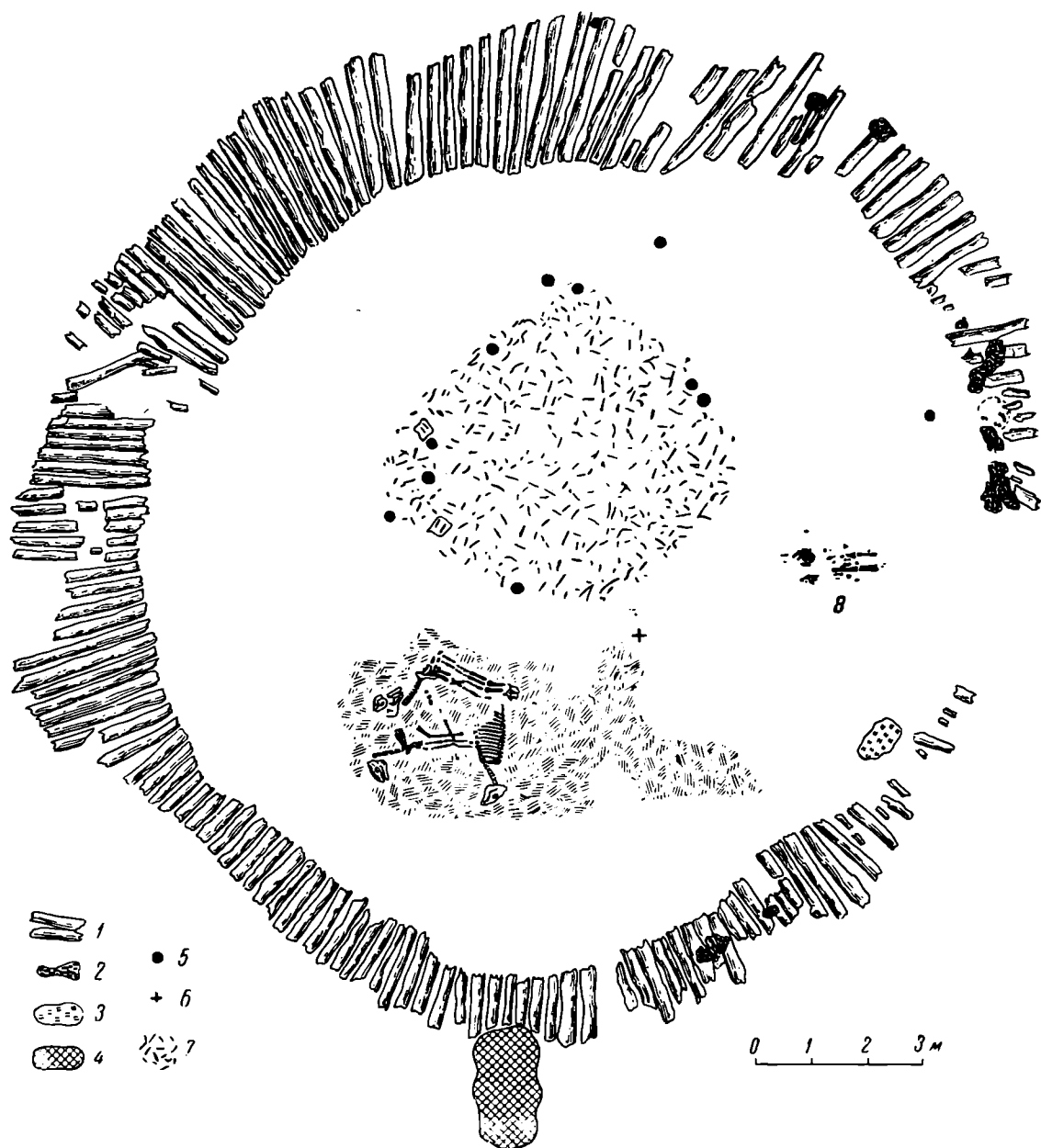

Рис. 35. План расположения бревен на внутренней насыпи кургана, конские захоронения, погребение савромата, следы разрушенной могилы основного захоронения и разбросанные человеческие кости.

1 — бревна, остатки щепы; 2 — угли и обгорелые бревна; 3 — обожженная земля; 4 — перекоп; 5 — кости человека; 6 — бронзовый нож; 7 — остатки дерева; 8 — погребение савромата.

в нескольких местах на склоне насыпи жгли костры, поверх которых и были положены бревна. Здесь же на уровне верхних концов бревен обнаружено скопление докрасна обожженной глины и земли.

В Среднем Поволжье подобная деревянная конструкция в насыпи кургана встречена впервые.

Нечто похожее прослежено близ м. Смелы на правом берегу р. Серебрянки в кургане 3¹. Там в насыпи кургана на глубине 1,4 м были открыты следы деревянной очень тонкой остроконечной крыши. Под ней на глубине 2 м обнаружен слой жженных костей, смешанных с остатками жженого дерева, углем и мелкими камнями. В числе костей найдены зубы и обломки челюсти лошади. Под слоем пережженных костей были видны следы второй деревянной остроконечной крыши, тоже чрезвычайно тонкой. Под ней встречен следующий слой обожженных костей, дерева и угля. Под этими сооружениями вскрыты четыре могилы глубиной 35 см. Умершие были положены скорченно, головой на запад и восток. Захоронения отличались чрезвычайной бедностью. В одном случае найден горшок и в двух — лишь отдельные черепки.

Для нас же особенно интересно нахождение в трех могилах зубов домашних животных — лошади, коровы и барана и здесь же череп хомяка.

В кургане на р. Серебрянке, помимо деревянного сооружения, следует отметить ряд элементов обряда, характерных и для Комаровского кургана. Во-первых, и там и здесь прослеживается применение огня при сооружении кургана, во-вторых, — наличие зубов лошади в насыпи и костей домашних животных в могиле и, в-третьих, — бедность могил глиняной посудой.

Остатки деревянной обкладки насыпи кургана встречены в Нижнем Поволжье в кургане (G-2) у с. Макаровка, на р. Карамыш. Там бревна, стоявшие наклонно в ряд, верхними концами опирались на бревна, положенные горизонтально. Это напоминает перекрытие крыши. К сожалению, раскопом обнаружена лишь часть сооружения².

В насыпи Комаровского кургана, на уровне верхних концов бревен обкладки, в северной и западной частях ее, найдены черепа и отдельные кости барсука, лисицы и белого хорька, а в южной части скопление угольков и рыбьих костей, выше которых на 10 см лежал небольшой округлый камень со следами сглаживания.

Преднамеренное помещение в насыпи перечисленных хищников можно было бы оспаривать, так как они часто являются обитателями древних курганов. Однако размещение костей заставляет в этом усомниться. Для наглядности приведем некоторые данные. В северной части кургана лежало несколько костей лисицы, растащенных позднее грызунами. Обращает на себя внимание находка рядом с ними конских волос. На расстоянии 2,5 м от этой группы найдены кости барсука. Вторую группу образуют кости, обнаруженные в западной части кургана. Здесь лежал скелет барсука без черепа и близ него — череп и кость конечности белого хорька. На расстоянии 1,5 м от них обнаружен череп барсука. В южной части кургана под деревянной облицовкой на древнем горизонте лежали рядом два черепа белых хорьков.

Если сравнить распределение по площади и по глубинам находки костей этих животных с найденными костями сурка, то получается следующее: кости хищников располагались по краю в пределах деревянного сооружения, кости сурка рассеяны по всей площади кургана и залегают ниже, на глубине 0,6—2,5 м. Это заставляет предположить, что находки костей этих животных нельзя объяснять во всех случаях гибелью их в кургане, часть из них, вероятно, была специально положена во время сооружения насыпи.

Подобные факты известны в нескольких случаях.

¹ А. Бобринский. Курганы и случайные находки близ местечка Смелы, т. I. СПб., 1887, стр. 32 и сл.

² И. В. Сиднев. Археологические раскопки на территории Нижнего Поволжья. — Уч. зап. СГУ, т. XVII, вып. исторический. Саратов, 1947, стр. 73, 74, рис. 46.

У подножья деревянного сооружения, на расстоянии 2—3 м от него с западной и северной сторон прослеживалась меловая подсыпка, охватывавшая его полукругом. Снаружи перед ней в пяти местах найдены отдельные зубы лошади. С юго-западной и юго-восточной сторон кургана на расстоянии 5 м от деревянной обкладки были положены два крупных камня (размером 50 × 30 и 75 × 25 см).

Поверх первоначальной насыпи с деревянной обкладкой был насыпан новый мощный пласт земли, почти вдвое увеличивший диаметр кургана.

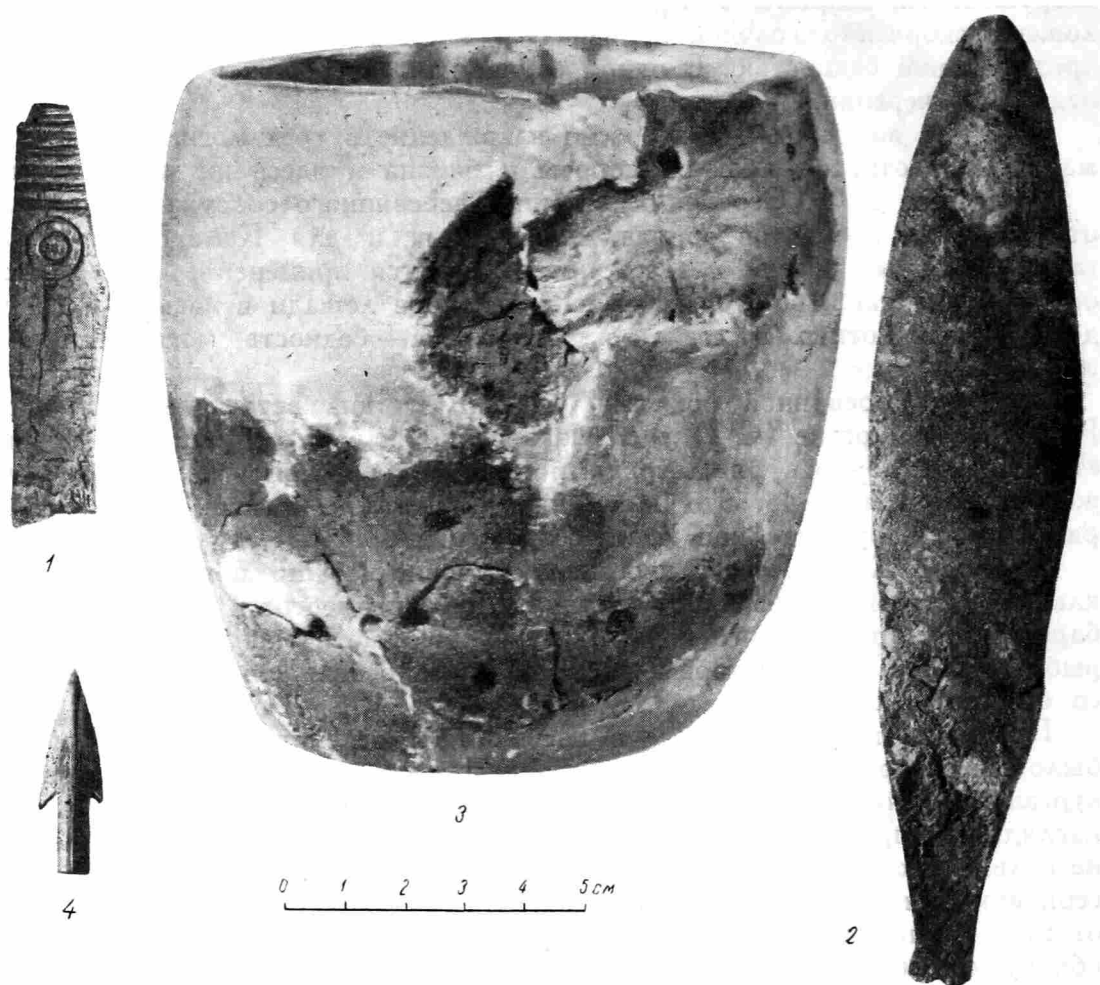

Рис. 36. Вещи из кургана 5 у с. Комаровки:

1 — обломок ручки ножа золотоордынского времени из насыпи кургана; 2 — бронзовый нож; 3 — сосуд из погребения савромата; 4 — наконечник стрелы из погребения савромата.

В этой внешней насыпи, кроме уже отмеченных зубов лошади и двух крупных камней, сделано лишь несколько находок. В западной поле на глубине 0,25 м лежал обломок костяной ручки ножа золотоордынского времени с нарезным и кружковым орнаментом (рис. 36—1), обломок ручки болгарского красноглиняного сосуда и маленький обломок сосуда эпохи бронзы (на глубине 0,8 м). В южной части, у внешнего края насыпи, в слое чернозема на глубине 1,6 м обнаружено разрушенное детское погребение, от которого сохранилась лишь кость голени. Близ этого места прослеживался перекоп подпрямоугольных очертаний, вытянутый с севера на юг и уходивший под бревна. Впоследствии выяснилось, что это была обширная и извилистая нора; на дне ее, на глубине 2,15 м обнаружена лопатка лошади.

В центральной насыпи, обрамленной бревнами, и в материке, помимо упомянутых костей хищников и сурков, встречены обломки костей человека (рис. 35) и домашних животных (зубы лошади, кости овцы) и несколько неопределимых обломков костей крупных животных. Они были сосредоточены преимущественно в том месте, где грунт сильно перерыт. Здесь, начиная с глубины 1 м и до 2,5 м, был участок, насыщенный измельченными остатками дерева, лежавшими в самых разнообразных направлениях. Среди них выделялись два сравнительно крупных куска, найденных на глубине 1,6 м (т. е. на границе насыпи) и лежавших взаимно перпендикулярно в северо-западном и юго-восточном направлениях. Они помещались на западной окраине участка и, по видимому, являются концами разрушенного деревянного перекрытия, опиравшегося на края могилы (см. рис. 35). В этом перекопе, начиная с поверхности и до 2 м глубины, встречались обломки человеческих костей.

Могила разрушена норами до такой степени, что не удалось проследить даже ее контуры.

Судя по тому, что ни разу не встречены дважды одни и те же кости, можно заключить, что здесь похоронен один человек. При нем, очевидно, был положен бронзовый нож (рис. 36—2), перемещенный грызунами и найденный в насыпи близ могилы на глубине 0,4 м. Умершего сопровождали два убитых коня, лежавшие к югу от могилы, прямо на поверхности земли. Кони были обращены ногами друг к другу и головами на юг. У лежащего к западу скелета коня отсутствовали ребра и грудные позвонки. Очевидно, они были растащены грызунами, так как неподалеку в трех местах на глубине от 1,2 до 2,15 м найдены ребра крупного животного.

Под конскими захоронениями прослеживался тонкий слой меловой подсыпки и щепы. У спины коня, обращенного ногами к востоку, были сложены грудкой череп коровы, череп теленка и череп овцы. Другой конь был взнуздан. Узда, очевидно, была ременная и поэтому от нее сохранились лишь оригинальной формы костяные псалии, лежавшие в углах рта (рис. 37). Псалии сделаны из трубчатой кости, расколотой пополам. Внутренние края их имели ряд зубцов (рис. 38—1). В центре псалия, сбоку и на одном из его концов проделаны отверстия для ремней (рис. 38—2, 3). Снаружи он был украшен резным орнаментом в виде зигзагов и небольшим валиком, отграничивающим суживающуюся часть. Некоторые черты конструктивного сходства с комаровскими псалиями можно указать в деталях уздечек оленя-манщика, известных в устьполуйской культуре Нижнего Приобья. Некоторые из них также изготовлены из расколотой пополам трубчатой кости и имеют с внутренней стороны ряд аналогичных зубцов¹.

Одной из основных особенностей комаровского уздечного набора является отсутствие жестких удил, что, возможно, указывает на первые попытки использования коня для верховой езды. Мягкая узда с роговыми псалиями встречена в Алтайском крае в раннем кочевническом захоронении VII—VI вв. до н. э.² М. П. Грязнов, анализируя памятники этого времени, отмечает как одну из характерных для них черт захоронение вместе с умершим его боевого коня и указывает на сравнительную бедность могил глиняной посудой³.

На территории Куйбышевской области применение узды с мягкими удилами в древности было, по видимому, довольно распространенным явлением

¹ В. И. Мошинская. Материальная культура Усть-Полуя. — МИА, № 35, стр. 81, табл. IV, рис. 6, 7.

² Г. П. Сосновский. Ойротская автономная область. 1936 г. — «Археологические исследования в РСФСР в 1934—1936 гг.». М.—Л., 1941.

³ М. П. Грязнов. Памятники майэмирского этапа эпохи ранних кочевников на Алтае. — КСИМК, вып. XVIII, 1947.

на определенном этапе. Помимо комаровских псалиев, об этом свидетельствует находка своеобразных псалиев в кургане у с. Ягодного¹.

Псалии с мягкими удилами встречены и в памятниках Саратовской области. И. В. Синецким в кургане близ с. Усатова (курган 5, погреб-

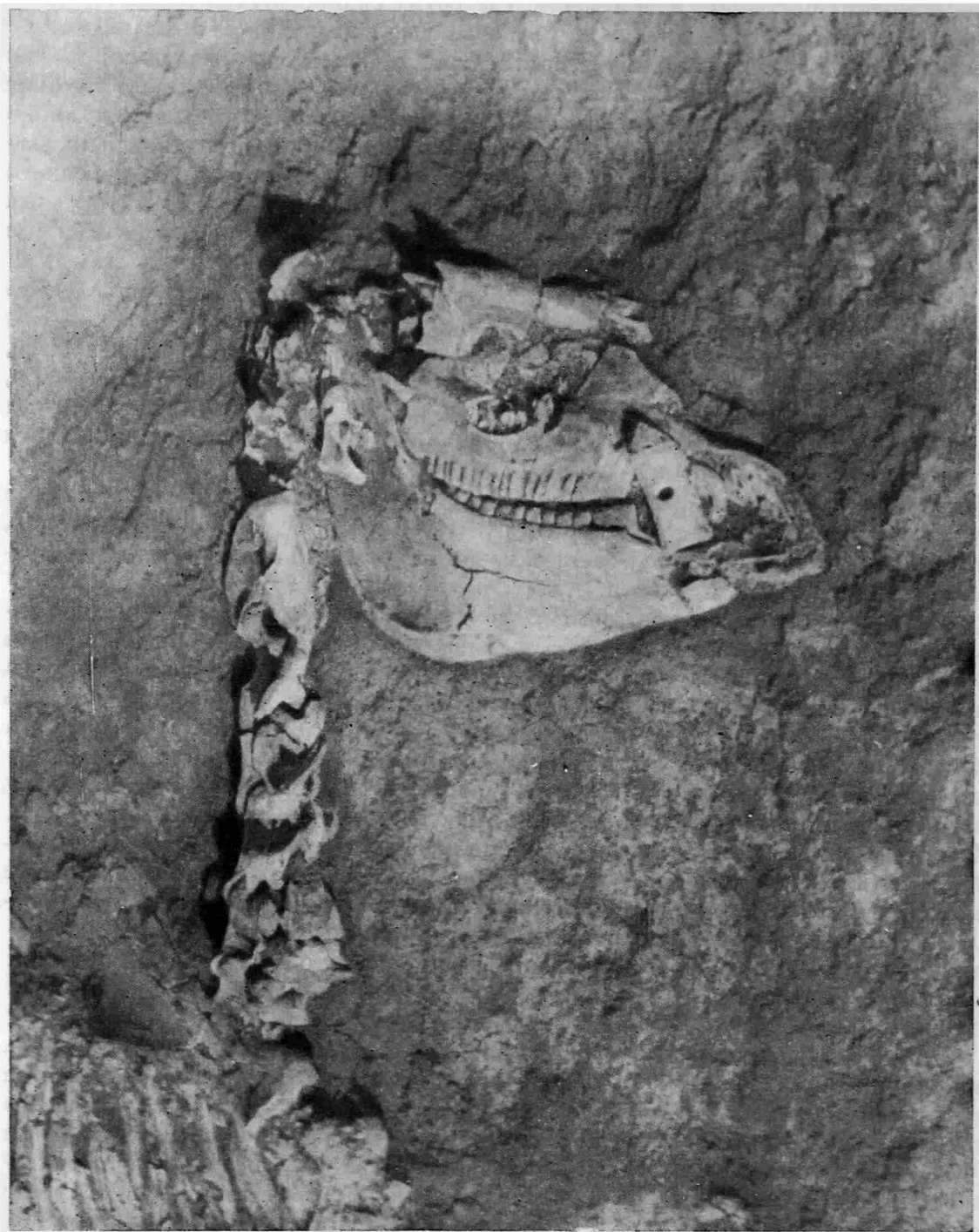

Рис. 37. Конский череп с псалием от уздечки.

ние 8) обнаружен тождественный комаровскому псалий². Отличие его от комаровского заключалось лишь в том, что верхний край был срезан прямо, а не углом. Это основное погребение кургана, сильно потревоженное, отли-

¹ Н. Я. Мерперт. Курганы эпохи бронзы у села Ягодного. —КСИИМК, вып. XLIV, 1952.

² И. В. Синецкий. Указ. соч., стр. 98, рис. 69 и табл. VI, рис. 4.

чалось от распространенных в Нижнем Поволжье захоронений эпохи бронзы и в некоторых чертах было сходно с комаровским. Во-первых, у западного края могилы, на поверхности выкида земли из могилы лежал череп лошади и рядом с ним обломок крупного глиняного сосуда с широкими бороздками на наружной поверхности. Следует заметить, что этот обломок был единственным в захоронении. Во-вторых, что для нас особенно интересно, это своеобразное устройство надмогильного сооружения: «могильная яма имела перекрытие в виде крыши, поддерживаемой деревянным столбом, поставленным посередине могильной ямы»¹. Судя по приложенному рисунку, можно предположить, что крыша была коническая. Это сооружение напоминает встреченное в кургане у с. Комаровки, которое, очевидно,

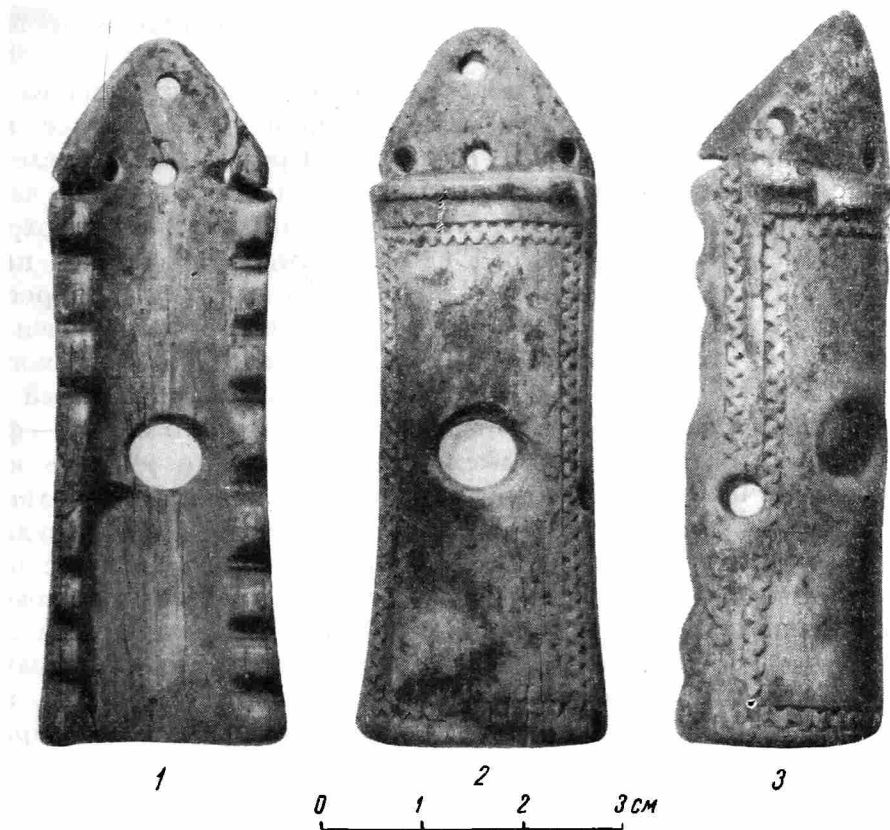

Рис. 38. Костяной псалий:

1 — вид с внутренней стороны; 2 — вид с наружной стороны; 3 — вид сбоку.

было прообразом подобного шалаша. Одной из особенностей Усатовского захоронения было положение скелета на спине, причем одна нога была согнута, другая вытянута. Все признаки, как отмечает И. В. Синицын, позволяют считать этот тип захоронения переходным от погребений эпохи бронзы к погребениям скифского времени. К сожалению, могила в Комаровском кургане разрушена, нет никаких данных о погребальном обряде, возможно, имевшем какие-либо специфические черты, которые помогли бы уточнить датировку памятника. Во всяком случае с датировкой, предложенной И. В. Синицыным, следует согласиться. Она подтверждается и на нашем материале некоторыми особенностями, встреченными в Комаровском кургане. Первая особенность — конские захоронения. Как известно, в курганах срубной культуры, на принадлежность к которой вскрытого нами погребения указывает находка бронзового ножа, кости лошади отсутствуют. Погребение коня в кургане — это не единичное здесь явление, а, повидимому,

¹ И. В. Синицын. Указ. соч., стр. 10.

устойчивый обряд. Напомним, что в одном из курганов, соседних с раскопанными нами, Г. П. Гроздиловым обнаружено погребение в срубе с накатником, к югу от которого на границе материка с насыпью лежали кости коня, сложенные кучей¹. Здесь мы видим почти полное совпадение с тем, что было прослежено в Комаровском кургане, за исключением расчлененности конского костяка. Напомним, что кости коня найдены также при раскопках в Усатове и Ягодном.

Второй особенностью, характерной для обоих Комаровских курганов, является отсутствие сосудов при погребениях, что, как отмечает О. А. Кривцова-Гракова, типично для поздних срубных захоронений. Это же явление свойственно и для Алтайских погребений VII—VI вв. до н. э., с которыми названные курганы сближает находка мягких удил с роговыми псалиями и конские захоронения.

Кроме основного погребения, в восточной половине кургана на глубине 25 см от современной поверхности обнаружено и более позднее впускное погребение, сильно потревоженное (рис. 35). Череп и кости скелета были сложены в одно место примерно там, где первоначально лежал череп, позвонки же оказались разбросанными. В нетронутом положении сохранились лишь кости голени и левое бедро. Судя по ним, костяк лежал на спине, в вытянутом положении, головой на запад. К югу от черепа разбросаны обломки грубого лепного сосуда (рис. 36—3), а севернее обнаружен бронзовый втульчатый трехлопастной наконечник стрелы скифского типа (рис. 36—4). В 0,5 м от левого бедра найден сильно разрушенный обломок железного предмета, похожего на нож, а справа от правого бедра — фрагмент деформированного железного предмета, напоминающего рукоять кинжала. В разных местах на уровне костяка встречены угольки и несколько выше над ним обломок каменного блюда. Для найденного здесь сосуда характерна чрезмерная грубость выработки. Он леплен из глины с примесью раковин; толстые шероховатые стенки со следами сглаживания поверхности зубчатым штампом украшены редкими глубокими ямками, расположенными по всей поверхности. Высота его 18 см, диаметр горла 16,5 см, диаметр дна 12 см. Сосуд по своей массивности и грубости подобен сосудам, встречаемым в погребениях на Нижней Волге, но отличается от них характерной для срубной культуры баночной формой и распределением ямочного орнамента по всей поверхности. Впускное погребение может быть датировано по бронзовому наконечнику стрелы V в. до н. э.

По некоторым работам и более поздней обобщающей статье Б. Н. Гракова², можно видеть, что в степях Поволжья и Урала широко распространены савроматские захоронения V в. до н. э., которые часто оказываются впускными в курганы эпохи поздней бронзы. Из признаков, характерных для них, отметим лишь три наиболее существенных, также встреченных во вскрытом нами погребении: ориентировка захоронения на запад, грубость и широкодонность сосудов и находка обломка каменного блюда.

Б. Н. Граков, подробно проанализировавший в своей статье эти погребения, указал, что в Уральской области каменные блюда характерны для женских погребений и служили переносными алтарями.

Судя по материалам, женщины-савроматки в Уральской области были стрелками из лука, иногда даже конными, и в то же время — жрицами.

К сожалению, обнаруженное нами погребение в значительной степени разрушено, и установить пол погребенного не представляется возможным.

Прекрасные каменные блюда на ножках и с интересным орнаментом известны из случайных находок в Куйбышевской области, однако подобные им в захоронениях на изучаемой территории были до сих пор неизвестны.

¹ Г. П. Гроздилов. Указ. соч.

² Б. Н. Граков. Пережитки матриархата у сарматов. — ВДИ, 1947, вып. 3.

Раскопки Комаровского кургана показали, что в предскифское время на территории Среднего и Нижнего Поволжья появляется группа захоронений, отличная от типичных для срубно-хвалынской культуры (Комаровка, Усатово, Ягодное). Характерным для этой группы является сопровождение умершего захоронением ездового коня или частью конского скелета (череп, зубы) и уздой. В могилах наблюдается почти полное отсутствие посуды. Сейчас еще рано решать вопрос, принадлежали ли эти захоронения племенам срубно-хвалынской культуры или появившимся здесь кочевникам, в обряде погребения которых много общих черт. Раскопки Комаровского кургана свидетельствуют также о значительной имущественной дифференциации внутри племени. Два рядом расположенных кургана дали различные в этом отношении захоронения. Явно не рядовому члену общины были положены два коня и устроено сплошное деревянное сооружение в насыпи кургана.

М. И. АРТАМОНОВ

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В ЮЖНОЙ ПОДОЛИИ
в 1952—1953 гг.

Юго-Подольская археологическая экспедиция в течение пяти летних сезонов (1946—1948 и 1952—1953 гг.) проводила полевые исследования в междуречье Буга и Днестра в пределах Винницкой области¹. За эти годы обследовано большое количество разнообразных памятников и произведены раскопки — двуслойного трипольского поселения в м. Печеры Шпиковского района и известного Немировского городища с отложениями, относящимися к трипольскому, скифскому, и раннеславянскому времени. Раскопки дали весьма ценные научные результаты. Сведения о них печатались в «Вестнике Ленинградского университета» и в изданиях Института археологии АН Украинской ССР.

В 1952—1953 гг. экспедиция сосредоточила внимание на изучении небольшого района в низовьях р. Котлубанки близ Могилева-Подольского. Еще в 1947—1948 гг. экспедицией было обследовано городище, находящееся между селениями Бронницей и Григоровкой и обозначенное на археологической карте Е. Сецинского как Григоровское городище. Начатые в 1952 г. раскопки здесь оказались настолько плодотворными, что было решено продолжить их в 1953 г.

Григоровское городище (рис. 39) находится на высоком левом берегу притока Днестра, р. Котлубанки, в 7 км от ее устья. Расположено оно между двумя глубокими оврагами на крутом склоне берега и частично на примыкающем к этому склону плато. Центральная часть городища, находящегося на склоне мыса, имеет форму неправильного круга площадью около 4 га. Она обведена мощным валом, достигающим 8 м высоты, и глубоким сухим рвом. Ниже по крутому склону берега подступы к городищу защищены дугообразным валом, который также усилен с наружной стороны рвом; концы его примыкают к валу центрального укрепления. Устроенные на крутых склонах валы, относительно невысокие изнутри, с наружной стороны непосредственно переходят в скошенную стенку глубокого рва и вместе с ним представляют еще и теперь трудно преодолимую преграду. Хорошая сохранность валов объясняется тем, что они сооружены из земли с большим количеством камней, а в некоторых местах сплошь состоят из камней, иногда весьма значительной величины. Особенной мощью отличается часть

¹ В 1946—1948 гг. Юго-Подольская экспедиция проводилась ЛГУ им. А. А. Жданова и Институтом археологии АН УССР. В 1952 г. экспедиция возобновила свою деятельность силами Гос. Эрмитажа. В 1953 г. работы производились совместно Гос. Эрмитажем и Ленинградским университетом при активном участии аспирантов и студентов университета.

вала, обращенная в сторону берегового плато и расположенная на перегибе от плато к склону. Кроме того, довольно большой участок плато, примыкающий к центральной части городища и находящийся между верховьями оврагов, отделен с напольной стороны небольшим валом и рвом. Такой же вал проведен и вдоль оврага с северо-восточной стороны этой части городища. Занятые городищем склоны мыса между оврагами и сами овраги покрыты густым лесом; часть площади, расположенная на плато, распахивается.

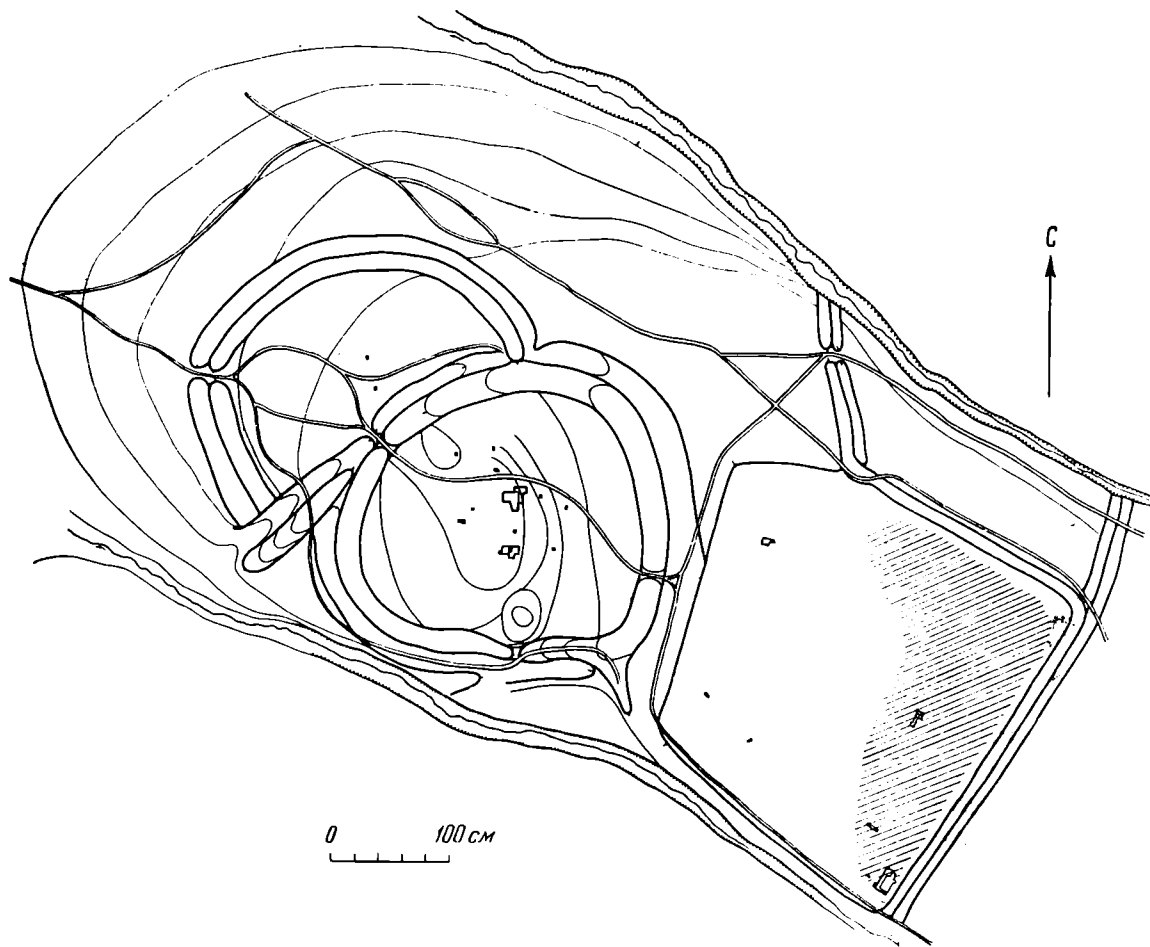

Рис. 39. План скифского городища у с. Григоровки.

За два года работ было заложено значительное количество шурфов и шесть раскопов, из них два общей площадью 280 кв. м в центральной части городища. Раскопки показали, что городище неоднократно заселялось в разные исторические периоды, что, кроме отложений, относящихся к скифскому времени, имеются следы поселений периода культуры полей погребений и раннеславянского времени.

Культурный слой скифского периода наиболее отчетливо выражен в центральном укреплении, причем культурные остатки вкраплены в лёссовидный суглинок. Создается впечатление, что непрерывного заселения городища не было; оно заселялось периодически и на непродолжительное время. Вместе с тем ясно, что подобным образом городище использовалось длительное время. Культурный слой на городище местами достигает 0,7 м.

При раскопках обнаружено большое количество ям с заполнением, относящихся к скифскому периоду. Большинство их, вероятно, предназначалось для хранения запасов, в том числе, несомненно, зерна, но одну яму, диаметром 2,1 м и глубиной 2 м, необходимо рассматривать как жилую. На дне

ее находились остатки очага и ямка от столба, поддерживавшего перекрытие. С одной стороны в стенке ямы заметна ступенька, означающая место входа. Заполнение этой ямы почти лишено культурных остатков; следовательно, можно считать, что она не была ни хозяйственной, ни мусорной и затягивалась постепенно окружающим стерильным грунтом. Отмечены следы вторичного использования ее также в качестве жилья. Над стерильной прослойкой глины толщиной 15 см находятся остатки очага с толстым слоем золы. Многочисленные открытые очаги, встреченные на площади раскопа, по всей вероятности, связывались с легкими наземными сооружениями, от которых не сохранилось никаких других следов.

На городище найдена в основном керамика, металлических и костяных вещей очень мало. К так называемой кухонной керамике относятся довольно многочисленные фрагменты серых сосудов из грубой глины с примесью кварцевого песка и даже мелкого галечника. Сосуды эти разной формы — тюльпановидной или баночной, прямостенной со слабо отогнутым краем. Тюльпановидные сосуды по тулову украшены обычно валиком, гладким или расчлененным нарезками и вдавлениями, а по краю венчика — проколами; прямостенные — проколами и расчлененным валиком под венчиком. Очень разнообразна керамика из более тонкой глины, принадлежащая к разряду столовой или парадной посуды. Сосуды, отличающиеся большой величиной, очевидно, служили для хранения запасов. К столовой посуде относятся черпаки или чарки с высокой чашечкой и округлым дном, иногда с выпуклостью в центре, кубки с высокой цилиндрической или короткой шейкой, миски с загнутыми внутрь краями, банкообразные сосуды с валиком по тулову и ручкой, характерной для черпаков, и, наконец, большие корчаги с невысоким горлом, снабженные упорами или валиком на перегибе тулова. Одни из них серого или коричневого цвета, довольно тонкой глины, со слегка заглаженной поверхностью, другие интенсивно черные с блестящей, прекрасно пролощенной поверхностью и богатой орнаментацией. У мисок этой группы края обычно украшены разнообразными выступами.

Черпаки, кубки и небольшие корчаги обычно украшены нарезным или штампованным орнаментом, иногда заполненным белой пастой. В орнаментации довольно часто встречается зубчатый чекан, кольчатый и S-видный штамп. Особого упоминания заслуживает интересный остродонный сосуд коричневого лощения, украшенный по тулову четырьмя рядами заштрихованных ромбов с ямками по углам, и небольшая двойная чарка с одной ручкой и отверстием в общей стенке (рис. 40—1, 2). Очень разнообразно оформление высоких ручек у черпаков: чаще всего встречается ручка с тупым цилиндрическим выступом, но бывает выступ двойной и даже тройной с плоской шишечкой. Иногда и ручки черпаков украшались нарезным орнаментом.

К керамическим изделиям относятся своеобразные глиняные поделки в виде когтистых лап (рис. 40—3). Замечательно, что две лапы найдены в непосредственном соседстве с маленькими кремневыми наконечниками стрел листовидной формы, с коротким черенком или без него. Такие наконечники стрел до сих пор были известны только по случайным находкам и не датировались. Следует отметить также найденный на городище глиняный штампик для орнаментации керамики S-видными фигурами, какие характерны для керамической орнаментации раннескифского периода в Молдавии.

Из металлических предметов обнаружены хорошей сохранности игла и булавка из бронзы и несколько бронзовых же наконечников стрел.

Находки на городище, в частности керамика, относятся к разным периодам скифской культуры и охватывают время, по меньшей мере с VII по V—IV вв. до н. э. О последней дате свидетельствуют характерные для того

времени бронзовые наконечники стрел. По всей видимости в течение всего периода городище служило убежищем окрестных жителей в моменты военной опасности. В мирное время население обитало в неукрепленных поселениях, которые довольно часто перемещались с места на место, чем и объясняется слабая выраженность их культурного слоя.

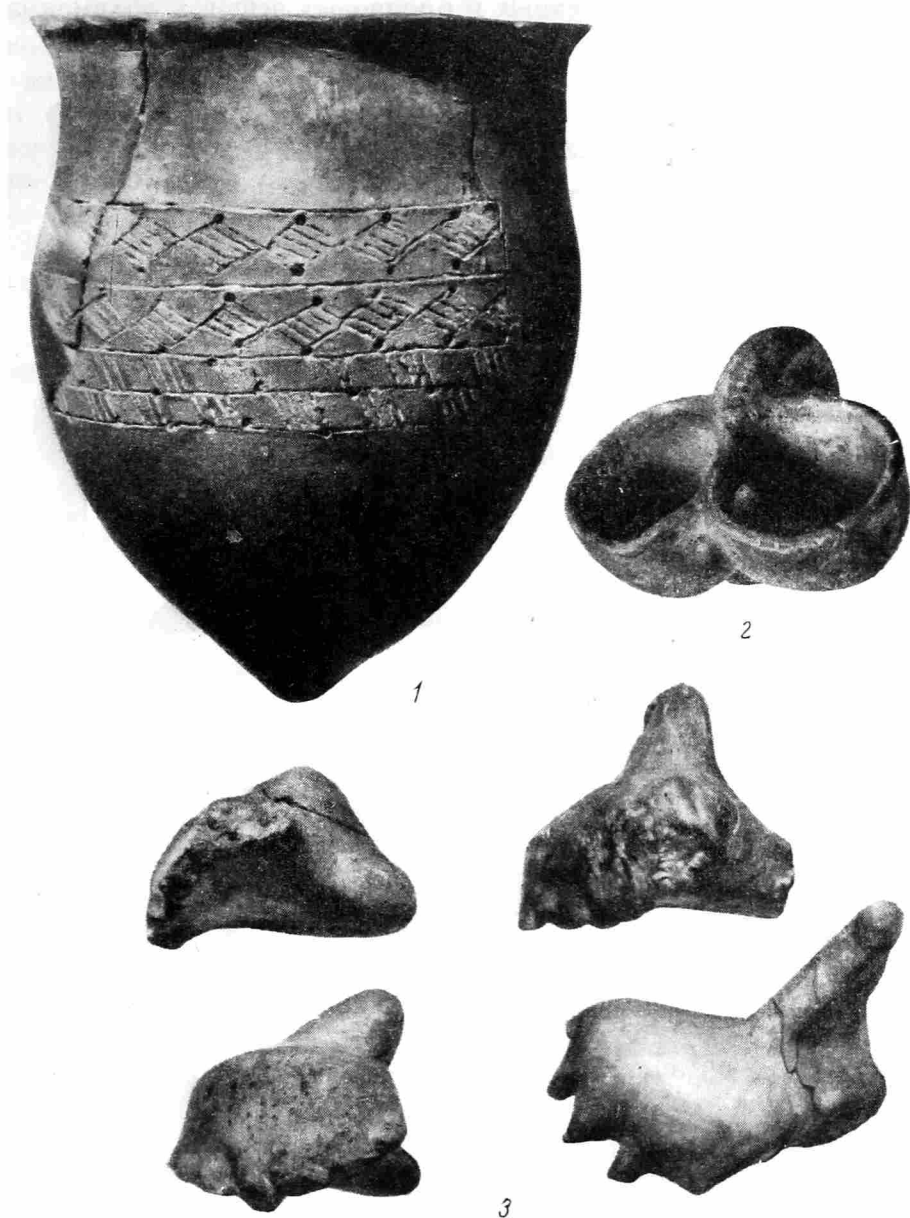

Рис. 40. Остродонный сосуд, двойная чарка и глиняные лапы из скифского слоя Григоровского городища.

Кроме центрального укрепления, раскопки производились и в восточной части городища¹. В заложенных шурфах встречались обломки трипольской и скифской керамики, а также лепной и сделанной на гончарном круге серой посуды, относящейся к культуре полей погребений.

Культурный слой здесь распределяется весьма неравномерно. В большинстве шурфов четко выраженного культурного слоя не было. В других находки сосредоточивались в верхнем тонком слое чернозема (до 25 см толщиной) и в лежащей под ним гумусированной глине, переходящей в зеленовато-желтую материковую глину, сильно насыщенную песком и галькой.

¹ Под руководством аспиранта В. Д. Белецкого.

В раскопе площадью в 120 кв. м, заложенном в 1952 г. близ вала в южном углу городища, были открыты остатки какого-то наземного сооружения: ямки от столбов, остатки двух печей, развал докрасна обожженной глиняной обмазки, несколько ям и разрушенное распашкой детское захоронение. Здесь собрано много фрагментов глиняных сосудов, ряд других предметов из глины, несколько железных и бронзовых вещей и обломок стеклянной бусины.

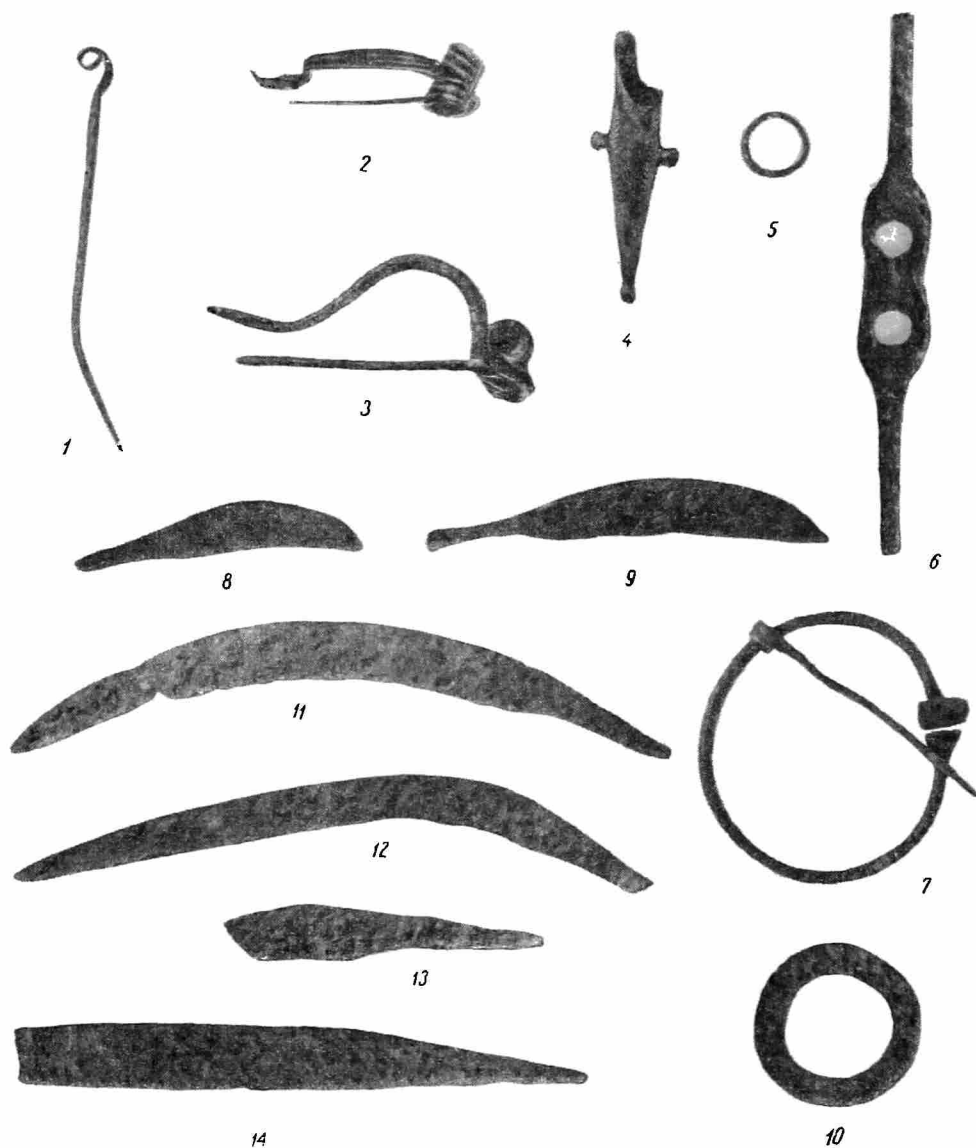

Рис. 41. Бронзовые и железные предметы из поселения на плато в Григоровском городище:

1 — булавка, 2—4 — фибулы; 5 — колечко; 6 — псалий; 7 — застежка; 8, 9 — ножики; 10 — кольцо; 11, 12 — серпы; 13 — обломок серпа; 14 — нож.

В 1953 г. при доследовании и расширении этого раскопа установлено, что обожженная обмазка слоем толщиной 7—10 см занимала участок $4 \times 5,5$ см. При разборке ее никаких других остатков сооружения не обнаружено, но зато основные находки были сделаны или здесь, или в непосредственной близости (рис. 41). В частности, найден небольшой клад из четырех браслетов (рис. 42) — двух железных и двух бронзовых. В 1953 г. закончена расчистка большой ямы, обнаруженной в том же раскопе. Она представляла собой подпрямоугольное с заплывшими краями углубление

4 × 4 м, глубиной 1,65 м. При разборке заполнения никаких конструктивных остатков не найдено.

Кроме исследования раскопа, заложенного в 1952 г. в напольной части городища, были разбиты еще три раскопа. В находившемся в 50 м к северу от раскопа 1952 г. встречены остатки разрушенного детского погребения и неопределенная яма. В другом раскопе приблизительно в 150 м к северу от южного угла городища открыты остатки жилища в виде четырехугольного, почти квадратного, углубления в материке, размерами 2 × 2,7 м, с входом в одну ступеньку и очажной ямой в середине. Наконец, в раскопе близ северного угла напольной части городища обнаружено еще одно детское погребение, столь же плохой сохранности, как и остальные, и остатки жилища — полуземлянки с печью-каменкой. Оно явно относится ко времени около X в. и соответствует другим находкам той же поры, сделанным на городище и возле него. Что касается других сооружений: землянки с очагом и

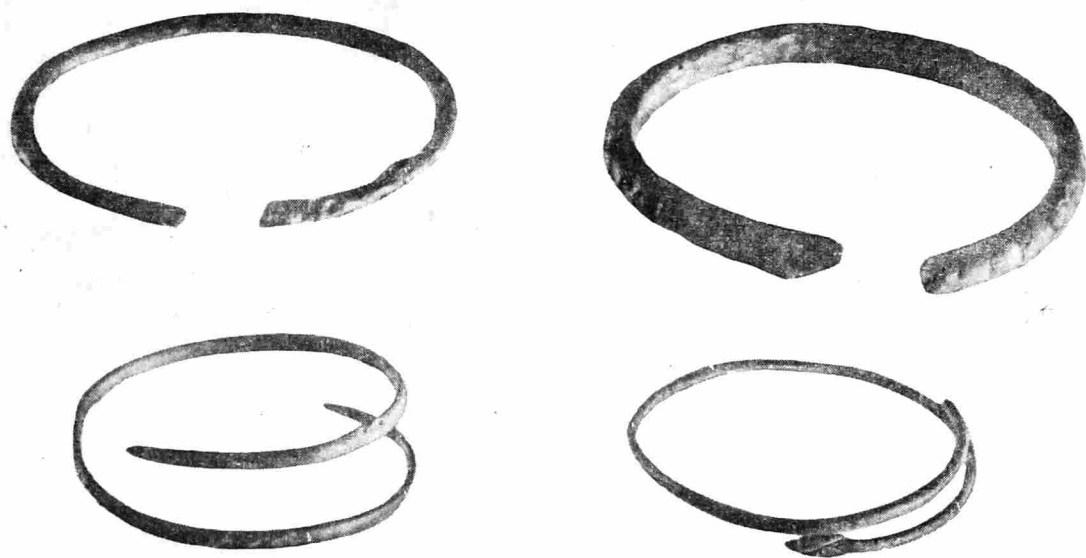

Рис. 42. Клад из поселения на плато в Григоровском городище.

в особенности остатков наземных построек с глиняной обмазкой стен, то нет никаких оснований для датировки их столь же поздним временем. Наоборот, связанные с ними находки относятся к значительно более раннему периоду. В числе этих находок — металлические вещи и большое количество керамики. Кроме уже упомянутых предметов, в напольной части городища найдены: бронзовая булавка со свернутой в трубочку головкой, какие известны по высоцкой культуре и скифским комплексам, но которые встречаются и позже в составе материалов, относящихся к корчеватовской культуре последних веков до нашей эры; бронзовая профилированная фибула, железная фибула, согнутая из одного куска проволоки, и обломок бронзовой фибулы с пластинчатой ромбовидной ножкой (рис. 41 — 1-4). К более раннему времени — до начала нашей эры — относится также железный двухдырчатый псалий с четырехгранными прямыми концами и двухчастным расширением в середине (рис. 41 — 6).

Из других находок следует упомянуть железную подковообразную застежку с концами, завернутыми в трубочку, и с подвижным язычком (рис. 41 — 7). Такие застежки известны по находкам в Белоруссии, но, к сожалению, точно не датированы. Кроме того, в напольной части Григоровского городища обнаружены: маленькое бронзовое колечко в полтора оборота, свернутое из круглой проволоки, железное плоское кольцо, железный нож и три серпа с характерным перпендикулярным отростком на конце ручки (рис. 41 — 11-13).

Особенно многочисленны находки керамики. По составу теста и по технике изготовления она распадается на три основные группы: лепная от руки из грубого теста с примесью большого количества дресвы и шамота, очень часто плохого, неровного обжига; лепная, но более тонкого теста, обычно хорошо обожженная, с заглаженной, а иногда и пролощенной поверхностью (рис. 43); сделанная на гончарном круге, из тщательно промешанной и хорошо отмученной глины, с гладкой поверхностью, иногда с орнаментом из пролощенных линий, хорошего обжига, светлосерого и темносерого цвета.

Рис. 43. Лепная керамика из поселения на плато в Григоровском городище.

Первая группа наиболее многочисленна. К ней относятся обломки сосудов, обычно широкогорлых, с прямым или слабо отогнутым венчиком. Сосуды этой группы типичны для липицкой культуры; в большинстве своем они больших размеров, с выпуклыми боками. К этой же группе следует отнести обломки крышек в виде круглых глиняных лепешек.

Вторая группа состоит из мискообразных сосудов с плоско, а иногда под углом срезанным краем. Стенки некоторых из них имеют четко выраженный угловатый перегиб, у других этот перегиб закруглен и сглажен; у некоторых сосудов — утолщенные округлые края. Нередко внутренняя и наружная поверхности заглажены или даже залощены. К этой же группе следует отнести пухлобокие небольшие сосуды, по форме сближающиеся с сосудами из Липицкого могильника. К липицким же формам относятся толстостенные воронкообразные чаши с хорошо заглаженной наружной и внутренней поверхностью, возможно, снабженные ручкой. Несколько особняком стоит фрагментированный сосуд, найденный вблизи остатков детского погребения в раскопе 1952 г. и, возможно, относящийся к этому погребению. Сделан он из хорошо промешанной глины; обжиг ровный

темносерый, поверхность хорошо заглажена. По форме это плоскодонный одноручный кувшин с высоким прямым горлом, поднимающимся над шаровидным туловом. По нижней части горла и по плечикам прочерчен орнамент в виде трех горизонтальных линий, между которыми вписаны треугольники.

Третью, количественно самую незначительную группу составляют обломки сосудов, сделанных на гончарном круге. Из их числа следует отметить фрагмент высокой ножки, несущей на себе часть чаши, повидимому, обломок сосуда типа «пухара», типичного для липицкой культуры. Сюда же относятся обломки сосуда с широкими округлыми боками на низком кольцевом поддоне.

Хронологию лепной керамики с напольной части городища надо определять по приведенным выше сопоставлениям, а также по найденным вместе с нею металлическим предметам, относящимся к последним векам до нашей эры и к первым векам ее, т. е. ко времени ранней липицкой и корчеватовской культур. Керамика, сделанная на гончарном круге, должна быть датирована временем позднейшей липицкой культуры Поднестровья и близко родственной с нею поднепровской культуры полей погребений черняховского типа, которые ни в одном известном случае не выходят за границы первой половины I тысячелетия н. э.

В заключение характеристики находок с этой части городища следует отметить пряслица из глины, встреченные здесь в большом числе. Они различной формы: неправильно биконической, цилиндрической и фигурные. На одном из них сохранились следы ниток в виде мелких прорезей. Надо упомянуть еще находку нескольких маленьких сосудиков, вероятно, детских игрушек, и кусочка глины с сохранившимся на нем отпечатком ткани, по определению В. Н. Кононова, шерстяной, тонкого плетения.

Остеологический материал, собранный в культурном слое напольной части городища, состоит в подавляющем большинстве из костей домашних животных; особенно много костей крупного рогатого скота и лошадей. Далее идут кости свиней и овец.

Как уже указывалось, в напольной части была обнаружена землянка с печкой-каменкой, относящаяся к славянскому времени. Две такие же землянки открыты в центральной части городища и одна за его пределами на берегу оврага, ограждающего городище с северо-восточной стороны. Эти сооружения, углубленные в землю до 1,4 м, имеют в плане почти квадратные очертания при размерах $3 \times 3,2$; $3 \times 2,9$ м. В одном углу располагается печь-каменка, под ее устроен просто на материковой глине, как и пол всего жилища. В одной из землянок ясно прослеживались два периода обитания, представленные двумя полами, расположенными один над другим, и двумя подами печи на разных уровнях при разной величине связанных с ними топков. Материалы, найденные при раскопках землянок, ограничиваются почти одной керамикой — лепной и изготовленной на гончарном круге. В некоторых землянках встречались куски шлака, а в одной, расположенной за пределами городища, за задней стенкой каменной печи обнаружены два необожженных сопла, очевидно, положенные для просушки. Эти находки указывают на тесную связь землянок с многочисленными железоплавильными горнами, открытыми возле Григоровского городища и на его территории.

Еще в 1952 г. при раскопках в центральной части городища на глубине 0,7 м от поверхности был открыт железоплавильный горн. В 1953 г. обнаружены остатки второго совершенно разрушенного горна, находившегося возле первого. В том же году при обследовании плато за пределами городища по берегам оврага, проходящего с северо-восточной стороны, там, где ранее были отмечены многочисленные находки шлаков, открыто еще 23 горна различной сохранности (рис. 44 и 45).

Три горна находились на левом берегу оврага приблизительно в 200 м от наружного вала, остальные разбросаны на противоположном склоне на площади длиной вдоль оврага около 700 м и шириной более 200 м. Некоторые горны размещены группами по три вместе, другие поодиночке на различных расстояниях один от другого. На той же площади открыты остатки еще одной землянки с печью-каменкой и хозяйственной ямой у стены помещения, а также два открытых очага с большим количеством обломков керамики вокруг них.

В западной части площади, занятой горнами, проходит небольшой от-вершек оврага длиной не более 100 м, но глубокий и узкий. Его крутые

Рис. 44. Горн № 16 возле Григоровского городища.

склоны голы и выделяются на общем фоне своим буро-красным цветом. Здесь на поверхность выходят залежи бурого железняка, наличие которого и обусловило развитие железоплавильного дела¹.

Горны или железоплавильные печи устроены в основном все одинаково. Все они углублены в землю так, что, может быть, только самая верхняя часть колошника слегка возвышалась над поверхностью почвы; поды у всех находятся, как правило, на 0,7 м от современной поверхности. Печи устроены в специально выкопанных ямах с закругленным дном и нередко суживающимися кверху стенками. При помощи многократной обмазки стенок и дна ямы огнеупорной глиной печам придавалась грушевидная или колоколовидная форма, причем в их лицевой стороне оставлялось отверстие — устье для вставления сопел при дутье. Устье открывалось или в обрыв склона плато, в котором была вырыта яма для печи, или в специальную предпечную яму, где, очевидно, помещались мехи.

По устройству внутренней части горны можно разделить на две группы: в одних лещадь делалась плоская, наклонно поднимающаяся к устью, рас-

¹ Раскопки горнов и вообще раннеславянских памятников в 1953 г. производились под наблюдением аспирантки К. В. Дешкиной и студента Л. Мажны.

положенному иногда на 15—16 см выше ее, так что сопла вставлялись в печь с наклоном вниз; в других лещадь устраивалась более сложным образом: на первоначальную обмазку дна в середине печи клался камень — хорошо окатанный дикарь, плоский, удлиненно-овальной формы, а затем дно с камнем вторично покрывалось обмазкой; получалась лещадь с выпуклостью в середине и с канавкой вокруг. В таких горнах устье приделывалось на уровне поверхности обмазки над камнем. Общая обмазка стенок печей в обеих группах тоже различная: в горнах с камнем на дне задняя стенка

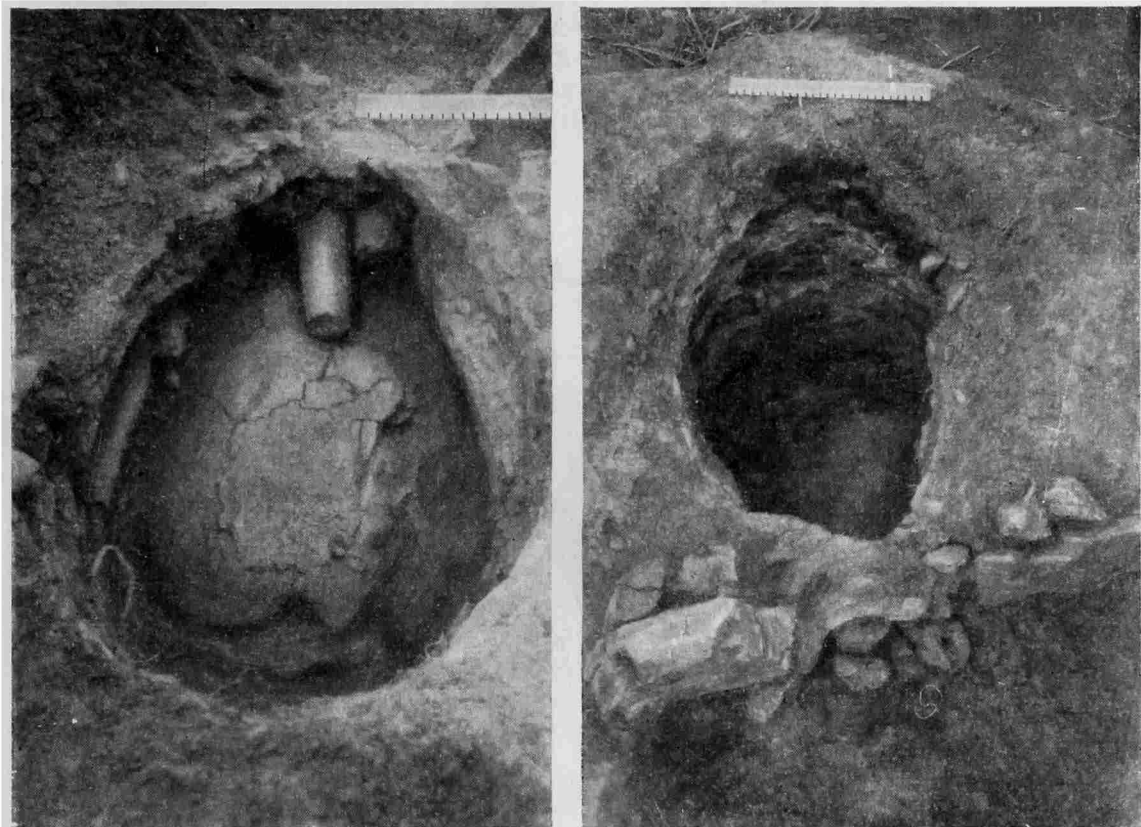

Рис. 45. Горн № 3 возле Григоровского городища.

печи много толще боковых и передней, в горнах с плоской лещадью этой разницы нет или она незначительна. По всей вероятности, указанные различия связаны с различным устройством дутья, т. е. с разным направлением струи воздуха, поступающего из сопел, и различным положением сопел и мехов.

По размерам печи различаются очень мало: высота их колеблется от 0,5 до 0,7 м, а внутренний диаметр нижней части — от 0,30 до 0,45 м. Объем такой печи составляет 0,02—0,06 куб. м. Перед печами обыкновенно находятся слегка углубленные ниже их дна широкие ямы, которые очень часто оказываются забиты шлаком и обломками сопел, иногда сильно ошлакованными. В одной из печей в замазанном глиной устье были вставлены четыре сопла. Сопла обычно круглые, иногда граненые; средняя толщина их 5—6 см при диаметре канала около 1 см. Длина полностью сохранившегося сопла 36 см. Сделаны они, как и обмазка горнов, из огнеупорной глины с большой примесью песка.

Других предметов, кроме небольшого количества обломков керамики, возле печей не найдено, но и имеющихся данных совершенно достаточно, чтобы признать их относящимися к тому же (славянскому) времени, что и

землянки с печами-каменками. Основной археологический материал, характеризующий культуру этого времени, составляет посуда — лепная и сделанная на гончарном круге. Грубая лепная, плохо обожженная керамика с примесью шамота и дресвы в тесте представлена главным образом обломками больших горшков со слабо отогнутым венчиком, украшенным нарезками и вдавлениями по краю, и изредка — сковородок с невысоким прямым бортиком. Керамика, изготовленная на гончарном круге, отличается хорошей глиняной массой нередко с примесью колчедана, придающего поверхности сосудов золотистый блеск, хорошим обжигом и богатой орнаментацией из горизонтальных бороздок и волнообразных линий. У одних сосудов отогнутый венчик с закругленным краем, у других со свисающим наружу профилированным краем. Такая керамика характерна для подольских городищ домонгольского времени. Интересно, что в других славянских поселениях и

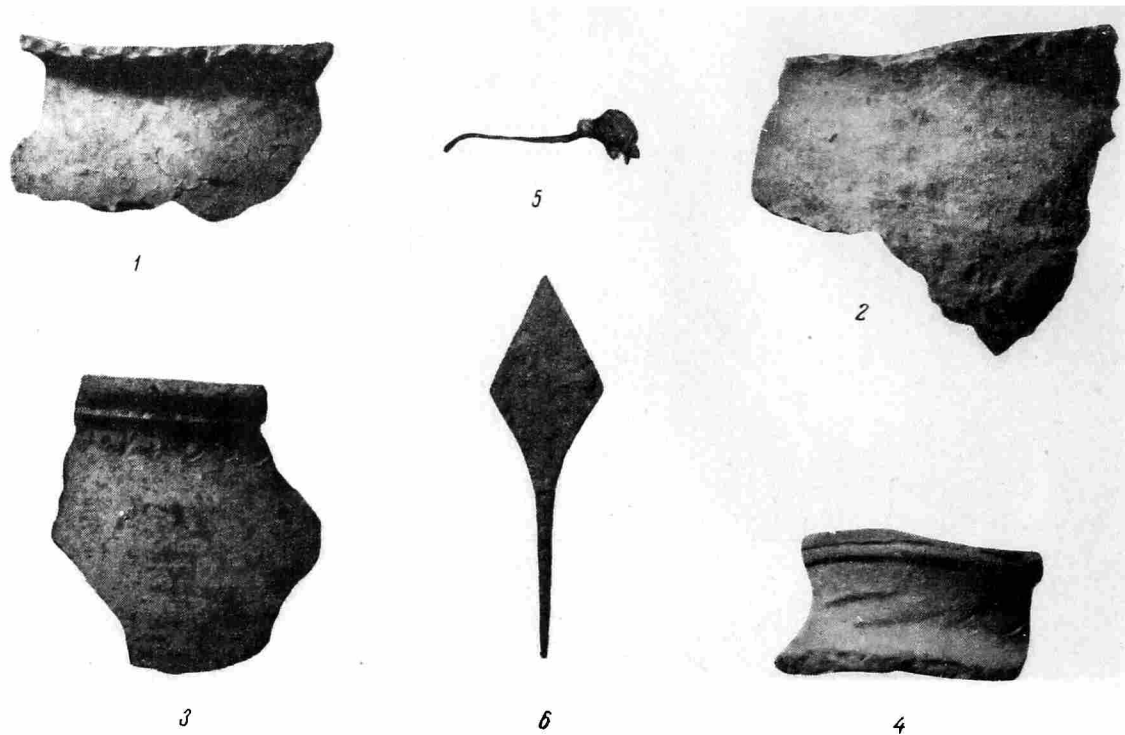

Рис. 46. Находки из слоя у горнов:

1, 2 — лепная; 3, 4 — гончарная керамика; 5 — перстень; 6 — наконечник стрелы.

городищах Подолии, обследованных экспедицией, эта керамика не встречается вместе с лепной посудой, в Григоровском же лепная керамика численно преобладает над изготовленной на гончарном круге, а иногда и вовсе не сопровождается ею. Это обстоятельство свидетельствует, что славянское поселение возле Григоровского городища и на самом городище вместе с его железоплавильными горнами может относиться не только во времени преобладания керамики, сделанной на гончарном круге, но и к более раннему, когда сделанные на круге сосуды еще не получили широкого распространения и посуда преимущественно делалась от руки. К сожалению, мы не располагаем надежными основаниями для хронологии этого времени. Найденный возле одной из печей бронзовый перстень (рис. 46—5) с жуковиной, снабженной четырьмя лапками и выступами под ними, образующими равноконечный крестик, по аналогиям, известным в венгерских комплексах, может датироваться не ранее IX в. К тому же или несколько более позднему времени относится железный наконечник стрелы ромбической формы, найденный на поселении (рис. 46—6).

Разведками экспедиции, произведенными под руководством научного сотрудника В. Д. Рыбаловой и аспирантки Г. И. Смирновой, были охвачены оба берега нижнего течения р. Котлубанки от с. Слышковцы; левый берег Днестра от с. Бронницы до с. Яруги и течение р. Мурафы от с. Вилы Яругские до с. Буша. В результате на относительно небольшой территории обнаружено значительное количество древних поселений, относящихся к трипольской культуре, эпохе бронзы, предскифскому и скифскому периодам, а также ко времени культуры полей погребений.

Поселения предскифского и скифского периодов расположены на мысах или по склонам оврагов поблизости от воды и обычно невелики по размерам. Пробные раскопки показали, что культурный слой на них очень небольшой мощности (0,4—0,6 м), хотя и насыщен керамикой, костями животных, кусками глиняной обмазки и необработанными кремневыми отщепами. На всех поселениях, где были заложены шурфы, не удалось обнаружить достоверные следы жилищ.

Судя по найденным материалам, эти поселения можно разбить на несколько хронологических групп: предскифского времени (позднебелогрудовского типа), раннескифского времени (чернолесский тип) и скифского времени.

Предскифское поселение возле с. Яруги расположено на винограднике, ввиду чего культурный слой его перемешан до глубины 0,8 м. Здесь встречено много керамики, кремневых отщепов, камней, костей животных; найдены обломки каменных молотков. В целом по материалам, собранным на поселении, можно проследить сочетание характерных белогрудовских признаков с чертами, присущими материальной культуре чернолесского типа, что дает основания рассматривать поселение как памятник переходный. Вместе с тем следует отметить и некоторые своеобразные признаки, отличающие его от соответствующих поселений Среднего Поднепровья. Так, например, обращает на себя внимание значительное количество лощеной керамики, наличие различных мисок, прямостенных сосудов и др.

Другие поселения того же типа, обследованные экспедицией, дали менее богатый материал. Следует, однако, отметить найденные в них железный нож и глиняную льячку. Во всех поселениях этого рода, кроме керамики, встречаются кремневые вкладыши для серпов, костяные проколки, прясла, обломки дуршлагов и каменных молотков, терочки, а также кости домашних животных.

Для раннескифских поселений тоже характерна керамика, изготовленная из глины с большой примесью окатанного галечника и, реже, кварцевого песка. Эта примесь применялась при выделке всех форм сосудов, встреченных на поселениях. Преобладает посуда грубой выделки, серых, желтых и коричневых тонов. Характерно слабое сглаживание поверхности. Кухонная посуда представлена двумя видами сосудов: тюльпановидными горшками, украшенными у основания шейки или по тулову валиком и проколами под краем венчика, иногда семечковидными вдавлениями по тулову. Преобладает валик, расчлененный нарезками или пальцевыми зажимами. На более ранних поселениях этой группы встречаются сосуды с гладким валиком. Другой вид — это сосуды с прямыми стенками, с ровно срезанным краем венчика и с проколами ниже края.

Среди столовой посуды можно указать следующие разновидности: черпаки, миски, корчаги, реже кубки. От предыдущей группы сосудов они отличаются более тщательной выделкой и черным лощением поверхности.

Из других находок назовем прясла, кремневые отщепы, иногда с заполированным рабочим краем, каменные топоры, обломки дуршлагов и металлические изделия, например, бронзовое в полтора оборота кольцо, бронзовую круглую бляшку с петлей на обороте, железный нож и железную булаву с ушком в виде петли.

В керамике с поселений раннескифского времени получают дальнейшее развитие элементы, появившиеся в предшествующее время, в особенности орнаментальные: проколы по краю венчика, расчлененные валики, а на парадной керамике резной и штампованный — зубчатый, кольчатый и S-видный узор.

Для керамики с более поздней группы поселений скифского времени характерна примесь в глиняном тесте кварцевого песка, меньшая тщательность в отделке поверхности сосудов; лощение применяется редко, резной и штампованный орнамент постепенно исчезает. Среди кухонной посуды преобладают банки с проколами под венчиком, с расчлененным валиком, но не у края венчика, как у подобных сосудов из других местностей лесостепной Украины, а несколько ниже его, по тулову. В целом керамика отличается большей грубостью сравнительно с посудой из поселений предшествующей группы, которую по аналогии с чернолесскими и молдавскими материалами можно относить к VII в. до н. э. Соответственно с этим более позднюю группу приходится датировать последующим временем, вплоть до V—IV вв. до н. э., как это установлено по материалам Григоровского городища.

Поселения культуры полей погребений располагаются в условиях, аналогичных трипольским поселениям, а иногда и непосредственно на их месте. Среди них можно выделить более ранние и более поздние, причем последние преобладают. На поверхности поселений, обычно распаханной, встречаются скопления глиняной обмазки, кости животных, пряслица и большое количество сероглиняной керамики. Посуда ранних поселений сделана от руки, тогда как для более поздних характерна посуда, изготовленная на гончарном круге, причем, наряду с грубой толстостенной, имеется много гонкостенной лощеной посуды, иногда украшенной зубчатым орнаментом. Встречаются обломки больших пифосов с широким плоским венчиком, изредка попадаются фрагменты привозных амфор.

На двух поселениях культуры полей погребений в 1953 г. были произведены небольшие раскопки¹. Одно из них находится на второй террасе правого берега р. Котлубанки к северу от с. Бронницы. Культурный слой на нем невелик — 10—30 см. Неравномерность в толщине культурного слоя объясняется сползанием его к понижающемуся краю террасы. В местах древних западин мощность культурных отложений достигает 0,8 м. В заложенном на поселении небольшом раскопе найдено довольно много лепной керамики, шесть глиняных пряслиц, две костяные проколки, две стеклянные бусины, обломок железного серпа и кости животных. Шурфами выяснено, что размеры поселения не превышают в длину 150—200 м при ширине 50 м. Керамический материал, за исключением некоторого количества сосудов скифского времени, попавших сюда из находящегося по соседству поселения этого периода, близок керамике, преобладающей на плато Григоровского городища, но по некоторым признакам может относиться к несколько более раннему времени.

Поселение у с. Матвеевки на той же правой стороне р. Котлубанки находится к северо-западу от села на западном берегу оврага, впадающего в Котлубанку. Оно расположено на поле и ясно прослеживается на поверхности обильными выходами культурных остатков. Площадь его с северо-запада на юго-восток простирается на 350—400 м, а с юго-запада на северо-восток — на 100—150 м.

На поселении заложено два раскопа: один на северо-западном краю, другой в центре. Общая площадь раскопов 440 кв. м. Вскрыты остатки жилища, пять печей однотипных по конструкции, остатки сооружений из камня, а также развалы обожженной глиняной обмазки. Найдено большое

¹ Под руководством аспиранта В. Д. Белецкого.

количество фрагментов разнообразной посуды, части жерновов, железные, стеклянные и другие вещи.

Судя по находкам, поселение относится ко времени полей погребений черняховского типа, т. е. к III—IV вв. Керамика представлена почти исключительно фрагментами сделанных на гончарном круге разнообразных сероглиняных сосудов, иногда с хорошим лощением. Встречено несколько фрагментов римских амфор.

В 1952 г. сделана попытка расширить материалы, полученные ранее в курганном могильнике возле м. Печеры на среднем Буге в ур. Могилки. Этот могильник представляет особый интерес как единственный пока известный памятник с курганными погребениями эпохи бронзы в Подолии. Здесь еще в 1948 г. экспедицией было раскопано три кургана. Они дали характерную керамику (например, высокий тюльпановидный горшок с гладким оттянутым, а не налепным валиком на тулове) и предметы из бронзы: детский браслет и большую бляху. К сожалению, в Печерских курганах нашлось только два очень плохо сохранившихся погребения в материковых ямах; оба скелета, повидимому, скорченные, ориентированы на северо-запад. В 1952 г. здесь раскопано еще два небольших кургана. Один из них не дал абсолютно никаких следов погребения, а в другом в гумусированной глине почти у самого материка найдены детский браслет и три кольца из бронзы.

Бронзовая бляха из раскопок Печерских курганов в 1948 г., украшенная штампованными кружочками по краю и снабженная петлей на обороте, имеет аналогии в материалах Венгрии, относящихся к бронзовому веку, а также в находках, датируемых эпохой поздней бронзы в Верхнем Поднепровье. Такого же рода бляха указана Сулимирским в составе находок, относимых к высоцкой культуре, и датирована VIII в. до н. э. Печерские браслеты в полтора и два оборота, украшенные насечками, также известны по материалам памятников высоцкой культуры. Такие же, как в Печерских курганах, бронзовые кольца найдены вместе с подвесками со спирально загнутыми концами и пластинчатыми браслетами в два с половиной оборота в с. Белый Камень Чечельницкого района Винницкой области. Они находились при скорченных скелетах, лежавших на правом боку головой на северо-запад и запад, открытых в 1924 г. М. Л. Макаревичем между трипольскими площадками.

Хотя никаких признаков курганных насыпей у с. Белый Камень не обнаружено, этот могильник, равно как и того же рода бескурганные погребения, открытые Зборовским в 1907 г. у с. Яланцы в том же Чечельницком районе, относятся к одному времени с курганами в м. Печеры и характеризуют эпоху поздней бронзы в Побужье. И по признакам культуры и хронологически эти погребения, повидимому, следует сопоставлять с белогородскими зольниками, где имеются и тюльпановидные сосуды с гладким налепным валиком, и такие же, как в могильнике у с. Белый Камень, бронзовые подвески, и датировать не раньше IX—VIII вв. до н. э.

Два небольших кургана, обнаруженные разведкой 1953 г., были раскопаны под руководством аспирантки Г. И. Смирновой. Они находились на плато на левом берегу р. Мурафы на расстоянии 200 м один от другого, в 2 км к западу от с. Мервинцы. Других курганов в том же месте не замечено. Насыпь кургана 1 диаметром 14 м и высотой 0,95 м состояла из камней, перемешанных с землей. Первоначальный диаметр каменной накладки равнялся 8,7 м. Под центром насыпи в каменистом материке выдолблена могильная яма, вытянутая с юго-востока на северо-запад. Длина ее 2,45 м, ширина 1,10 м, средняя глубина 0,3 м. Могила оказалась ограбленной; в ней найдено только несколько человеческих костей ног. При снятии насыпи в южном секторе кургана встречено несколько сильно разрушенных человеческих костей, два фрагментированных черпака, чернолощенный круглодонный кубок с коротким горлом и отогнутым венчиком, украшенный по тулову

мелкими канелюрами, обломки грубого красноглиняного сосуда с наклепным расчлененным валиком по тулову и проколами по краю венчика и обломок железных кольчатых удил (рис. 47—3).

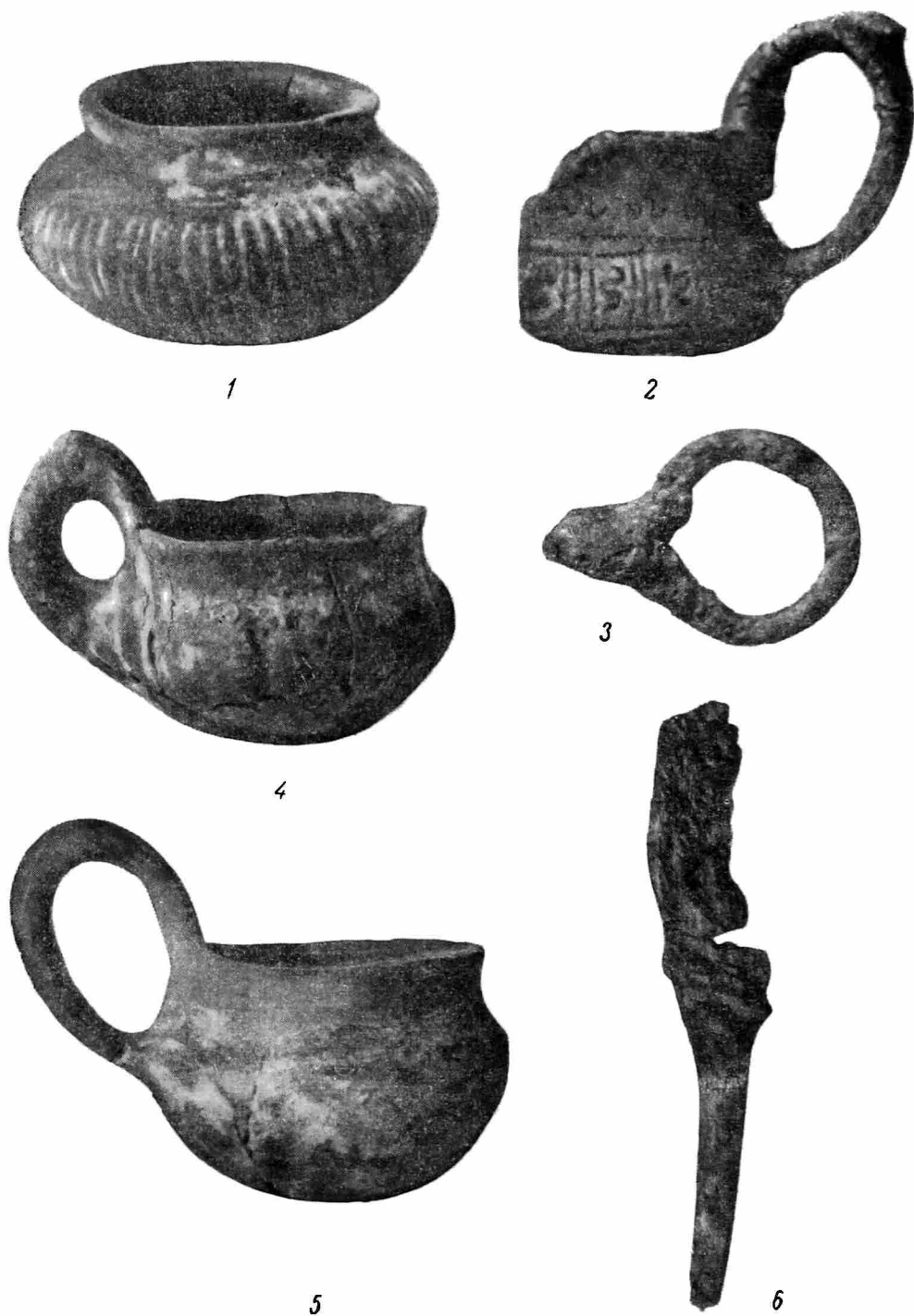

Рис. 47. Предметы из погребения у с. Мервинцы:
1—5 — из кургана 1; 6 — из кургана 2.

Курган 2 представлял собой длинную земляную насыпь, под которой находился круглый кромлех из положенных в один слой больших и малых каменных плит. Ширина каменного кольца равнялась в среднем 1 м, а диаметр кромлеха 12 м. В центре кромлеха на глубине 0,9 м от вершины насыпи на уровне материка находился каменный ящик из нескольких вертикально поставленных плит и перекрытый такими же плитами, которые к

моменту раскопок оказались сдвинуты к одному концу ящика. Длина ящика, вытянутого с юго-востока на северо-запад, 3 м, ширина 1 м, высота 0,47 м. Погребение и здесь было ограблено. В юго-восточном конце ящика найдены раздавленная чернолощеная миска с прямыми стенками и серый тюльпановидный высокий сосуд, украшенный гладким несомкнутым валиком у основания горла и проколами под краем венчика. В южном секторе кромлеха найден железный ножичек и встречены обломки человеческих костей и черепа.

Архаический вид тюльпановидного сосуда (рис. 48) позволяет сопоставить его с поздне-белогрудовскими керамическими находками в поселениях, открытых экспедицией возле Яруги, Бокотинки и в других местах, а следовательно, отнести курган 2 к предскифскому времени. Курган 1, судя по сосуду, украшенному расчлененным валиком, и орнаментированному черпаку, по времени следует за курганом 2 и датируется раннескифским (чернолесским) периодом. Этому заключению не противоречит находка железных удил, известных в Сахарнянском могильнике в Молдавии, относящемся к VII в.

Бескурганый могильник культуры полей погребений, обнаруженный на второй надпойменной террасе правого берега р. Мурафы близ впадения в нее р. Лозовой, напротив с. Вилы Яругские, уцелел лишь в незначительной части. Занятый могильником участок берега интенсивно разрушается рекой. По словам учителя Ф. С. Копанько, на этом месте неоднократно находили вымытые рекой человеческие кости, сосуды и фибулы.

Судя по случайным находкам и последующим небольшим раскопкам, могильник датируется черняховским временем (III—IV вв.). Так же как и современные ему поднепровские поселения, он относится к культуре полей погребений, представленной на территории нашей страны рядом локальных вариантов.

В 1953 г. экспедиция производила небольшие раскопки на Севериновском городище скифского времени. Здесь, как и на Немировском городище, самыми распространенными являются баночные сосуды со слегка выпуклыми боками и отогнутым краем, украшенные проколами под краем и наlepным валиком с разнообразными зашпирами и вдавлениями по венчику. Оба городища имеют много общего в инвентаре; разница лишь в том, что на Севериновском среди столовой посуды преобладает слабо лощеная или не-лощенная. Это объясняется тем, что Севериновское городище было заселено дольше Немировского, в керамике его поэтому успели проявиться черты

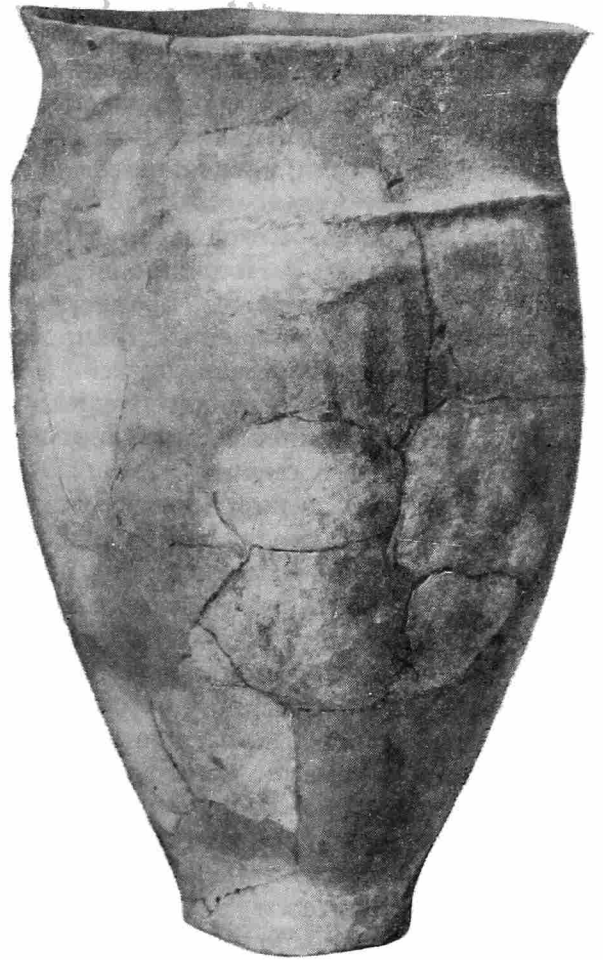

Рис. 48. Тюльпановидный горшок из погребения в кургане 2 у с. Мервинцы.

упадка техники, складывавшейся еще в предскифское время и особенно ярко проявившейся в раннескифском периоде, хорошо представленном именно на Немировском городище и несколько слабее в нижних слоях Севериновского. В ранних комплексах Немировского городища встречаются еще тюльпановидные сосуды с гладким или слабо расчлененным валиком у основания шейки, тогда как в Севериновском представлены только баночные формы грубых кухонных горшков. Это свидетельствует о несколько более позднем возникновении поселения на Севериновском городище.

Подводя итоги двух лет работы Юго-Подольской археологической экспедиции, следует признать, что ею получен весьма ценный материал, существенным образом пополняющий исторические данные, собранные в предшествующее время. Кроме уточнения вопроса о локальных группах развитой трипольской культуры (среднеднепровской и среднебужской), пополнения данных о культуре бронзы в Южной Подолии, экспедицией впервые здесь открыты памятники, относящиеся к предскифскому (белорудовскому) и раннескифскому (чернолесскому) времени. Теперь уже с полным основанием можно утверждать, что памятники белорудовского и чернолесского времени имеются не только в Поднепровье, а в очень сходном виде широко распространены по лесостепной Украине, что имеет существенное значение для суждений по ряду важнейших вопросов истории западной земледельческой Скифии. Избранный экспедицией для углубленных исследований район оказался весьма интересным и еще в одном отношении. Здесь наметилась граница между немировской (подольской) и молдавской группами памятников скифского времени.

Как известно, немировская группа памятников скифского времени тесно связана с западноукраинской и охватывает не только Среднее Побужье, но и Поднепровье, простираясь вниз по Днестру, как теперь оказывается, примерно до района Могилева-Подольского, где, судя по Григоровскому городищу, начинается уже область молдавского типа культуры этого времени. Наиболее отчетливо немировская или, лучше сказать, подольская группа отличается от молдавской формами и орнаментацией керамики. Так, например, для молдавской характерно распространение шаровидных корчаг с коротким горлом вместо корчаг с высоким цилиндрическим горлом, показательных для подольской группы; здесь господствуют прямостенные горшки с упорами, существенно отличающиеся от баночных форм грубой подольской керамики, здесь неизвестны миски с проколами. Самое же яркое различие заключается в том, что в керамике молдавских памятников этого времени господствует нарезной и штампованный орнамент, не распространенный на сосудах с памятников Подолии. При учете этого признака Григоровское городище следует относить к молдавской, а не к подольской группе, хотя другие элементы представленной здесь культуры, в соответствии с пограничным положением городища, имеют и молдавское и подольское происхождение.

Следует заметить, что такая же, как в керамике молдавских памятников, орнаментация хорошо представлена в Поднепровье, начиная с чернолесского этапа. Следовательно, молдавская группа памятников этого периода оказывается теснее связана с поднепровской, нежели с подольской. Подольская и среднеднепровская группы культуры скифского времени существенно различаются между собой, что, кстати сказать, и препятствует отнесению их к одной и той же этнографической группе. Заметим также, что признаки, свойственные молдавской культуре раннескифского и скифского времени, не проникающие на запад дальше Среднего Днестра, получили широкое распространение не только на севере — в Поднепровье, но и на востоке — в Крыму и на Кубани, что, мне кажется, в особенности должно быть учтено при рассмотрении вопроса о киммерийцах и фракийском элементе на Боспоре.

Большой интерес вызывают также памятники типа полей погребений, изученные экспедицией, особенно более ранние из них, до сих пор плохо представленные в археологических материалах. Характерная для них лепная керамика ранее находилась преимущественно вместе с посудой, изготовленной на гончарном круге, составляя незначительную часть общего количества находок. Исследованное экспедицией поселение у с. Бронницы дало только лепную керамику этого типа, а в поселении на плато Григоровского городища лепная керамика преобладает над сделанной на гончарном круге и, что самое важное, хорошо датируется металлическими находками средне- и позднелатенского времени. Таким образом, имеются достаточные данные не только для типологического, но и для хронологического сближения представленной этими поселениями культуры с местной культурой позднескифского периода. Весьма вероятно, что поселения последних веков до нашей эры в Поднестровье представляют памятники, в общем, той же этнической группы населения, которая занимала эту область в предшествующее скифское время и была известна под именем тиригетов. Возможно, что и позднейшие поселения (III—IV вв.) с сероглиняной посудой, изготовленной на гончарном круге, во множестве находящиеся в Поднестровье, принадлежат тому же населению. Относящийся сюда же бескуранный могильник у с. Вилы Яругские, несомненно, явится очень важным памятником при исследовании вопроса об этнической принадлежности населения Среднего Поднестровья. Он характеризуется такими устойчивыми признаками, как трупоположение и северная ориентировка погребенных.

К сожалению, и на этот раз остается незаполненным промежуток между культурой полей погребений и раннеславянскими памятниками, хотя последние представлены теперь не только городищами с керамикой, сделанной на гончарном круге, но и поселением с лепной керамикой. Лепная керамика, несомненно, относится к несколько более раннему времени и, так же как и в других местах, типологически не связывается с изготовленной на круге керамикой позднейших поселений и могильников культуры полей погребений.

Славяне под именем антов, по письменным данным, появляются на дунайской границе Восточной Римской империи в VI в. Иордан указывает их местожительство для этого времени между Днестром и Днепром. Археологически, по строго датированным памятникам, славяне известны теперь на среднем Днестре не раньше VIII—IX вв. Надо надеяться, что дальнейшие исследования приведут к открытию и более ранней культуры славян в Поднестровье. Во всяком случае, поиски таких памятников в настоящее время являются одной из важнейших задач советской археологии.

Исключительный интерес вызывает открытие одного из очагов железоделательного производства у славянского населения Подолии. Небывалый по количеству и сохранности материал очень ярко характеризует это производство не только с технической стороны, но и в социально-экономическом отношении, что имеет значение, далеко выходящее за рамки местной истории.

В. П. Ш И Л О В

РАСКОПКИ КАЛИНОВСКОГО КУРГАННОГО МОГИЛЬНИКА

Сталинградская археологическая экспедиция Института истории материальной культуры АН СССР, руководимая Е. И. Крупновым, уже второй год ведет археологические исследования в зоне строительства Сталинградского гидроузла. В 1952 г. экспедиция проводила свои работы четырьмя отрядами. В задачу второго Нижне-Волжского отряда входило обследование левобережья Волги между с. Быково и р. Ахтубой на участке протяженностью свыше 150 км. Исследования Саратовской ученой архивной комиссии, Нижне-Волжского института краеведения, а затем Саратовского университета сосредоточивались в основном на правом берегу Волги, затрагивая на левобережье лишь район между г. Энгельсом и р. Ерусланом.

В археологическом отношении обследуемый экспедицией участок до 1952 г. представлял собой в сущности белое пятно. Здесь были обнаружены лишь два городища золотоордынского времени: одно — у истоков средней Ахтубы, другое — у с. Среднего Погромного. Кроме того, известна случайная находка бронзового котелка с изображением кулана из с. Рахинки, опубликованного А. А. Спицыным¹. На исследованном участке расположено довольно большое число археологических памятников, в основном курганов. Помимо отдельных курганов, отрядом зарегистрировано несколько курганных групп, из которых наиболее крупные следующие: 1) к юго-востоку от с. Калиновки (65 курганов); 2) к северу от с. Быково (18 курганов); 3) к югу от с. Ново-Никольского (20 курганов); 4) к северу от с. Среднего Погромного (10 курганов).

— В первых трех пунктах проведены раскопки.

Основной задачей отряда являлось изучение группы у с. Калиновки, где было раскопано 16 курганов.

Могильник находится на левом берегу Волги, на расстоянии 71 км выше Сталинграда, между с. Рахинкой (6 км к северу) и дер. Калиновкой (3,5 км к югу) Пролейского района Сталинградской области. Против могильника, на противоположном берегу Волги, находится город Дубовка.

Могильник расположен на невысокой (8—10 м) надпойменной террасе Волги, русло которой проходит в настоящее время в 3—4 км к западу. Курганы разбросаны вдоль бровки террасы, на узкой полосе шириной 150—200 м, длиной до 1,5 км. Здесь насчитывается около 65 курганов. Большая часть их едва выделяется над окружающей местностью. Высота насыпей варьирует от 0,15 до 1,6 м, причем лишь в двух случаях высота превышает 1 м. Курган 8, высотой 1,15 м, был исследован, а другой, самый большой

¹ А. А. Спицын. Археологический альбом. — ЗОРСА, т. XI, стр. 233, рис. 18.

(высота 1,6 м, диаметр 50 м), расположенный в северной части группы, остался нераскопанным. У некоторых курганов заметны следы древних ровиков, которые едва выделяются более зеленым оттенком почвы, густо покрывающей все курганное поле. Иногда в центре насыпи заметны воронки — результат деятельности местного кладочислителя Шпилевого, «раскопавшего» здесь, судя по рассказам колхозников, несколько курганов.

В северной части имеются три мазарки золотоордынского времени с воронкообразными углублениями в центре, поверхность которых покрыта обломками квадратного кирпича и фрагментами изразцов различного цвета.

В исследованных 16 курганах содержалось 135 погребений различного времени. Хронологически их можно разделить на следующие группы: 1) погребения эпохи бронзы, 2) сарматские погребения VI в. до н. э. — IV в. н. э., 3) погребения поздних кочевников.

Из погребений эпохи бронзы наиболее ранними являются ямные, встреченные в курганах 8 и 10. В первом мужской костяк обнаружен в прямоугольной в плане яме с округлыми углами, ориентированной длинной осью с северо-востока на юго-запад. Костяк лежал на спине, ноги сильно подогнуты, голова обращена на северо-восток, руки вытянуты вдоль туловища. Череп и ступни ног окрашены в красный цвет. Возле головы лежал яйцевидной формы черноглиняный сосуд, украшенный по краю тремя рядами оттиснутых треугольников (рис. 49 — 1).

В ту же группу следует отнести детское погребение 2 (курган 10). Костяк лежал на левом боку, в скорченном положении, головой на восток. В захоронении обнаружена полусферическая чаша, украшенная по краю веревочным орнаментом, и куски красной краски. Аналогичный сосуд найден в погребении 5 кургана 4 близ с. Бородаевки¹.

Форма ям, ориентировка и положение костяков, а также формы и орнаментация сосудов являются типичными для ямных захоронений Нижнего Поволжья².

Следующую, более позднюю группу составляют погребения так называемого полтавкинского типа. Особенно интересно погребение 9, в кургане 10, где обнаружено парное захоронение женщины и ребенка (1—1½ лет). Костяк женщины лежал на спине, в вытянутом положении, головой на восток. Несколько заходя под череп, лежал бронзовый нож катакомбного типа (рис. 49 — 2). Ребенок, находившийся с левой стороны женского скелета, был как бы брошен в могилу. Последнее свидетельствует о ритуальном убийстве детей при погребениях матери³.

Далее следует отметить погребение 32 (курган 8) в прямоугольной яме с округлыми углами: длина ямы 1,75 м, ширина 1,10 м. Скелета в могиле не оказалось. Повидимому, это кенотаф, которые довольно часто встречаются в курганах эпохи бронзы⁴. В насыпи могилы на 35 см выше дна встречена прослойка окрашенной в красный цвет земли толщиной 5—6 см. На дне, в северо-восточном углу найден черноглиняный баночной формы горшок с коричневой наружной поверхностью, украшенный чеканным елочным орнаментом (рис. 49 — 3)⁵.

Кроме того, здесь же обнаружены: точильный камень, обломок четырехгранного шильца и кости гуся серого, гуся белолобого и лебедя-шипунa, засыпанные красной краской.

¹ И. В. Синицын. Археологические раскопки на территории Нижнего Поволжья. — Учен. зап. СГУ, т. XVII, вып. исторический. Саратов, 1947, стр. 119, рис. 79.

² Ср. «Изв. Саратов. краеведч. ин-та», т. II. Саратов, 1927, стр. 88—89.

³ М. И. Артамонов. Совместные погребения в курганах со скорченными и окрашенными костяками. — ПИДО, № 7—8, 1934, стр. 108 сл.

⁴ А. А. Иессен. Отчет о раскопках курганного отряда Волго-Донской экспедиции в 1952 г. — Архив КПИ ИИМК.

⁵ Ср. «Изв. Саратов. краеведч. ин-та», т. II, стр. 95, рис. 6.

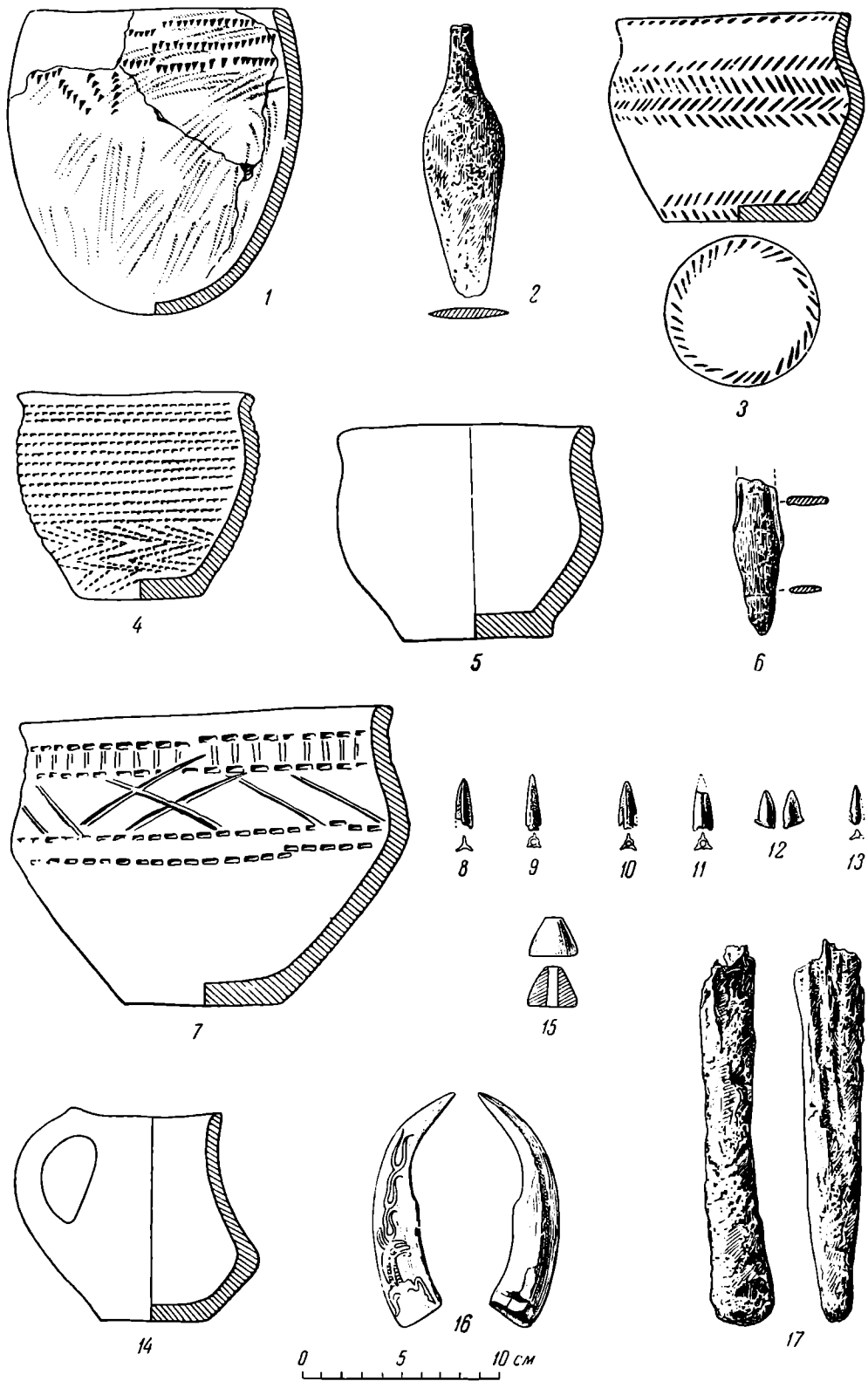

Рис. 49. Вещи из погребений Калиновского могильника:

1 — курган 8, погребение 43; 2 — курган 10, погребение 9; 3 — курган 8, погребение 32;
 4 — курган 10, погребение 4; 5, 6 — курган 6, погребение 6; 7 — курган 12, погребение 17;
 8 — насыпь кургана 12; 9—12 — насыпь кургана 8; 13—14 — курган 8, погребение 1;
 15 — 17 — курган 8, погребение 35.

Во втором погребении полтавкинского типа, обнаруженном в кургане 10 (погребение 4), костяк ребенка 1—2 лет лежал на спине; голова обращена на восток-северо-восток, возле нее найден сосуд баночной формы, украшенный наверху круговыми параллельными бороздками чеканного орнамента, а у дна елочным, выполненным мелкозубчатым штампом (рис. 49—4).

Подавляющую часть погребений, относящихся к эпохе бронзы, составляют срубные погребения; наиболее типичны погребения 6 (курган 6) и 17 (курган 12). В первом случае костяк лежал на левом боку, в скорченном положении, головой на северо-восток. В захоронении обнаружен сосуд баночной формы и обломок бронзового ножа срубного типа (рис. 49—5, 6). Во втором погребении рядом с костяком, лежавшим на левом боку, в скорченном положении, головой на восток, найден острореберный сероглиняный сосуд, украшенный по плечикам чеканным орнаментом. Аналогичные сосуды распространены на территории Нижнего Поволжья (рис. 49—7)¹.

Чрезвычайный интерес представляют находки двух погребений с деформированными черепами. В погребении 28 (курган 8) в квадратной яме с округлыми углами обнаружено парное захоронение (женщины с ребенком 9—10 лет). Оба костяка лежали на правом боку, головой на северо-восток. Возле скелета женщины найдены обломки бронзового колечка. Скелет во втором погребении (курган 10, погребение 6) лежал в том же положении, но головой в противоположную сторону (на юго-запад).

Погребения с деформированными черепами, относящиеся к эпохе бронзы, встречены М. И. Артамоновым на Маныче (курган 3, погребение 8); костяки лежали также на правом боку и в скорченном положении, но были ориентированы головой на восток. Костяки с деформированными черепами встречены у хут. Спорного (курган 11, погребение 45; курган 3, погребение 29), в ур. Три Брата (курганы 1 и 4 в первой группе), в районе Ворошиловграда на Донце и в Каневском уезде Киевщины², у хут. Веселого (курган 3, погребения 6 и 8)³, в кургане 1 близ железнодорожной станции Манас в Дагестане⁴. М. И. Артамонов отмечает, что деформация черепов в Северном Причерноморье особенно часто встречается, начиная с катакомбного времени⁵.

В кургане 8 под сарматским погребением 34 прохоровского типа было обнаружено погребение литейщика. Мужской костяк лежал скорченно на левом боку, головой на восток. Возле головы найден каменный пест, а у ног — орудия производства: две глиняные двустворчатые формы для литья вислобушных топоров различного размера, два глиняных вкладыша для получения проушин топоров, двойная глиняная форма для литья клиновидных топоришков и долот, два глиняных тигля с ручками-выступами, четыре орнаментированных сопла, отщеп светлого кремня, створка раковины *unio pictorum* и кальцинированные кости.

Литейные формы и льячки носят следы длительного употребления⁶.

Эта находка позволяет еще раз подчеркнуть значительную роль местной металлургии в Нижнем Поволжье.

Савроматских погребений VI—V вв. до н. э. встречено четыре; кроме того, в группу предметов из этих погребений следует включить отдельные находки листовидных и трехперых втульчатых бронзовых нако-

¹ «Изв. Саратов. краеведч. ин-та», т. II, стр. 96, рис. 10—11; стр. 97, рис. 15.

² М. И. Артамонов. Раскопки курганов на Маныче. — СА, XI, стр. 335.

³ Там же.

⁴ Раскопки К. Ф. Смирнова (Архив КПИ ИИМК, д. № 460 и 604).

⁵ М. И. Артамонов. Раскопки курганов на Маныче, стр. 335.

⁶ Е. И. Крупнов. Сталинградская археологическая экспедиция (работы 1952 г.). — Вестн. АН СССР, 1953, № 6, стр. 45. Исследованию комплекса захоронения литейщика будет посвящена особая статья.

нечников стрел, встреченных в насыпях курганов 3, 8 и 12 и относящихся к концу V—IV вв. до н. э. (рис. 49—8-12)¹.

Наиболее интересно погребение 35 (курган 8), где обнаружено парное захоронение мужчины и женщины, лежащих рядом, на спине, головой на запад-северо-запад. Яма не прослежена и была срезана грабительским лезом, прорытым в центре кургана. Верхние части костяков разрушены при рытье ямы для погребений 27 и 40.

В захоронении обнаружены железный, почти разрушившийся акинак (с волютообразным навершием и сердцевидным перекрестием) в железных ножнах с бронзовой бутеролью (рис. 49—17), костяное пряслице (рис. 49—15), бронзовая игла, железное шильце и клык кабана с резным изображением фигуры оленя на одной из граней (рис. 49—16). Рисунок частично поврежден. Мастерски вырезанная в профиль голова оленя повернута вправо; глаз изображен в виде небольшого кружка, рот — прямой линией. От затылка ответвляются три пары подковообразно изогнутых отростков. Один конец отростка каждой пары загнут в волюту, другой соединен со следующей парой. Кроме того, над передней частью морды животного нависает отросток рога. Из-за недостатка места туловище изображено в крайне укороченном виде; олень воспроизведен бегущим, на шее прочерчены две заштрихованные полоски, суживающиеся к морде. Назначение их неясно. Передние ноги согнуты в коленях и несколько разведены в стороны.

Описанное изображение отходит от канона скифского искусства Северного Причерноморья, где олень изображался всегда в лежащем положении с подогнутыми ногами. Животное никогда не изображалось в стремительном галопе.

Аналогичные клыки кабанов, но с рельефными изображениями хищников неоднократно встречались в погребениях Нижнего Поволжья и Приуралья и послужили предметом специального исследования Б. Н. Гракова, который отметил роль сибирского звериного стиля в формировании звериного стиля сарматов². Трактовка рогов и корпуса оленя позволяет и здесь видеть влияние сибирского звериного стиля³. Эта находка еще раз подтверждает своеобразие сарматского звериного стиля и его отличия от скифского.

Далее следует упомянуть разрушенное детское погребение 1, где найден чрезвычайно интересный сероглиный лощеный лепной кувшинчик биконической формы (рис. 49—14), находящий полные аналогии по форме и технике изготовления в Моздокском, Нестеровском и других могильниках Северного Кавказа. Аналогичные кувшинчики являются характернейшими и для Прикубанья⁴.

Эта находка свидетельствует о наличии связи между Нижним Поволжьем и Северным Кавказом. Вместе с кувшинчиком обнаружен бронзовый наконечник стрелы конца V в. до н. э.

Очень интересной находкой является глиняный ковш с рукояткой в виде пуговки (разрушенное погребение 15, курган 12).

Погребения прохоровского этапа встречались и в прямоугольных ямах с округлыми углами и в подбойных могилах. В том и другом случае костяки были обращены головой к югу, с небольшими отклонениями к западу и востоку. В одном случае (курган 8, погребение 19) костяк лежал головой на юго-восток. Встречаются одиночные захоронения и коллективные (матери

¹ В. Н. Граков. *Monuments de la culture scythique entre le Volga et les monts Oural.* — ESA, III. Helsinki, 1928, стр. 37.

² В. Н. Граков. Указ. соч., стр. 37 сл.

³ Ср. В. Н. Граков. Указ. соч., стр. 44, рис. 28.

⁴ Н. В. Анфиимов. Меото-сарматский могильник у ст. Усть-Лабинской. — МИА, № 23, стр. 161, рис. 1—7.

и дети). Последнее свидетельствует об умерщвлении детей у сарматов при смерти матери¹. Так, например, в погребении 22 (курган 12) при женском скелете найдено три детских костяка: грудного возраста, 2—3 лет и 5—6 лет (рис. 50—1).

Предметы вооружения представлены мечами с серповидными навершиями и прямыми перекрестиями (рис. 51—1). В одной из могил найден

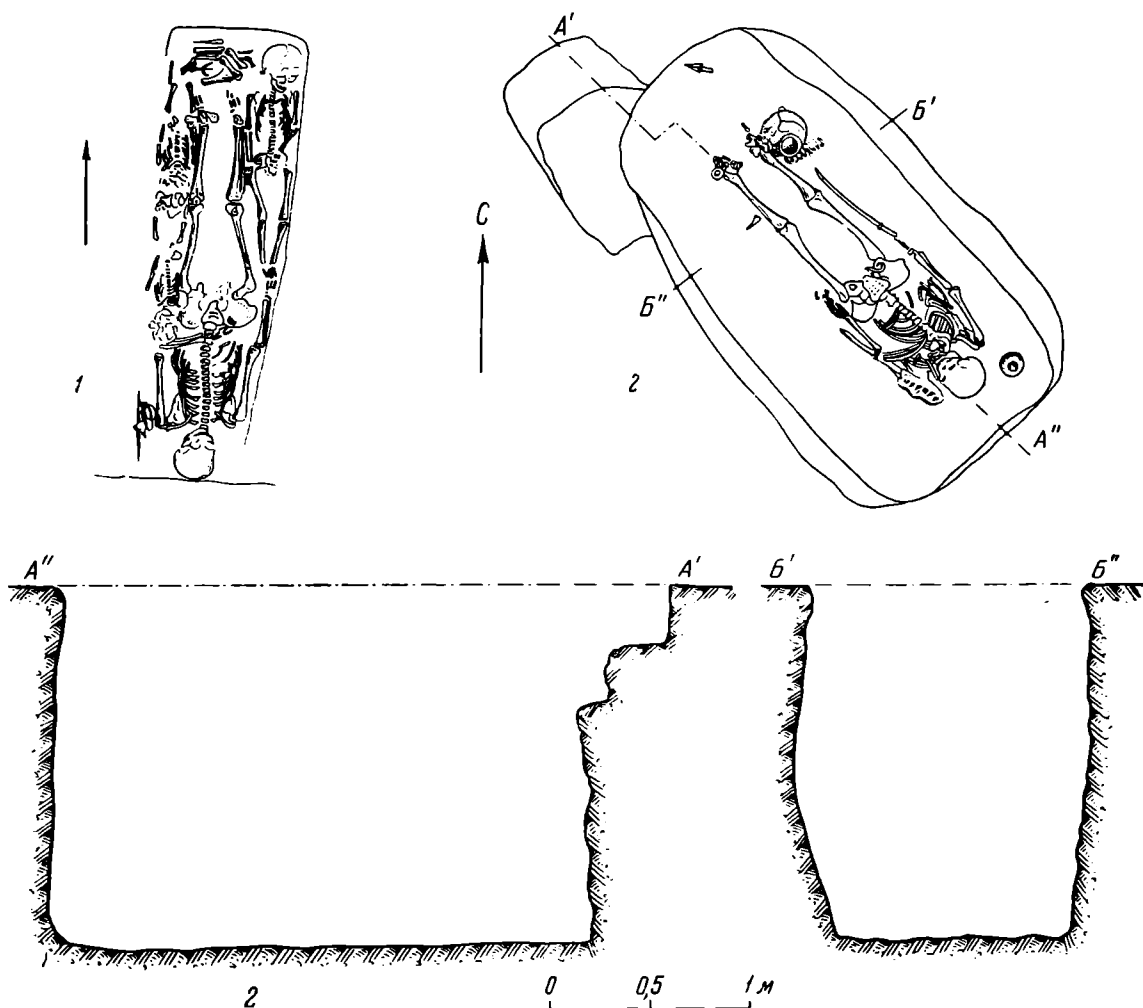

Рис. 50. Погребения Калиновского могильника:
1 — курган 12, погребение 22; 2 — курган 1, погребение 2.

железный крюк для подвешивания меча (рис. 51—11). В отличие от раннего периода, наконечники стрел изготовлялись из железа — трехперые с черешком. Особенно богато в погребениях представлены различные предметы украшения: височные спиральные бронзовые и золотые колечки, бусы гешировые, стеклянные, пастовые и др., обломки зеркал с ободком по краю (диаметр 17—18 см), с острой ручкой (рис. 51—8, 9). Аналогичные зеркала характерны для прохоровских курганов, исследованных С. И. Руденко².

В погребении 9 (курган 3) найден прибор для растирания румян, румяна и белила (рис. 51—5). Интересно, что в ряде женских погребений встречены стенки амфор со стертymi краями, повидимому, употреблявшиеся для получения порошка румян.

¹ И. В. Синицын. Археологические раскопки на территории Нижнего Поволжья. — Уч. зап. СГУ, т. XVII, Саратов, 1947, стр. 27 и сл.

² МАР, № 37.

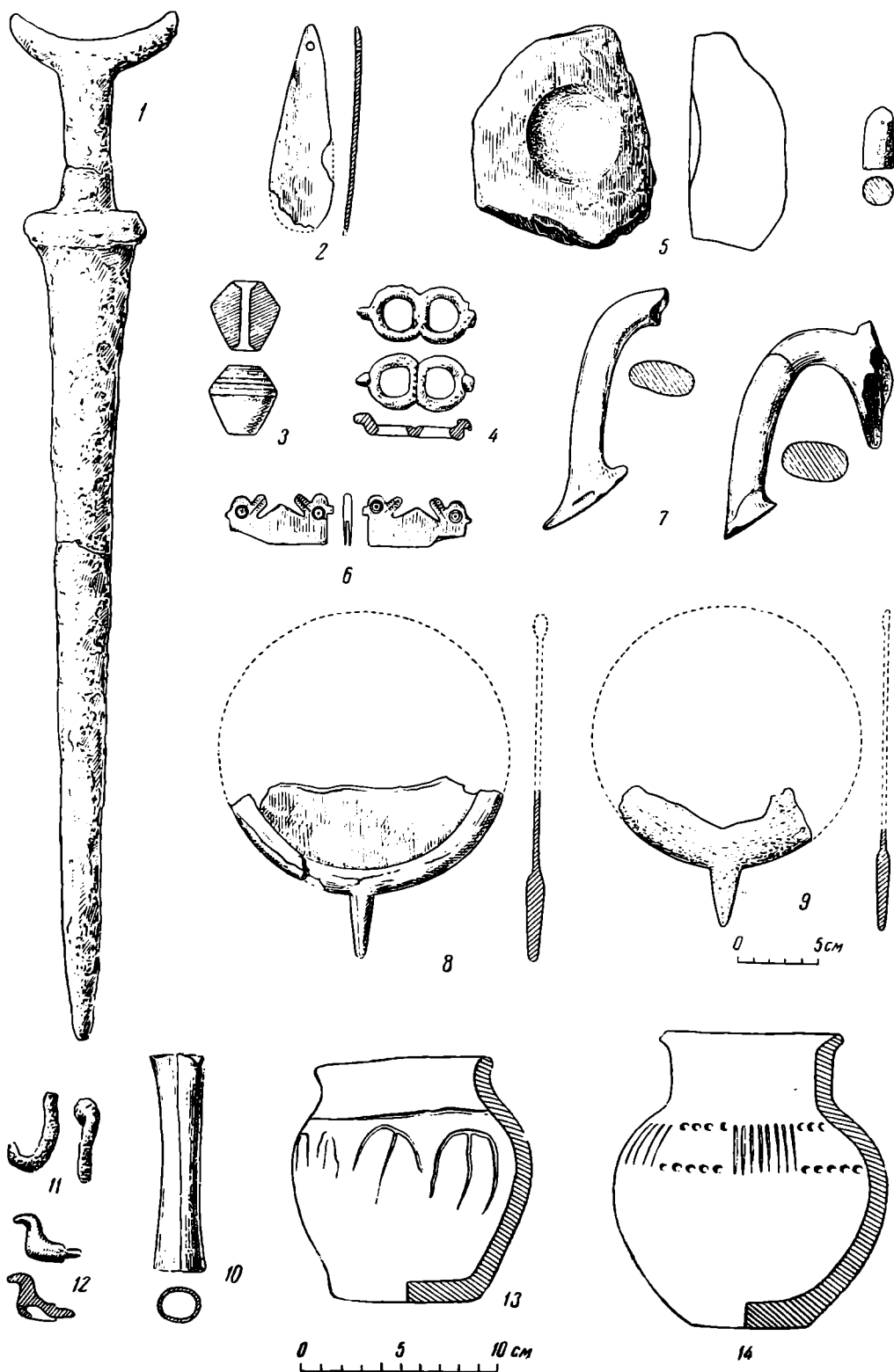

Рис. 51. Вещи из погребений Калиновского могильника:

1 — курган 8, погребение 34; 2 — курган 3, погребение 18; 3 — курган 8, погребение 4;
 4, 5 — курган 3, погребение 9; 6, 8 — курган 12, погребение 22; 7 — насмь кургана 8;
 9 — курган 8, погребение 19; 10 — курган 3, погребение 12; 11 — курган 8, погребение
 34; 12 — курган 8, погребение 40; 13 — курган 8, погребение 10; 14 — курган 8, погребение 4
 (2, 3, 14 относятся к среднесарматскому периоду).

Интересны находки в погребении 40 (курган 8) бронзовой фигурки уточки от ожерелья (рис. 51—12), обоям гребней с рельефным изображением головок лошади, а в погребении 22 (курган 12) с головками уток (рис. 51—6). Аналогичные обоямы найдены И. В. Сеницыным в ряде захоронений, датируемых прохоровским временем¹.

Из орудий труда необходимо упомянуть находки глиняных пряслиц (рис. 51—3) и железные шильца. Предметы быта представлены железными серповидными ножичками, костяными ложками (рис. 51—2) и игольниками (рис. 51—10), округлыми железными пряжками с загнутыми в спираль концами. Любопытна бронзовая восьмеркообразная пряжка из кургана 3. Подобная же пряжка найдена в погребении 3 кургана 17 возле Альт-Веймара на р. Торгуне (рис. 51—4).

Керамика неоднородна по своему составу. Наряду с тщательно сформованными сосудами шаровидной формы, с невысоким горлом с отогнутым наружу венчиком (рис. 51—14), попадаются грубые лепные сосуды, например, сосуд, плечики которого украшены своеобразными фигурками (рис. 51—13), выполненными мелкозубчатым чеканом.

Далее следует отметить находку в насыпи кургана 8 двух овальных в сечении ручек амфор из красной глины (рис. 51—7); последние подтверждают наличие торговых связей с античными городами Северного Причерноморья.

Почти во всех погребениях встречены передние ноги барана, лежавшие в анатомическом порядке. Рядом обычно находится железный нож.

Погребения среднесарматской эпохи по характеру погребальных сооружений делятся на две группы:

1) В глубоких обширных прямоугольных ямах (размером в среднем $2,45 \times 1,33 \times 2,45$ м), вытянутых длинной осью с севера на юг. Стенки могил иногда обкладывались деревом. Яма перекрывалась деревянным накатом из плах. Костяки, как правило, лежат в вытянутом положении, головой на юг или юго-восток (рис. 50—2).

2) В подбойных могилах с ориентировкой костяков на юг.

Для обеих групп характерны находки мечей с прямым перекрестием и кольцевидным навершием (рис. 52—1), втульчатых листовидных наконечников копий с валикообразным утолщением по краю втулки, железных трехперых наконечников стрел.

Из орудий труда отметим находку железной тяпки (рис. 52—2). Подобная тяпка найдена Т. М. Минаевой в 1924 г. в кургане 5 на р. Торгуне, а также в кургане у станицы Северной в Прикубанье.

Особенно многочисленны предметы украшений: обломки плоских диско-видных зеркал небольшого диаметра, характерных для керченских погребений I в. до н. э. (рис. 52—7, 9), бронзовые височные кольца, кусочки мела и румян и др.

Из бытовых предметов упомянем железные округлой формы пряжки с язычком (рис. 52—4, 5), а также большое количество лепных сосудов баночной формы. Среди них выделяется ковш с ручкой, в днище которого вставлен кусок стекла (рис. 52—6). Этот прием хорошо известен занимающимся археологией Кавказа, где вставки в днище сосудов кусков обсидиана встречаются, начиная с эпохи бронзы².

Второй сосудик из боспорской хорошо отмученной красной глины, видимо, попал сюда из Танаиса (рис. 52—3). И, наконец, отметим находку в погребении 2 кургана 4 слегка приплюснутого биконического сосуда с ручкой-петелькой, украшенного по плечикам розетками из вдавленных

¹ И. В. Сеницын. Указ. соч., стр. 58, рис. 32; стр. 59, рис. 34.

² Г. К. Ниорадзе. Могильник «Стеклянного завода». — ПИДО, № 3, 1934, стр. 92, 93, рис. 3.

Рис. 52. Вещи из погребений Калиновского могильника:

1 — курган 12, погребение 23; 2 — курган 8, погребение 2; 3 — курган 6, погребение 5; 4, 6 — курган 4, погребение 2; 5 — курган 8, погребение 34 (датируется прохоровским временем); 7, 9 — курган 3, погребения 15, 18; 8, 10 — курган 15, погребение 1; 11 — курган 16, погребение 1.

концентрических кружков. Наружная поверхность ручки украшена насечками. Сосуды с подобным орнаментом встречены И. В. Синециным при раскопках курганной группы у с. Чербаево¹, особенно много их в Прикубанье и Подонье².

Таким образом, и для погребений этой хронологической группы характерно наличие связей с Кавказом и греческими колониями Северного Причерноморья.

Позднесарматские погребения II—IV вв. н. э. представлены рядом погребений в подбойных могилах с узким колодцем (1,9 × 0,5 м)

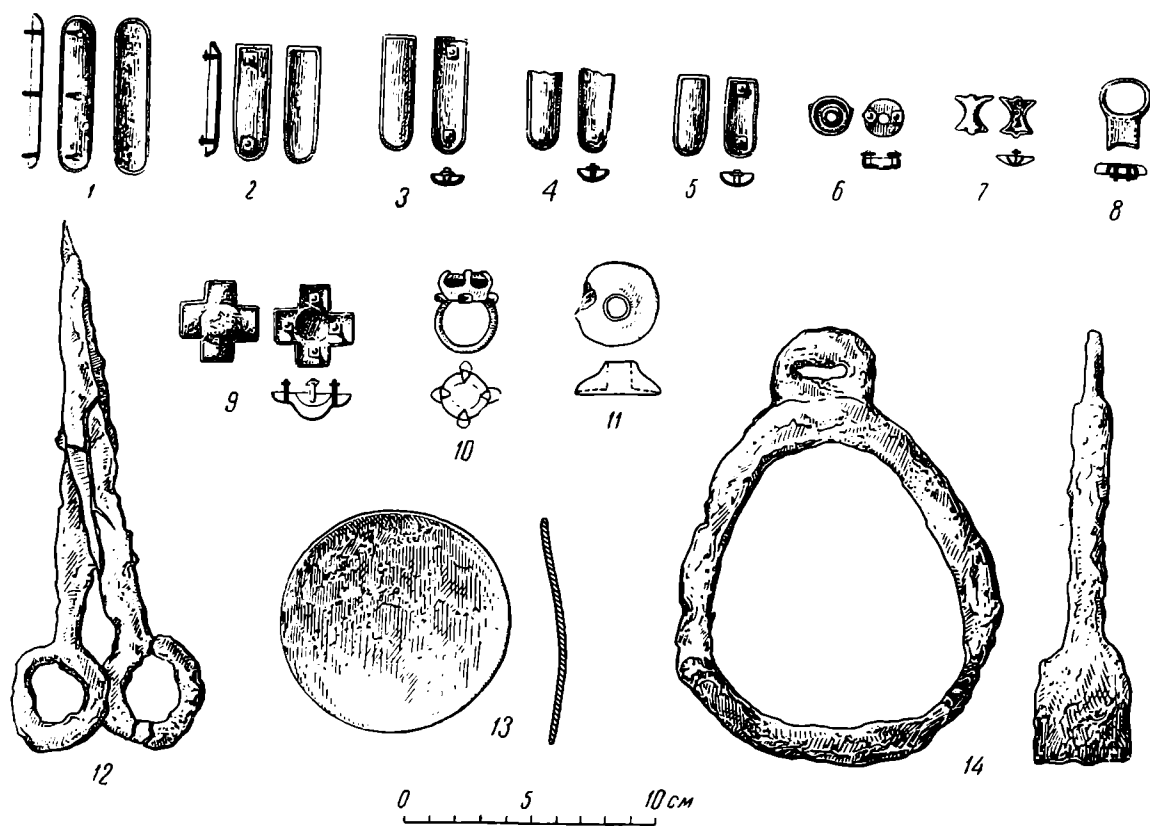

Рис. 53. Вещи из погребений Калиновского могильника:
1—9 — курган 4, погребение 1; 10—14 курган 12, погребение 19.

и в узких прямоугольных ямах (1,85 × 0,5 м). Костяки лежат на спине, в вытянутом положении, головой на северо-северо-запад. В погребениях найдены красноглиняные кувшины, изготовленные на гончарном круге (рис. 52—10), сосуды с шишечками на противоположных концах (рис. 52—8), глиняные лепные сосуды баночной формы, бронзовые зеркала с радиальными валиками и петелькой с обратной стороны, железные с черенком мечи в деревянных ножнах (рис. 52—11) и железные ножи.

Погребений поздних кочевников встречено всего шесть. Хронологически они делятся на две группы: относящиеся к золотоордынскому времени и погребения X—XII вв. н. э. (так наз. торков).

Бесспорно золотоордынского времени найдено лишь два погребения без вещей. Могильная яма одного из них была обложена квадратными

¹ И. В. Синецин. Археологические работы в районе строительства Сталинградской ГЭС. — КСИИМК, вып. L, 1953, стр. 89, рис. 38—4.

² В. И. Сизов. Археологическая экскурсия на Черноморском побережье. — МАК, вып. II, фототипия XXI, 1—2. См. также Т. Н. Книпович. Танаис. М.—Л., 1949, стр. 144, рис. 50.

кирпичами с отпечатками прутьев. Костяк подростка лежал на спине, в вытянутом положении, головой на запад. Во втором погребении, также ориентированном на запад, найден кусок золотой фольги.

Погребения X—XII вв. н. э. сопровождаются, как правило, захоронениями лошадиных голов (иногда с кольчатыми удилами), скаковыми фалангами и копытами лошадей. Повидимому, в могилу обычно выше погребения, иногда на приступке, помещалась шкура лошади с головой и нижней частью ног. В насыпи кургана 12 встречено пять лошадиных черепов. Черепа лошадей найдены также в насыпи курганов 1 и 4.

Погребенных клали в деревянные гробы. Костяки обычно лежат на спине, вытянуто, голова обращена на юг или юго-запад. Из находок орудий труда упомянем свинцовое пряслице с деревянным веретеном (рис. 53—11), железные кольчатые ножницы (рис. 53—12) и ножи; из оружия — острое железной сабли и листовидные черешковые наконечники стрел.

В погребениях встречены и предметы конской сбруи: железные удила и стремяна с широкой площадкой и ушком, характерные для X—XII вв. н. э., различной формы серебряные и бронзовые бляшки (рис. 53—1—6, 9), серебряные бляшки, напоминающие более ранние бронзовые из Зуевского могильника (рис. 53—7), железные кольца.

Особенно богато представлены предметы украшения; среди них: бронзовые пуговицы-бубенчики, нашиваемые параллельно по обеим сторонам кафтана; квадратная кожаная пластинка, покрытая сверху серебром, в центре ее укреплен розетка, вырезанная из дерева и обложенная золотым листом; два серебряных перстня со вставками из сердолика и темного стекла (рис. 53—10); бронзовые зеркала (рис. 53—13).

Таким образом, раскопки Калиновского могильника позволят осветить непрерывную историю края, начиная с III тысячелетия до н. э. по XIV—XV вв. н. э., и наметить культурные связи Нижнего Поволжья с соседними районами.

Во втором пункте, в с. Ново-Никольском, раскопаны два кургана. Могилы оказались ограбленными. Удалось найти лишь обломки костяных обкладок от колчанов, которые позволяют датировать оба погребения золотоордынским временем.

В третьем пункте, у с. Быково, вскрыт один небольшой курган с сарматским погребением. Костяк лежал в подбойной могиле, на спине, головой на юг.

В 1 км к северу от с. Нижний Балыклей отрядом обнаружено поселение золотоордынского времени, но раскопки здесь не производились.

III. МЕЛКИЕ СТАТЬИ И ЗАМЕТКИ

А. П. ЧЕРНЫШ

ФЛЕЙТА ПАЛЕОЛИТИЧЕСКОГО ВРЕМЕНИ

В 1953 г. Днестровской археологической экспедицией Института общественных наук Львовского филиала АН УССР продолжались исследования стоянки Молодова V, находящейся на правом берегу Днестра у с. Молодова Кельменецкого района Черновицкой области.

При исследовании этой стоянки было обнаружено 10 культурных горизонтов с остатками кострищ, кремневыми орудиями и отбросами, большим количеством остатков фауны, поделками из камня и разнообразными изделиями из кости и рога. Среди находок особый интерес вызывает удлиненной формы поделка из рога северного оленя¹, которая была обнаружена в четвертом горизонте, относящемся к позднемадленскому времени (рис. 54). Размеры ее $21 \times 1,3 \times 1,2$ см, цвет поверхности коричневый.

Эта находка встречена на глубине 2,2 м от поверхности; она залегала горизонтально на участке между двумя очажными пятнами. После очистки находки от почвы (суглинка) обнаружено внутри предмета искусственное отверстие диаметром 5—1 мм, просверленное в губчатой массе

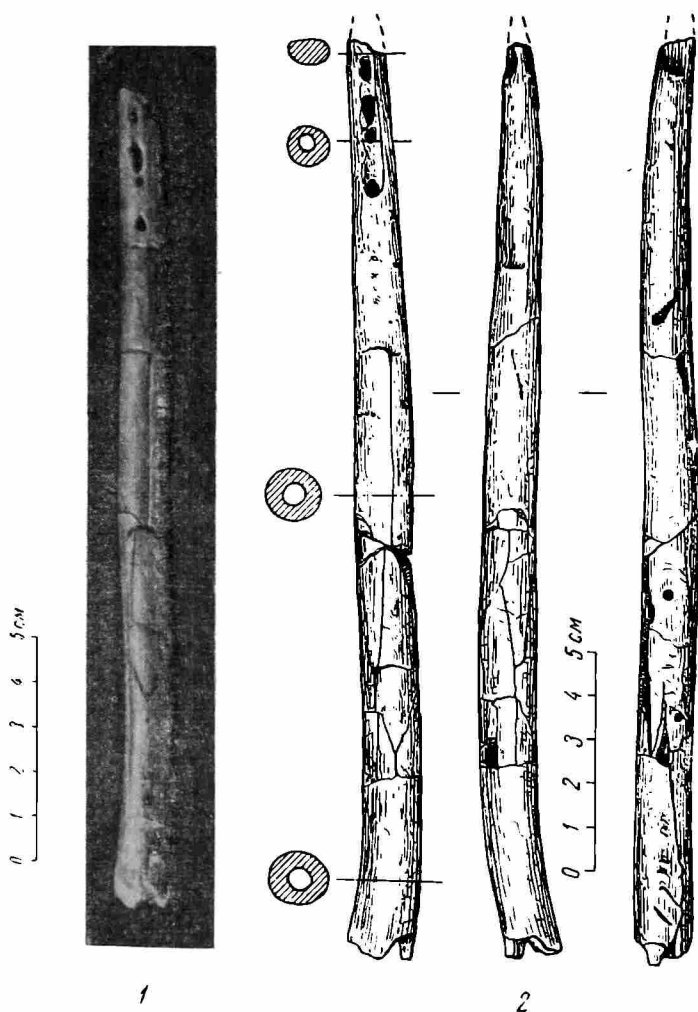

Рис. 54. Флейта палеолитического времени:
1 — фотоснимок; 2 — прорисовка.

¹ Определение И. Г. Пидопличко.

рога; на наиболее узком конце — четыре отверстия размерами 5×2 мм; 6×3 мм; 2×2 мм; 2×4 мм, расположенные по одной линии, на противоположном же конце, с нижней стороны, еще два отверстия диаметром 2 и 1,5 мм. Внутреннее продольное отверстие в роге было не сквозным, оно оканчивалось возле четвертой, крайней сверлины.

Наличие продольного искусственного отверстия и четырех поперечных в наиболее узкой специально обработанной мундштучной части, имеющей, кроме того, полоски, — следы от поперечного обвязывания, а в нижнем конце еще двух небольших отверстий — все это позволяет считать находку музыкальным инструментом типа флейты, впервые встреченным на палеолитической стоянке территории СССР¹.

В литературе по палеолиту можно найти указания на находки палеолитических музыкальных инструментов типа свистков из фаланг животных, свирелей и флейт из трубчатых костей, но внутреннее горизонтальное отверстие у них всегда было естественным.

Так, например, Э. Пьетт в одной из своих работ приводит рисунки свистков, свирелей и «флейт» из нескольких стоянок Франции (Леспюг, Гурдан)². Известна также свирель из Чехословакии со стоянки Дольни Вистоницы³, а также из Англии⁴.

Из всех этих предметов находка со стоянки Молодова V является более совершенной, она наиболее соответствует музыкальным инструментам типа флейт, которые существуют в настоящее время. Кроме этого, необходимо отметить также, что почти у всех народов земного шара до сих пор бытуют народные музыкальные инструменты — свирели, имеющие по несколько отверстий.

Находка «флейты» из отростка рога северного оленя на стоянке Молодова V в 1953 г. еще раз свидетельствует о существовании в позднепалеолитическое время музыкальной культуры.

¹ Этот предмет демонстрировался во время докладов автора на VII научной конференции Института археологии АН УССР в феврале 1954 г. и на Пленуме ИИМК в 1954 г.

² E. Piette. *L'art pendant l'age du renne*. Paris, 1907.

³ Jan Filip. *Praveke československo*. Praha, 1948, стр. 76.

⁴ «British Museum. A guide to the antiquities of the stone age». L., 1921, стр. 67.

С. И. УСПЕНСКИЙ

ВЕРХНЕОКСКАЯ НЕОЛИГИЧЕСКАЯ СТОЯНКА
ТУРЫНИНСКИЕ ДВОРИКИ

В 1944 г. в 3 км восточнее г. Калуги, на левом берегу р. Оки в месте впадения в нее р. Калужки, на невысокой береговой возвышенности (10—12 м над летним уровнем реки) на территории выселка Турынинские Дворики мною были обнаружены остатки неолитической стоянки с большим количеством кремневого инвентаря.

Примечательной особенностью местонахождения стоянки является неглубокое залегание, а местами выход на поверхность морены, изобилующей кремнем высокого качества.

Почти все кремневые предметы найдены в почвенном слое на уплощенной вершине возвышенности, перепаханной под огород. Но некоторые орудия (рис. 55—1) находились в подпочвенном слое, так как были вынуты из грунта, выброшенного на поверхность при рытье современных канав. Часть материала, преимущественно небольшие тонкие сколы, видимо, смытые во время паводка вместе с подрытой льдинами прибрежной почвой, собрана на более низком участке берега (основное место находок — плоская вершина возвышенности заливается водой лишь в исключительно сильные паводки).

Площадь распространения находок имеет форму вытянутого вдоль береговой линии Оки эллипса около 200 м длины и 65—70 м в поперечнике.

Находки концентрируются в виде скоплений, иногда расположенных близко одно от другого, местами же удаленных на 50—60 м. Всего на площади стоянки обнаружено пять таких скоплений.

Обращает на себя внимание тот факт, что инвентарь в каждом из этих скоплений неодинаков, и в общем комплексе различаются две более или менее четкие типологические группы орудий. Орудия первой группы (рис. 55) характеризуются массивностью и сравнительно грубой выделкой; некоторые из них (рис. 55—5, 11) являются как бы переходными к более совершенной технике изготовления.

Орудия второй группы (рис. 56) отличаются общей легкостью, тонкостью выделки рабочего края и дифференцированностью форм. В сравнении со вторыми орудия первой группы выглядят архаичнее и в техническом отношении примитивнее.

Всего на площади стоянки найдено более 100 орудий (в том числе частично фрагментированных), много мелких обломков, несколько заготовок, восемь призматических нуклеусов и большое количество осколков.

Комплекс кремневых орудий довольно разнообразен. Здесь имеются ножи (рис. 56—6, 13), иногда с концом, обработанным в виде скребка (рис. 55—11). Представлены скребки различных форм: округлые

(рис. 55—5), концевые (рис. 55—4, 9; рис. 56—10, 11), вогнутые (рис. 55—3). Интересен крупный скребок (рис. 55—9), напоминающий долотовидное орудие. Имеются резцы (рис. 55—8; рис. 56—14, 15), проколки (рис. 56—17), черешковые наконечники стрел (рис. 56—2, 4),

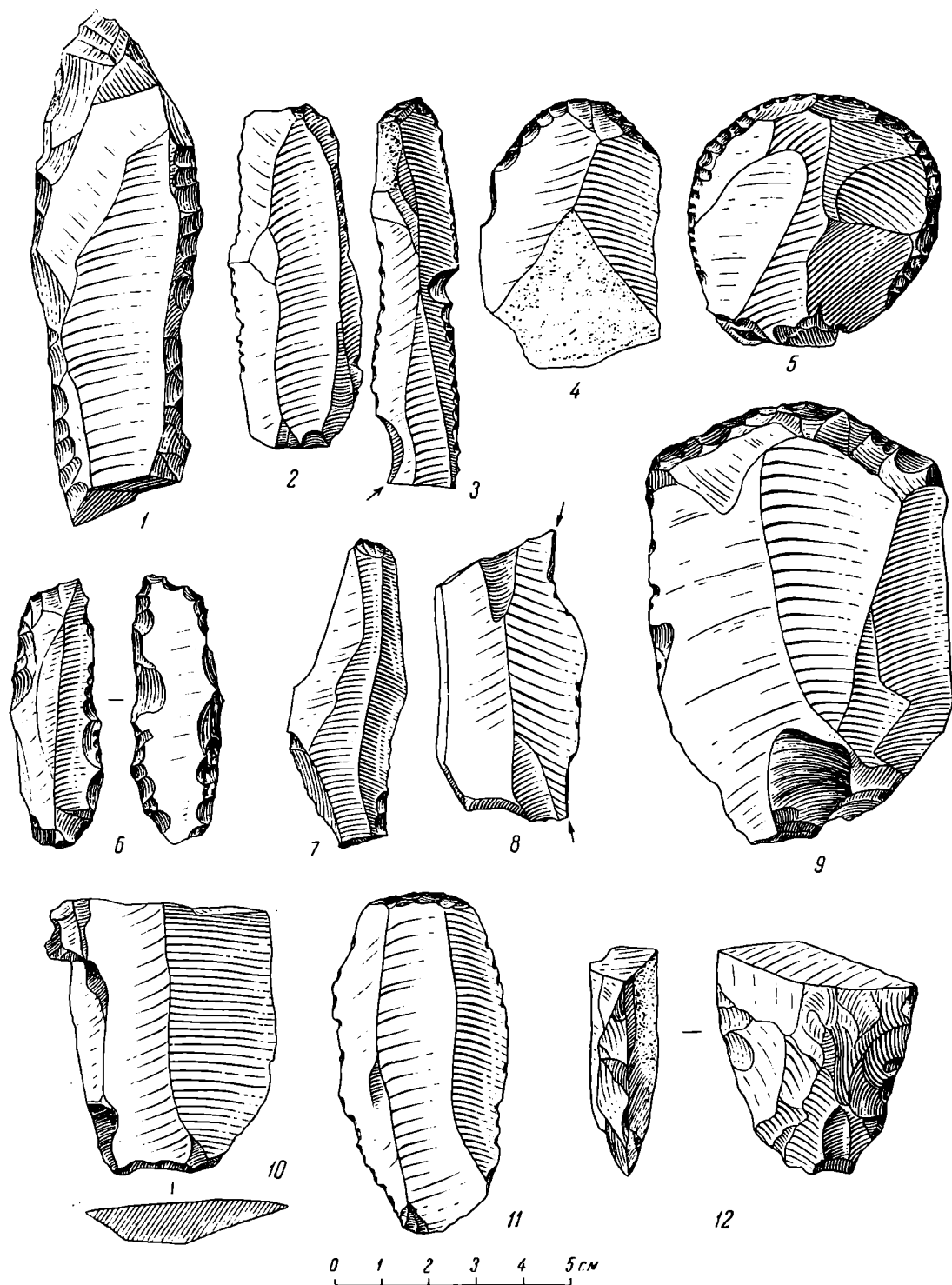

Рис. 55. Кремневые орудия со стоянки Турьинские Дворики.

среди которых есть и более ранней формы (рис. 56—2). Один из наконечников (рис. 56—4), отличающийся от остальных орудий совершенством формы и выделки, представляется нам предметом более позднего происхождения. Среди кремневого инвентаря встречены также ножевидные пла-

стинки (рис. 56—5, 9), очень хорошо ограненные; грубо обитые рубящие орудия (рис. 55—12; рис. 56—19), нуклеусы (рис. 56—18), призматические, хорошо ограненные. Кроме того, на площадке собрано большое коли-

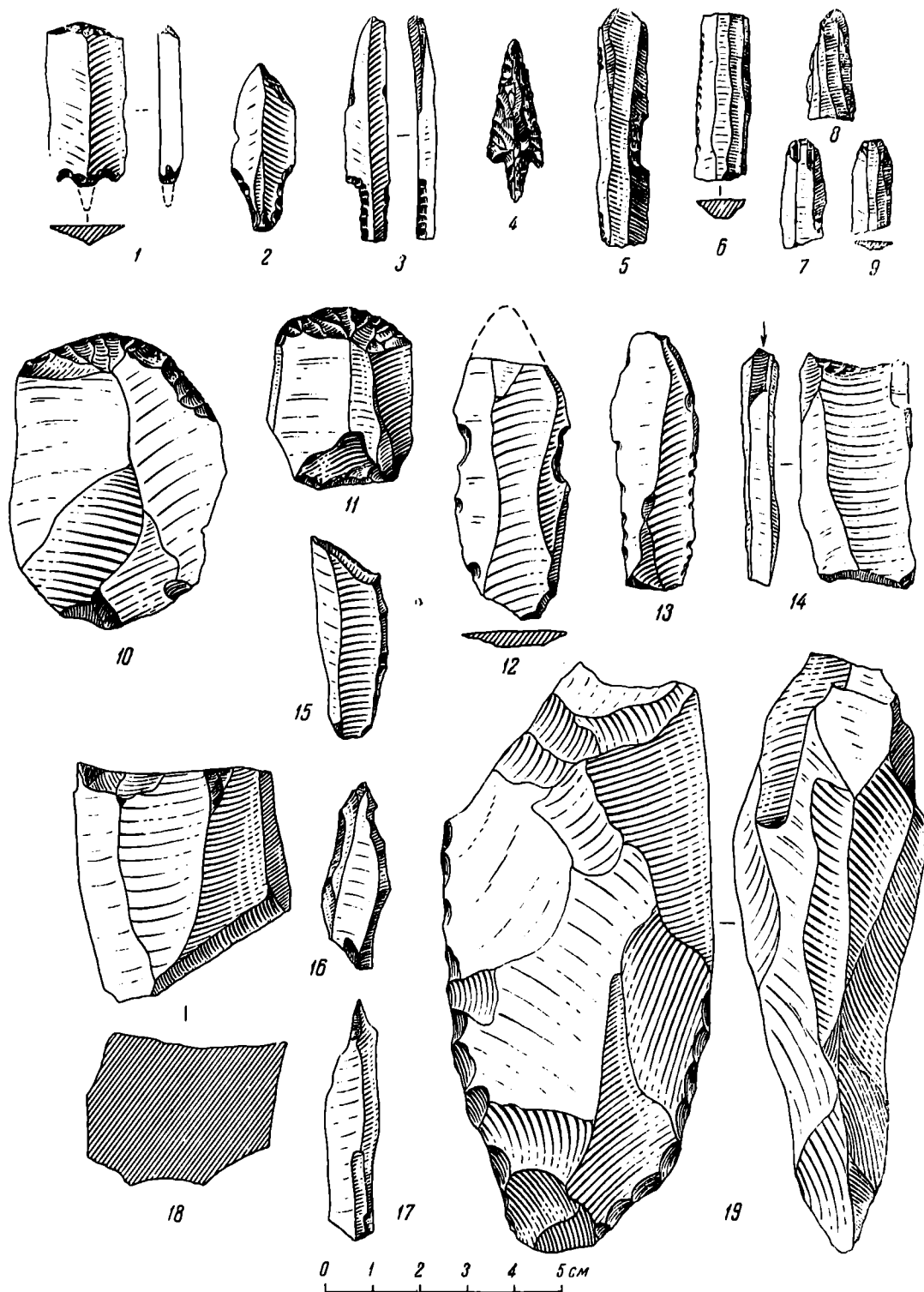

Рис. 56. Кремневые орудия со стоянки Турьинские Дворики.

чество пластинок с острыми режущими краями, часто со следами использования.

Орудия сделаны из кремня, который в изобилии находится в морене. Значительная часть орудий изготовлена из цветного кремня и сохранила валунную корку, остальные из черного кремня хорошего качества

(рис. 55 — 10 и рис. 56 — 2, 3, 7, 10, 11, 13, 15, 16). Некоторые предметы слегка патинированы и имеют голубоватый оттенок (рис. 55 — 6, 10; рис. 56 — 1, 8). На трех орудиях густая молочнобелая патина (рис. 55 — 1).

Культурный слой стоянки, вероятно, был незначительным, к тому же он сильно нарушен длительной перепашкой и смешался с почвенным слоем. Фрагментов керамики пока не обнаружено. Не обнаружено и орудий со следами шлифовки, пиления или сверления.

Датировать памятник в силу обстоятельств — потревоженность культурного слоя, отсутствие керамики и костных остатков — приходится главным образом на основании типологической характеристики кремневых орудий.

В описанном комплексе орудий сочетаются черты раннего и позднего неолита с элементами перехода к энеолиту¹. Такое смешение типологических особенностей, по заключению А. Я. Брюсова², составляет характерную черту верхнеокского неолита, так называемой белевской культуры. Как уже говорилось, орудия на стоянке группировались по скоплениям, одни из них (более грубые и архаичные) встречались в одном месте, другие (более совершенные) — в другом. Резкого различия между ними нет, наблюдается даже определенная типологическая преемственность. Повидимому, описанные находки можно отнести именно к белевской культуре неолита верхней Оки.

Не исключено, что собранные на стоянке кремневые орудия относятся к различным периодам неолита и, возможно, к самому началу эпохи бронзы (черешковый наконечник стрелы). По всей вероятности, открытая нами стоянка существовала в течение длительного времени, но принадлежала к числу временных или, точнее говоря, сезонных стоянок, население которых занималось здесь рыбной ловлей и изготовлением орудий из высококачественного кремня.

¹ Для некоторых орудий, в частности, для изображенных на рис. 55, есть основания предполагать более ранний возраст, чем неолитический.

² А. Я. Брюсов. Белевская неолитическая культура. — КСИИМК, вып. XVI, 1947, стр. 15—21.

А. В. В И Н О Г Р А Д О В

НЕОЛИТИЧЕСКИЕ УКРАШЕНИЯ ИЗ СТВОРОК РАКОВИН DIDACNA

(По материалам раскопок в Северной Туркмении)

Археологические исследования, произведенные в последнее десятилетие на территории Средней Азии и Казахстана, показали, что многие степные и пустынные районы северной части этих областей были густо заселены еще в первобытную эпоху. Здесь открыт ряд местных неолитических и энеолитических культур конца IV—III тысячелетий до н. э., объединяемых относительно единым на огромной территории кремневым инвентарем так называемого кельтеминарского типа, близким инвентарю неолитических и энеолитических стоянок Западной Сибири и Приуралья. Собранный материал позволяет наметить основные черты культуры и хозяйства людей, населявших эти области в эпоху неолита, и дает возможность относительной датировки и изучения культурных связей различных областей. В большей степени это относится к открытой и изученной Хорезмской экспедицией АН СССР кельтеминарской культуре (правобережье Аму-Дарьи и Приуралья), в меньшей степени — к открытым в последнее время многочисленным стоянкам эпохи неолита и энеолита в Северной Туркмении.

Русло Узбоя и ряд примыкающих к нему районов были подвергнуты в 1951—1953 гг. тщательному археологическому обследованию отрядами Хорезмской экспедиции¹, в результате которого открыто большое число развешенных стоянок, относящихся к неолиту и эпохе бронзы.

Кремневый инвентарь неолитических стоянок сильно напоминает инвентарь кельтеминарских стоянок Правобережного Хорезма, Казахстана и находки в Джебельской пещере, открытой и раскопанной А. П. Окладниковым на юго-западном склоне Большого Балханского хребта. Помимо различных изделий из кремня, кварцита, кремнистого известняка и фрагментов керамики, на стоянках собран хотя и небольшой, но крайне интересный материал для изучения различных сторон жизни людей эпохи неолита. Мы имеем в виду найденные в нескольких пунктах украшения из створок каспийских раковин (рис. 57).

Подобные украшения не являются первыми найденными в этой области. В 1947 г. А. П. Окладниковым в северо-западной приморской части Туркмении у мыса Куба-Тенгир была обнаружена мастерская по изготовле-

¹ С. П. Толстов. Археологические разведки по трассе Главного Туркменского канала (русло Узбой). — КСИЭ, XIV, 1952; его же. Археологические работы Хорезмской экспедиции АН СССР. — ВДИ, 1952, № 2; его же. Хорезмская археолого-этнографическая экспедиция АН СССР 1950 г. — СА XVIII.

нию украшений из раковин. Основную массу находок составили створки раковин *Didaspa* с просверленными в них отверстиями и большое количество заготовок¹. По сопровождавшим кремневым орудиям, служившим для выделки украшений (микролитические острия из пластинок с притупленной спинкой, скребки, ножевидные пластины), и по фрагментам грубого глиняного сосуда черного цвета мастерская была датирована А. П. Окладниковым временем, близким к поздним капсийским поселениям.

При опубликовании материалов мастерской А. П. Окладников высказал предположение о значении мастерской как центра по изготовлению украшений для большого района, заселенного неолитическими племенами, «косвенно

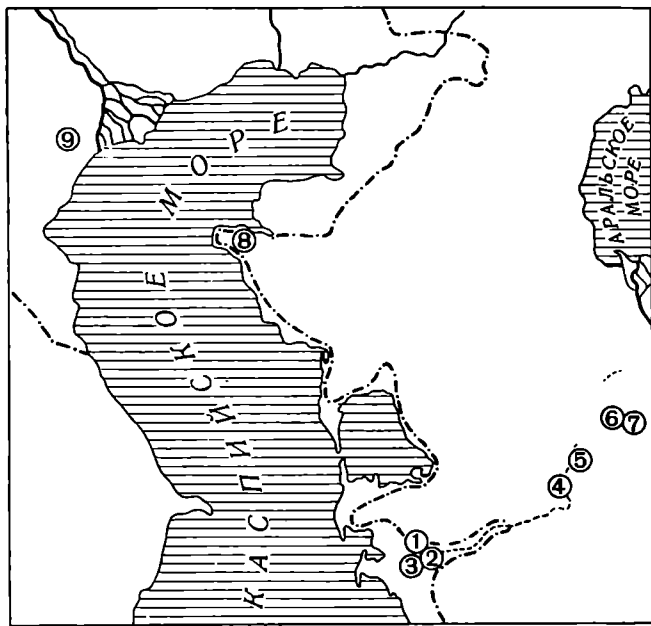

Рис. 57. Карта распространения украшений из раковин *Didaspa*.

1 — мыс Куба-Тенгир; 2 — пещера Кайлю; 3 — пещера Джебел. 4 — стоянка Бала-Ишем-8; 5 — стоянка Чарышлы-1; 6 — стоянка Хатыб-Кую-1; 7 — стоянка Гяур-1; 8 — стоянка на полуострове Мангышлак; 9 — стоянка Зензели. Пунктирной линией обозначена граница максимальной трансгрессии Каспия (Хвалынский бассейн) по И. П. Герасимову и К. К. Маркову, 1939.

свидетельствующего о зарождении каких-то широких межплеменных связей, хотя бы и этапных по характеру, но, во всяком случае, по своему масштабу выходящих... за узкие пределы одной какой-либо родовой общины»².

Находки на верхнем отрезке русла Узбой в значительной степени подтвердили предположения А. П. Окладникова.

Створки *Didaspa* относятся к солоноватоводным древнекаспийским отложениям и характерны для трансгрессивных верхнекаспийских свит. В районах первичного залегания створок *Didaspa* можно отметить еще несколько пунктов находок украшений и заготовок для них, сопровождаемых неолитическим кремневым инвентарем. Бусы из раковин, с просверликами в середине или с краев створки с гладкой внутренней стороны

обнаружены А. П. Окладниковым в культурных слоях упоминавшейся нами Джебельской пещеры вместе с микролитическим кремневым инвентарем³. В 1952 г. им же найдены украшения из раковин при раскопках грота и неолитического могильника близ станции Кайлю⁴.

Окатанные створки *Didaspa*, возможно, заготовки для изготовления украшений, обнаружены на п-ве Мангышлак на территории Казахстана и так же, как и в других случаях, вместе с кремневым пластинчатый инвентарем (концевые скребки на широких ножевидных пластинах, резцы различ-

¹ А. П. Окладников. Изучение древнейших археологических памятников Туркмении. — КСИИМК, вып. XXVIII, 1949, стр. 67—71.

² А. П. Окладников. Указ соч., стр. 70.

³ Там же.

⁴ А. П. Окладников. Изучение памятников каменного века в Туркмении. — Изв. АН Туркменской ССР, 1953, № 2.

ных типов, проколки, вкладышевые пластины с притупленной спинкой; рис. 58)¹. М. В. Баярунас отмечает находки кремневых орудий вместе с обломками *Didacna trigonoides* у подножия северных чинков Усть-Юрта (урочище Мынсуалмас)².

Находка бус из раковин известна в Северном Прикаспии, где древнекаспийские отложения покрывают большую часть Прикаспийской низменности. Бусы были найдены И. В. Синецким на развешанной дюнной

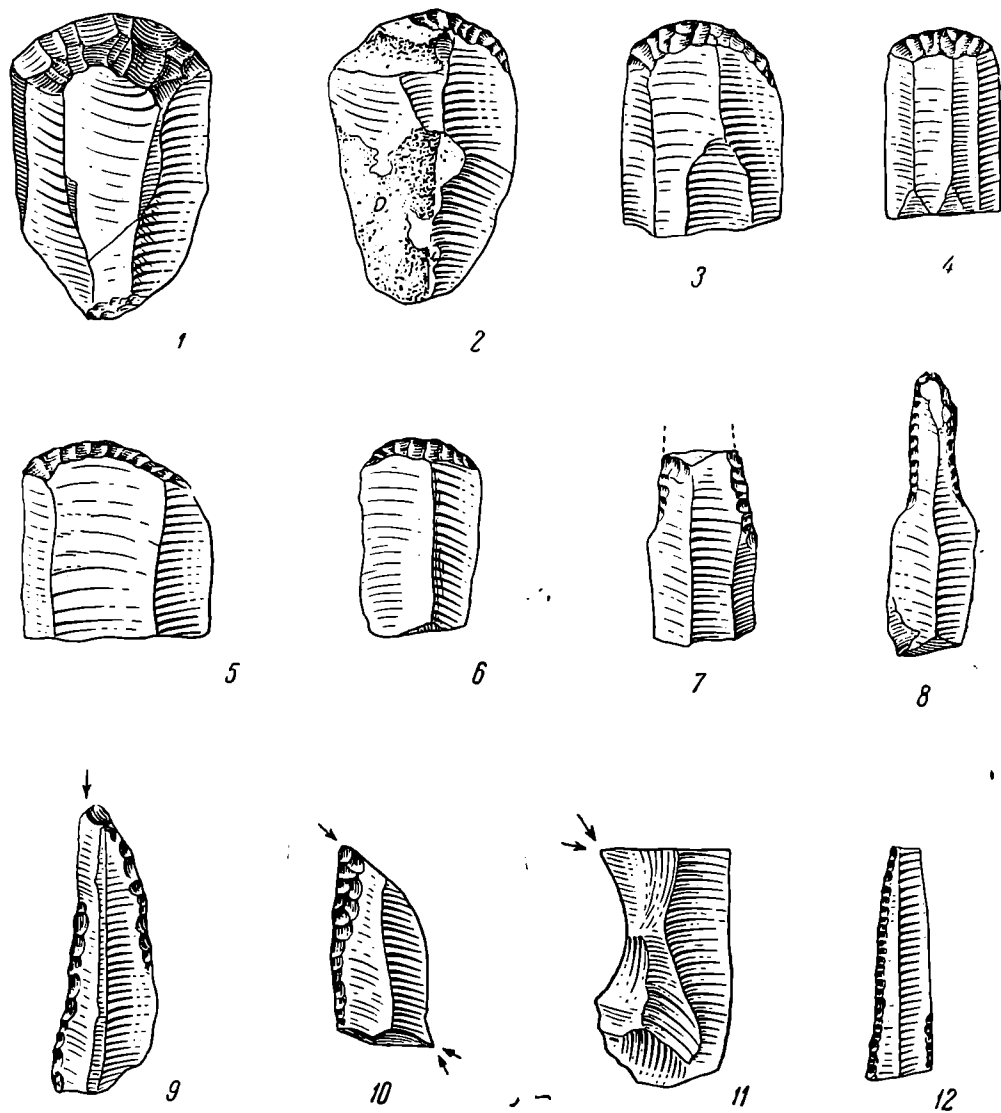

Рис. 58. Кремневые орудия со стоянки в песках Кызыл-Кум на полуострове Мангышлак.

стоянке у с. Зензели, сопровождаемые богатым микролитическим кремневым инвентарем³.

¹ Сборы Б. Борнемана 1926 г., хранятся в Музее антропологии и этнографии АН СССР в Ленинграде.

² М. В. Баярунас. К геологии Гурьевского уезда Уральской области. — «Тр. Петрогр. об-ва естествоиспыт.», т. XXXVIII, вып. 5, отд. геол. и минерал. Пг., 1916.

³ И. В. Синецкий. Древнейшие памятники Приморского района... — «Изв. Нижне-Волжск. ин-та краеведения», т. VI. Саратов, 1933. Украшения из створок *Didacna* найдены также в более южных районах Туркмении, в памятниках культуры Анау (материалы не опубликованы), а также в Северном Иране, среди материала из верхних неолитических слоев пещеры Белт (С. Goop. Cave exploration in Iran, 1949. Philadelphia, 1951).

Наибольший интерес представляют находки украшений из створок *Didaspa* за пределами района распространения их в коренном залегании.

По данным А. С. Кесь, наличие трансгрессивных каспийских отложений характерно лишь для средней и нижней частей долины Узбоя, примерно начиная от колодцев Тоголак. На наиболее высокой IV террасе Узбоя раковины каспийской фауны обнаружены лишь на нижнем участке русла Узбоя, начиная от района колодца Аджикую, а на III террасе, соответствующей более низкому уровню Каспийского моря, — только от района оз. Топиатан. На верхнем участке русла Узбоя IV терраса сливается с отложениями Сарыкамыша в эпоху его максимального уровня и содержит исключительно пресноводную фауну.

Интересующие нас находки сделаны в различных местах вдоль верхнего участка русла Узбоя¹.

Стоянка Бала-Ишем-8 обнаружена на левом берегу сухого русла в 13 км к северу, от колодца Бала-Ишем. Культурный слой развеван, кремневые подделки и раковинные украшения собраны с поверхности песка в небольшой котловине выдува. На основании проведенной шурфовки слои, подстилающие находки, были определены как относящиеся к IV террасе Сарыкамыша (определение геолога В. Н. Кравчук).

Кремневые изделия представлены большим количеством мелких ножевидных пластин, часто с подретушированными длинными краями, выемчатыми пластинами, скребками на отщепках округло-овальных форм и концевыми скребками. Особо следует отметить двусторонне обработанный тщательной отжимной ретушью наконечник стрелы листовидной формы с выемкой в основании, позволяющий датировать стоянку не ранее начала III тысячелетия до н. э.

Помимо изделий из кремня, обнаружено два экземпляра украшений из створок *Didaspa* sp. (определение А. Г. Эберзина). Оба — неправильно овальной формы, сильно окатанные или отполированные, с коническими отверстиями посередине, просверленными со спинки. Начальный диаметр отверстия — 3 мм. Одна из бусин обломана посередине.

Створка *Didaspa* sp. с заполированными краями, но без отверстия, обнаружена в том же году на другой неолитической стоянке, расположенной несколько севернее, в районе колодцев Чарышлы (стоянка Чарышлы-1).

Работами Заунгузского отряда Хорезмской экспедиции в 1953 г. область распространения украшений из раковин *Didaspa* значительно расширена. Новые находки сделаны в районе между верхним отрезком русла Узбоя и нижним течением Аму-Дарьи². Это — развеванные дюнные стоянки Хатыб-Кую-1 и Гяур-1, на которых вместе с богатым набором неолитических кремневых орудий встречены и раковинные створки с просверленными в них отверстиями: на первой стоянке — одна бусина, на второй — четыре и две заготовки без отверстий.

Находки украшений из раковин *Didaspa* на верхнем Узбое и левобережье Аму-Дарьи в значительной степени подтверждают предположения А. П. Окладникова и дают новый материал для определения оживленных межплеменных связей различных районов в неолитическое время. Следует отметить, что среди небольшого числа предметов украшений, найденных на узбойских неолитических стоянках, украшения из раковин *Didaspa* занимают довольно большое место. Хорошо доступные племенам приморских районов раковины могли путем обмена попасть в районы более отдаленные как в виде готовых изделий, так и в виде сырья для изготовления украше-

¹ С. П. Толстов. Археологические работы Хорезмской экспедиции АН СССР, ВДИ, 1952, № 2.

² С материалами 1953 г. нас любезно ознакомила начальник Заунгузского отряда М. А. Итина.

ний на месте. У нас нет оснований утверждать, что все верхнеузбойские раковинные бусинки сделаны в мастерской у мыса Куба-Тенгир, так как материал этих районов несколько различается по приемам изготовления. Для бусин из мастерской характерны биконические отверстия, просверленные на одном из концов раковины, для верхнеузбойских — коническое отверстие в центре.

Почти полное тождество кремневого инвентаря неолитических стоянок верхнего Узоя и правобережья Аму-Дарьи позволяет ожидать подобного рода находок и на правобережье, в основном районе распространения кельтеминарской неолитической культуры.

Какие-либо хронологические сопоставления местонахождений кремневого инвентаря вместе с раковинными украшениями в настоящее время провести чрезвычайно трудно. Следует только отметить, что большее число стоянок, несомненно, относится к заключительному этапу позднего неолита (дата мастерской у мыса Куба-Тенгир нам кажется слишком ранней). Исключения представляют лишь находки с п-ва Мангышлак, которые при наличии ряда общих черт с верхнеузбойским материалом (узкие и длинные проколки на ножевидных пластинах — рис. 58 — 7, 8; вкладыши с притупленной спинкой — рис. 58 — 12), отличаются большим количеством резцов различных типов (рис. 58 — 9-11) и отсутствием двусторонне обработанных форм, что позволяет говорить об их относительно большей древности.

По мере накопления материала представится возможность датировки периода, для которого характерно наличие на стоянках украшений из створок *Didacna*, а вместе с тем и возможность датировки некоторых геологических явлений недавнего прошлого.

Е. К. ЧЕРНЫШ

РЕЗЦЫ С ТРИПОЛЬСКИХ ПОСЕЛЕНИЙ

Среди многочисленных кремневых орудий труда с памятников трипольской культуры резцы встречаются чрезвычайно редко. Видимо, употребление их у трипольских племен было очень ограничено. Несмотря на широкое изучение памятников трипольской культуры, резцы обнаружены лишь на некоторых поселениях, расположенных преимущественно в бассейне Днестра.

Находки эти, за редким исключением, не опубликованы и потому не были включены даже в работу Б. Л. Богаевского, посвященную исключительно орудиям труда, относящимся к трипольской культуре, хотя книга издана в 1937 г.¹ Приведенный пример показывает, насколько несвойственным триполью орудием считались резцы до последнего времени.

Первое упоминание о трипольских резцах появилось в литературе в 1931 г.² В одном из разделов статьи О. Кандыбы об орудиях, относимых к «культуре расписной керамики» в восточной Галиции, отмечается, что для трипольских поселений этой территории характерны кремневые резцы следующих форм: срединные, асимметричные, боковые и угловые.

Е. Ю. Кричевский в статье «Ранний неолит и происхождение трипольской культуры»³ среди кремневых орудий труда раннетрипольских поселений у сел. Сабатиновка и Кадиевцы описывает находки резцов и публикует два экземпляра с поселения у с. Кадиевцы. Один из них автор отмечает как архаичной формы двусторонний угловой резец; второй, по описанию Е. Ю. Кричевского, представляет собой обычное комбинированное орудие — резец-скребок. Из резцов, найденных в 1938 г. в ур. Жовтякова Круча у с. Сабатиновки (Ульяновский р-н Одесской обл.), он выделяет группу очень архаичной формы: «Резцы с долотоподобными остриями, изготовленные из нуклеоидных отщепов». Длина орудий колеблется между 2,2 и 6 см.

Этим, собственно, и ограничиваются литературные данные. А между тем целый ряд коллекций резцов свидетельствует о применении их на всем протяжении развития трипольской культуры племенами, обитавшими в бассейнах рек Днестра, Горыни и Южного Буга.

Наиболее полные коллекции находятся в Львовском историческом музее, что и натолкнуло нас на мысль опубликовать некоторые из собранных здесь орудий.

¹ Б. Л. Богаевский. Орудия производства и домашние животные Триполья. Л., 1937.

² А. К а н д у б а. Kamenné nástroje neolithické malované keramiky v Haliči. 1930—1931.

³ Сб. «Палеоліт і неоліт України». Київ, 1947, стр. 394.

Одна из наиболее крупных коллекций резцов (9 экз.) собрана М. Ю. Смишко при раскопках раннетрипольского поселения у с. Городницы (Городенковский р-н Станиславской обл.). Большинство этих резцов найдено в трипольских жилищах. Изготовлены они из пластин полупрозрачного дымчатого кремня хорошего качества. Размеры орудий колеблются от 4,2 до 6,4 см при ширине пластин 1,7—2,7 см.

По форме резцы подразделяются на следующие группы:

1) Боковые (рис. 59—1). Рабочий конец сформован резцовым сколом и идущей к нему под углом отретушированной гранью пластины. Кроме того, на изображенном экземпляре обе боковые грани пластины отретушированы со стороны брюшка.

2) Срединные (рис. 59—2). Лезвие сформовано двумя сколами; на режущих краях пластины сохранились, кроме того, следы употребления ее в качестве ножа. Другой (рис. 59—3) представляет собой комбинированное орудие — резец-скребок.

Более редким экземпляром является тройной резец (рис. 59—5), состоящий из рабочих лезвий двух угловых резцов (каждый из которых образован одним резцовым сколом) и одного срединного, сформованного четырьмя резцовыми сколами; так же редко встречается и орудие (рис. 59—4), имеющее четыре рабочих лезвия угловых резцов (каждое лезвие сформовано одним сколом).

Большинство орудий этой коллекции выполняло двойную функцию: резцы-скребки и резцы-ножи.

В значительно меньшем количестве известны резцы с других раннетрипольских поселений. Так, небольшое число угловых резцов найдено на поселении в Луке-Врублевецкой (Хмельницкий р-н и обл.)¹.

Один резец есть среди материалов из раскопок М. Я. Рудинского в с. Озаринцы². Первоначально орудие служило серпом: одна из граней пластины отретуширована и заполирована от работы. Видимо, после того как орудие затупилось, его использовали в качестве резца, отколов под углом часть пластины.

Большой интерес представляет резец из с. Браги (Хмельницкий р-н и обл.). Он найден на раннетрипольском поселении в 1946 г. во время разведки П. И. Борисковского³. Это срединный резец, изготовленный из массивного отщепа синевато-серого кремня хорошего качества. Конец орудия формируют четыре резцовых скола. Надо заметить, что резцы из отщепов в трипольских поселениях встречаются очень редко.

Кроме собрания резцов из Городницы, в Львовском историческом музее хранятся небольшие коллекции с поселений периода расцвета трипольской культуры. Это резцы из сел. Залещики и Бучач.

Резцы (4 экз.) из с. Залещики (Залещицкий р-н Тернопольской обл.) следующих форм:

1) Боковые. К ним относится, например, орудие (рис. 59—12), сделанное из длинной узкой пластины; рабочий конец образован одним резцовым сколом и отретушированной гранью пластины, идущей перпендикулярно к нему.

2) Срединные. Один из них — резец-скребок (рис. 59—6) сформован двумя сколами. Другой (рис. 59—7) изготовлен из пластины серого матового кремня, края которой прекрасно отретушированы. Два скола на конце пластины образуют рабочее лезвие. Резцы с этого поселения довольно крупные. Величина их колеблется между $6,3 \times 2,7$ см и $11,6 \times 1,8$ см.

¹ С. Н. Бибиков. Раннетрипольское поселение Лука-Врублевецкая на Днестре. МИА, № 38, 1953, стр. 91 и стр. 306, табл. 14, 2-3, к.

² Коллекция хранится в фондах Гос. исторического музея в Киеве (резец № 41/21).

³ Коллекция хранится в Институте археологии АН УССР в Киеве.

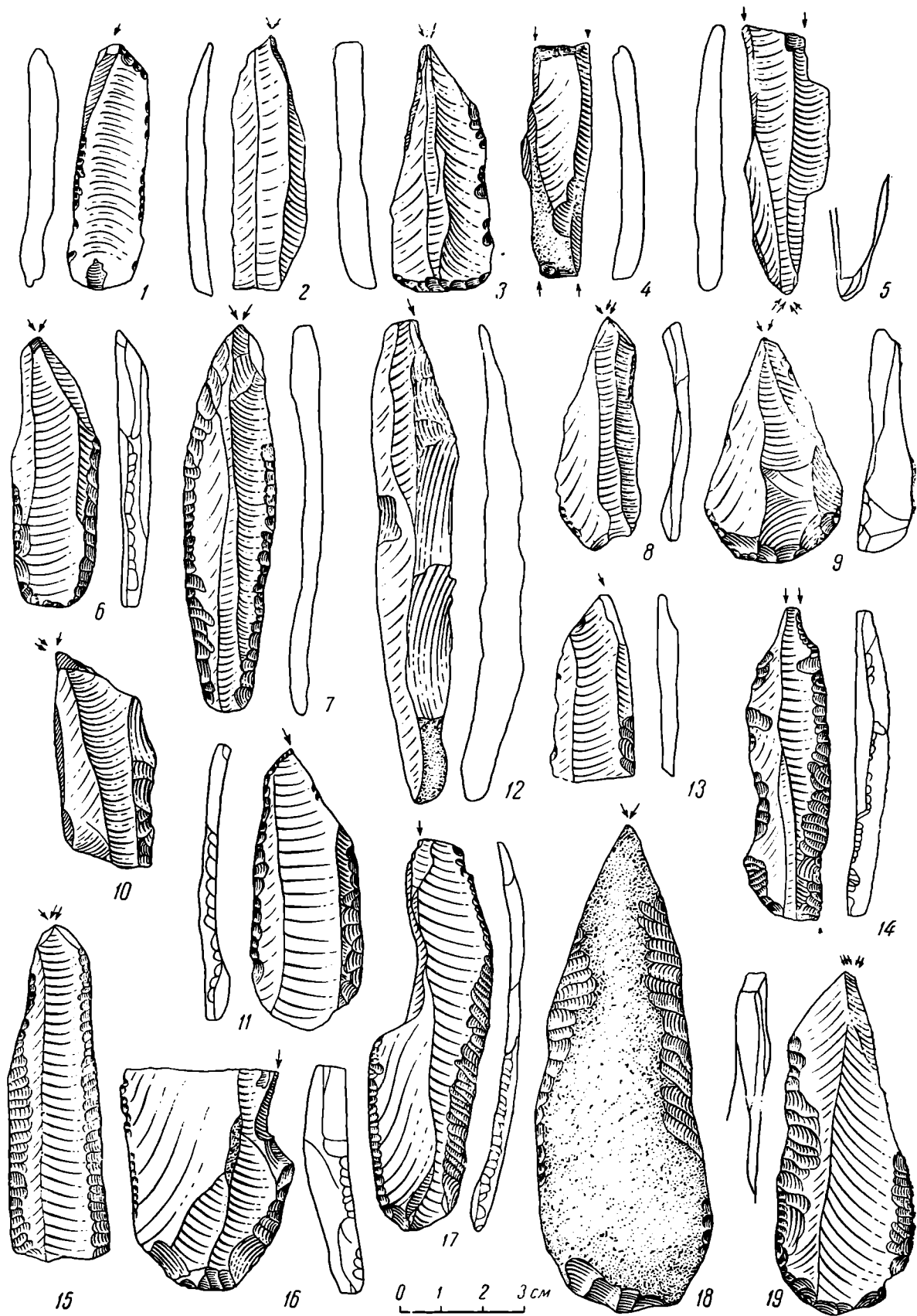

Рис. 59. Резцы с трипольских поселений.

1 — 5 — Городница; 6, 7, 12 — Залещики; 8, 10, 13, 15 — Бучач; 9, 11, 14, 17 — Кошиловцы;
 16, 19 — Викторів; 18 — Бодаки.

Те же формы резцов повторяют и орудия (9 шт.) из г. Бучач (Бучачский р-н Тернопольской обл.).

Здесь представлены:

1) Боковые. Например, резец (рис. 59—13) с лезвием, сформованным одним резцовым сколом и одной отретушированной стороной пластины.

2) Срединные (рис. 59—8, 15). Среди этих резцов выделяется орудие, изготовленное из пластины, отретушированной по обоим краям со спинки. Угол образован тремя резцовыми сколами и сильно сработан (рис. 59—15).

3) Угловые (59—10). Рабочее лезвие таких резцов сделано на углу пластины при помощи нескольких сколов.

В собраниях Львовского исторического музея представлены резцы и с позднетрипольских поселений. В их числе находятся орудия с такого широко известного поселения, как Кошиловцы (Толстенский р-н Тернопольской обл.).

Основные формы резцов, рассмотренные выше, повторяются и в этой коллекции:

1) Боковые (рис. 59—11). Кроме рабочего лезвия, у пластины отретушированы обе грани.

2) Срединные. Большинство из них сделано из крупных, массивных пластин. На рис. 59—9 изображен срединный резец, одна из сторон которого обработана в виде скребка.

3) Угловые. Один из них помещен на рис. 59—17. Пластина, из которой сделан резец, покрыта ретушью по обоим граням.

4) Двусторонние угловые резцы в количестве 2 экз. известны пока только из Кошиловцев. Один из них тройной (рис. 59—14). Как и предыдущие, он изготовлен из пластины с обработанными ретушью гранями. Два угловых резца на одном из концов пластины и одно рабочее лезвие на другом ее конце сформованы каждое одним резцовым сколом.

Наиболее крупная коллекция происходит с поселения у с. Викторова (Галичский р-н Станиславской обл.), здесь собрано 15 экз. Резцы повторяют уже указанные выше формы. Среди них отметим: угловой резец (рис. 59—16), сделанный из массивной пластины, обработанной ретушью со всех сторон; срединный (рис. 59—19) из пластины, отретушированной со всех сторон; лезвие сформовано четырьмя резцовыми сколами.

Интересен экземпляр срединного резца из позднетрипольского поселения у с. Бодаки (Вишневецкий р-н Тернопольской обл.). Это орудие выделяется среди известных своей величиной — $11,7 \times 4$ см (рис. 59—18). Такие крупные размеры орудий характерны лишь для некоторых позднетрипольских поселений на Волыни, изобилующей кремнем превосходного качества.

Известны находки резцов и из раскопок, проведенных В. П. Кравец на позднетрипольском поселении у с. Сухостав в Тернопольской области.

Как видим, резцы известны преимущественно с трипольских поселений бассейна Днестра, т. е. из района, наиболее богатого кремнем. Как правило, все резцы выделялись из пластин кремня очень хорошего качества и очень редко из отщепов.

Резцы известны с поселений всех этапов развития трипольской культуры: с раннего (Лука-Врублевецкая, Брага, Сабатиновка, Озаринцы, Городница), среднего (Кадиевцы, Залещики, Бучач) и позднего (Бодаки, Кошиловцы, Викторова, Сухостав).

Наблюдаются некоторые различия в формах резцов ранне- и позднетрипольских поселений. На раннем этапе резцы чаще изготавливаются из пластин и отщепов без дополнительной обработки, в то время как в позднем триполье они почти постоянно изготавливаются из пластин и отщепов, покрытых превосходной отжимной ретушью. Чаще это комбинированные орудия — резцы-ножи.

Надо думать, что употребление их у трипольских племен не имело широкого распространения, так как на поселениях резцы, как и изделия из кости и рога со следами резьбы встречаются редко.

Близкие аналогии трипольским резцам имеются в материалах поселений с линейно-ленточной керамикой и в комплексах так называемой малопольской культуры, т. е. в памятниках, по времени совпадающих с существованием трипольских поселений на смежных с ними территориях.

Количество известных нам трипольских резцов все еще очень невелико, однако можно заключить, что, хотя они и не имели широкого применения, все же употреблялись на протяжении всего существования трипольской культуры.

Т. Г. ОБОЛДУЕВА

ПОГРЕБЕНИЯ ЭПОХИ БРОНЗЫ В ТАШКЕНТСКОЙ
ОБЛАСТИ

Широко развернувшиеся за последние два десятилетия археологические исследования Средней Азии осветили многие неизвестные до того страницы истории развития древнего общества на ее территории, но многое все же еще продолжает оставаться неясным. К числу наименее изученных периодов относится эпоха бронзы. На территории Ташкентского оазиса и прилегающих районов известны отдельные находки, которые могут быть отнесены к этому времени.

В 1937 г. автором настоящей заметки (под руководством Г. В. Григорьева) проведены раскопки на большом курганном могильнике близ г. Янги-Юль, Ташкентской области, расположенном у западной окраины города на высоком правом берегу р. Чирчик. Могильник в целом относится к первой половине I тысячелетия н. э., но в одном небольшом кургане (3-м) впервые для Средней Азии было вскрыто погребение, относящееся к эпохе бронзы.

Курган 3 (высота 0,6 м, диаметр 8 м) насыпан из серовато-желтого материкового лёсса. Погребение обнаружено в северо-западном секторе в грунтовой яме на глубине 0,8 м от уровня материка. Могильная яма неправильной овальной формы вытянута с запада-северо-запада на восток-юго-восток; длина ее 1 м, ширина 0,65 м; в ней едва помещался скелет ребенка (9—10 лет) в сильно скорченном положении (рис. 60). Костяк лежал на правом боку, приподнятые колени упирались в пологий край ямы, а пятки были прижаты к тазу; руки согнуты и кисти подложены спереди под голову, повернутую лицом вправо; ориентировка — восток-юго-восток. На ступнях ног, преимущественно на пяточных костях, имелись следы лиловато-красной краски.

У головы сзади (к югу) лежал на боку сосуд из красновато-коричневой глины с мелкими известковыми вкраплениями; это плоскодонный горшок с широким горлом и слегка отогнутым краем венчика; у дна выступает небольшая закраинка. Сосуд сделан от руки, но пропорции выдержаны, стенки тонкие. Поверхность слегка заглажена, в нижней части заметны следы копоти. Высота его 12 см, диаметр края 13,5 см, дна — 9 см (рис. 61).

В 1927 г. в Ташкенте на территории курганного могильника на так называемых «Никифоровских землях» (восточная окраина города) инженером И. А. Анбоевым при производстве земляных работ вынут из разрушенного погребения глиняный горшок¹, аналогичный описанному по материалу и

¹ Из коллекции Археологического кабинета САГУ. См. А. В. Эбруева. Древние культурные связи Средней Азии и Приуралья. — ВДИ, 1946, № 3, стр. 186—187, рис. 4.

выделке, но более развитой формы. Тулово у него круглее, днище выделено резче, шейка уже и выше; в верхней части сосуда нанесен гребенчатый орнамент: под шейкой двойная ломаная линия, ниже три параллельные прямые, опоясывающие сосуд по плечикам, и под ними опять тройная зигзагообразная линия, образующая ряд треугольников (рис. 62—1). Само погребение разрушено; оно находилось на глубине 1,85 м под небольшим плоским холмиком высотой 0,5—0,7 м. Других вещей не было.

В 1940 г. при строительстве Ташкентского канала им. В. М. Молотова А. И. Тереножкиным¹ найдены в разрушенных могилах восточнее с. Ореховского два подобных же сосуда:

1) Небольшой плоскодонный горшочек, лепной, из глины со значительной примесью толченых раковин. Корпус широкий, с намеченным в перегибе к плечикам ребром, шейка низкая, венчик отогнут наружу закругленным валиком. Дно подчеркнуто выделено. По плечикам нанесенный неглубоким штампом орнамент из 4—5 параллельных черточек, положенных наискось, ломаной линией. Обжиг неравномерный, на поверхности темными и красными пятнами. Высота горшка 14,8 см, диаметр корпуса 16,5 см (рис. 62—2).

2) Сосуд такой же формы, но с более округлым и посаженным ниже корпусом. Более узкое дно, неширокое горло с сильнее отогнутым венчиком. На верхней части тулова такой же орнамент, нанесенный слабее. Глина с примесью толченых раковин, обжиг неровный, цвет черный и серый. Поверхность неровная, но заглажена до блеска. Высота 14 см, диаметр 12,8 см (рис. 62—3).

На правом берегу р. Ангрена, несколько выше трассы канала, найдена часть сосуда, схожего с предыдущим, но ниже и округлее. Орнамента нет, поверхность заглаженная, матовая. Высота 9,7 см, диаметр 12,8 см (рис. 62—4).

Все описанные сосуды имеют между собой много общего. По формам, технике и орнаментации они во многом повторяют керамику степных культур эпохи бронзы. Ближе всего они напоминают андроновскую керамику Северного Казахстана и Сибири². То же округлое тулово, подчеркнутое высокое дно, четкий пропорциональный профиль, суховатая орнаментация городками. Большое сходство у них и с керамикой, относимой к срубно-хвалынской культуре Поволжья³, и к тазабагъябской в Хорезме⁴.

К тому же типу принадлежат обломки сосудов из разрушенных погребений, обнаруженных в 1947 г. М. Э. Воронцом в кургане 1 у ст. Вревской⁵. Автором раскопок отмечается сходство найденной им керамики с вышеописанными сосудами из погребений Янги-Юля и Ташкента, а также с керамикой широкого круга памятников срубно-хвалынской, андроновской и тазабагъябской культуры, т. е. среднего этапа эпохи бронзы степной полосы.

Культурные связи древних обитателей территории Чирчик-Ангренского междуречья и прилегающих районов с населением степей Казахстана, Приуралья и Нижнего Поволжья прослеживаются и на ряде других нахо-

¹ А. И. Тереножкин. Памятники материальной культуры на Ташкентском канале. — Изв. УзФАН, 1940, № 9, стр. 30—31; его же. Согд и Чач. — КСИИМК, вып. XXXIII, 1950, рис. 69—6-7.

² М. П. Грязнов. Погребения бронзовой эпохи в Западном Казахстане. — Сб. «Казаки», вып. 11. Л., 1927, рис. 19, 20.

³ М. И. Артамонов. Раскопки курганов в долине р. Маныча в 1935 г. — СА, IV, стр. 99, рис. 9.

⁴ С. П. Толстов. Древнехорезмийские памятники в Кара-Калпакии. — ВДИ, 1939, № 3, рис. 2; его же. Новые материалы по истории культуры древнего Хорезма. — ВДИ, 1946, № 1, рис. 3; его же. Древний Хорезм. М., 1948, стр. 67, рис. 6; табл. 17, 5—9.

⁵ М. Э. Воронец. Отчет археологической экспедиции Музея истории АН УзССР о раскопках погребальных курганов первых веков н. э. возле станции Вревская в 1947 г. — «Тр. Музея истории народов Узбекистана», вып. 1. Ташкент, 1951, стр. 68 и сл.

док. Из наиболее древних укажем на так называемый Чимбайлыкский клад, найденный в 1898 г. в верховьях р. Чирчик¹; состав этого клада: вислообушный топор (рис. 62—5), листовидный нож (рис. 62—6), четырехгранное шило (рис. 62—7) и слиток бронзы. Наибольший интерес представляет нож, форма и техника изготовления которого (ковка из пластины) близко напоминают ножи, характерные для катакомбной культуры юга европейской части СССР.

Обломок, повидимому, такого же ножа (часть лезвия) найден близ с. Урта-Сарай Ташкентской области² (рис. 62—8), а в Музее истории АН УзССР (Ташкент) хранится кованый нож близкого типа, но без расширения на конце черенка (рис. 62—10).

Упомянем находку обломка черенка с расширением на конце, вероятно, от подобного же ножа, близ с. Уч.-Курган Наманганской области³. Следовательно, факты свидетельствуют о том, что этот тип в археологии рассматриваемого района не случаен, и позволяют говорить об общности форм бронзовых изделий этой эпохи на данной территории с формами изделий из областей, лежащих к северу.

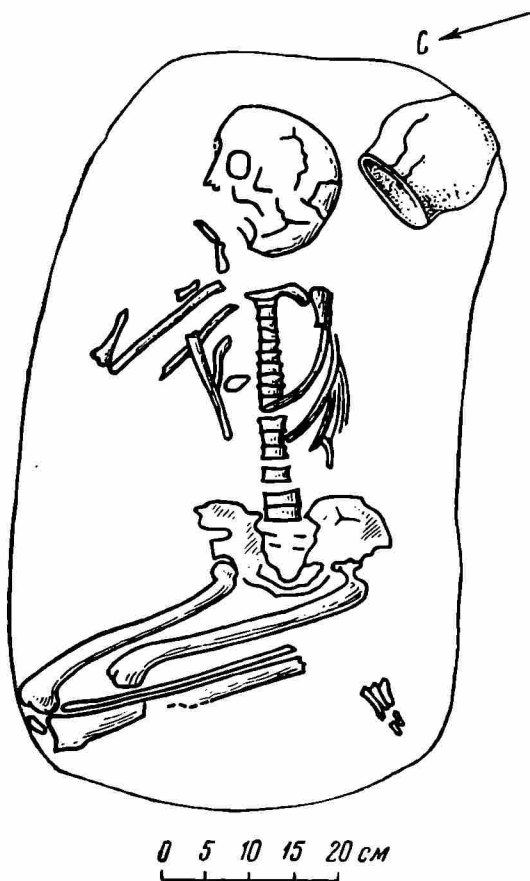

Рис. 60. Погребение в кургане 3 у г. Янги-Юль.

Рис. 61. Сосуд из погребения в кургане у г. Янги-Юль.

Найденные в верховьях р. Чирчик, у с. Искандер, в разрушенном погребении, литые бронзовые браслеты⁴ с конически-спиральными концами и насечкой пластины браслета характерным для андроновских изделий орнаментом заштрихованными треугольниками, наряду с известными из этого же района подобными браслетами⁵, относятся к типу, присущему андроновской культуре.

¹ М. Э. Воронец. Браслеты бронзовой эпохи Музея истории АН УзССР. — «Тр. Ин-та истории и археологии АН УзССР», т. I. Ташкент, 1948, стр. 69 и сл.

² Археологическая коллекция с Ташкентского канала им. В. М. Молотова, сборы 1940 г.

³ Т. Г. Оболдуева. Отчет о работе первого отряда археологической экспедиции на строительство Большого Ферганского канала им. И. В. Сталина. — «Тр. Ин-та истории и археологии АН УзССР», т. IV. Ташкент, 1951, табл. VI, 1.

⁴ М. Э. Воронец. Браслеты бронзовой эпохи. . . , рис. 1, стр. 65.

⁵ Там же.

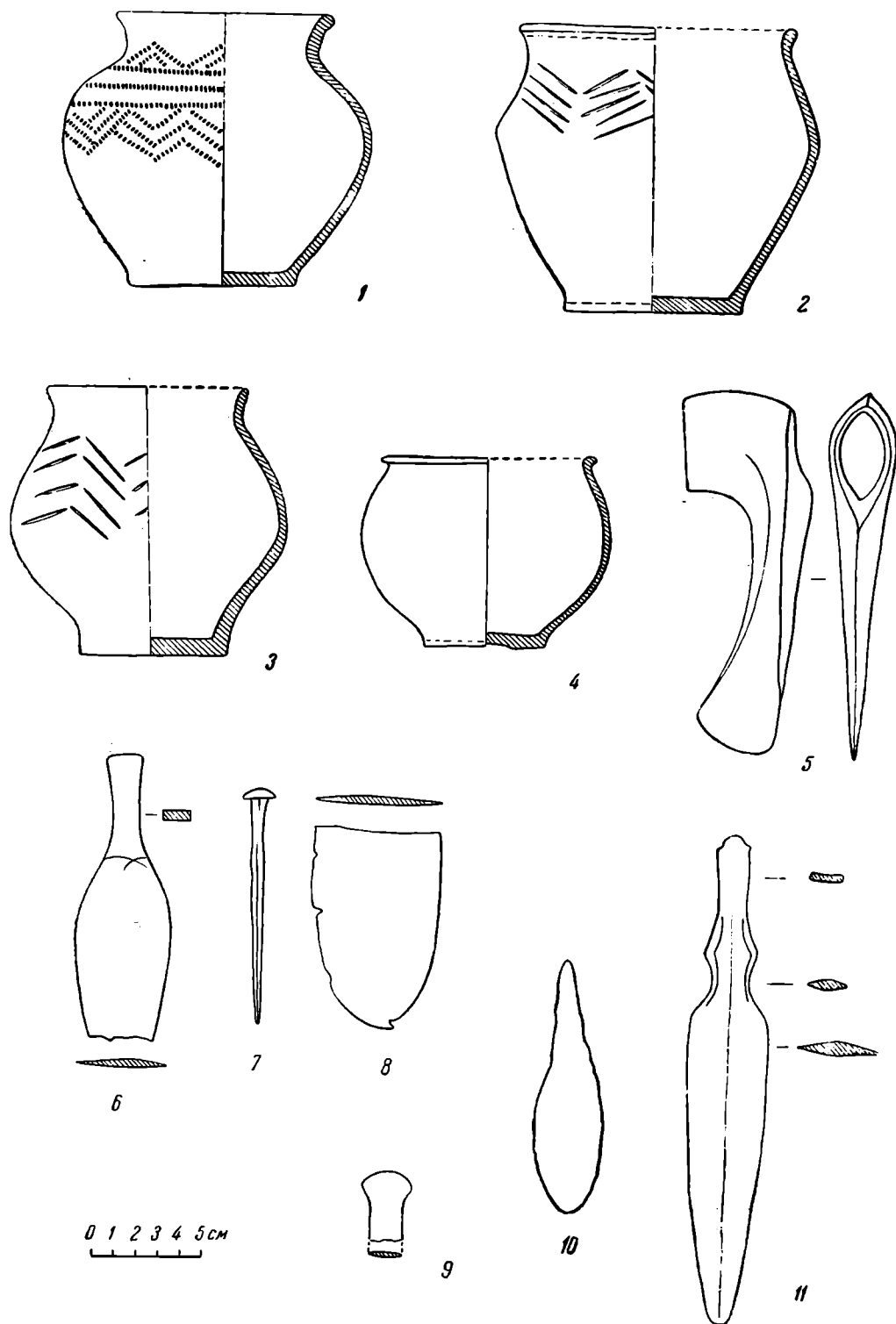

Рис. 62. Глиняные сосуды и бронзовые изделия:

1 — из погребения на „Нишифоровских землях“, 1927 г.; 2, 3 — из погребения у с. Ореховского, 1940 г.; 4 — из погребения на р. Ангрен, 1940 г.; бронзовые изделия: 5—7 — топор, нож и шило (Чимбайлыкский клад); 8 — нож (с. Урта-Сарай); 9 — нож (с. Уч-Курган); 10, 11 — ножи (Музей истории АН УзССР).

Сюда же следует отнести нож¹ характерной для андроновской и срубно-хвалынской культур формы: листовидное двустороннее лезвие, расширяющееся в месте перехода к черенку (рис. 62—11). Точное место находки его неизвестно, но он, несомненно, местного происхождения и может поэтому дополнить наши материалы.

Все эти немногочисленные и отрывочные данные позволяют все же сделать общий вывод о сходстве материальной культуры северо-востока Средней Азии в эпоху бронзы с более северными степными территориями. Это могло быть вызвано как общностью хозяйственных форм, так и непосредственными культурными связями.

В Ташкентском оазисе нам пока неизвестны поселения этого времени. Можно предположить, что здесь было распространено кочевое пастушеское скотоводство, возможно, с примитивным земледелием. В то же время на юге Средней Азии, а возможно, и в Фергане (находки керамики типа Анау I у с. Чакан² и стоянка эпохи бронзы близ г. Чуста³) нам известно уже достаточно развитое ирригационное земледелие на выходах малых рек.

Вопрос о характере и взаимоотношениях этих видов хозяйства может быть разрешен лишь в результате широко поставленных дальнейших исследований памятников эпохи бронзы на территории Средней Азии.

¹ Хранится в Музее истории АН УзССР. См. А. И. Тереножкин. Согд и Чач, рис. 69—1.

² Археологические наблюдения автора на строительстве Большого Ферганского канала им. И. В. Сталина, 1939 г. Сами находки погибли.

³ В. И. С п р и ш е в с к и й. Чустская стоянка эпохи бронзы. СЭ, 1954, № 3.

Г. С. МАРТЫНОВ

ИССЫКСКАЯ НАХОДКА

В 1953 г. в 10 км от пос. Иссык Эмбекши-Казахского района Алма-Атинской области Казахской ССР учениками Иссыкской средней школы обнаружены на дне неглубокого оврага торчавшие из земли металлические ножки какого-то предмета. Заинтересовавшись, школьники начали раскапывать землю и извлекли три медных котла, один железный (чугунный) котел, два медных блюда, один медный жертвенник и остатки какого-то железного, изъеденного ржавчиной и развалившегося на мелкие кусочки изделия. Все три медных котла лежали опрокинутыми вверх ножками. Условия находки и глубину залегания вещей определить не удалось, так как мы попали к месту находки на третий день. Однако создалось впечатление, что вещи лежали в яме диаметром около 2 м, глубиной 2,5—3 м. Вода, постепенно размывавшая овраг, очевидно, смыла нижнюю стенку ямы, но падающий сверху водопад не затрагивал вещей, лежавших в своем первоначальном положении. Бросается в глаза количество предметов в кладе, хотя в Семиречье находки больших кладов не являются редкостью.

Один из трех медных котлов был на подставке, два других — на трех ножках. Первый котел (№ 1) — литой, с полусферическим дном на подставке в виде полого внутри раструба с вогнутыми внутрь стенками. В верхней части тулово сосуда слегка плавно сужено, тогда как венчик его немного отогнут. Котел имеет две горизонтальные ручки, ниже которых его опоясывают три рельефных валика. Между ручками две петли. Высота котла 41 см, наибольший диаметр 44 см, высота подставки 14 см (рис. 63—1).

Точной аналогии этому котлу нет ни в коллекции Государственного музея Казахстана, ни в археологической литературе¹. Он уникален даже среди скифских котлов и представляет собой вариант формы скифских сосудов на подставке, находимых в различных частях СССР.

Следующий котел, который мы обозначаем № 2, самый большой из найденных. Тулово такое же, как и у первого; общая высота 51 см, высота тулова 33 см. На дне снаружи имеется утолщение треугольной формы, в углы которого вставлены и припаяны три изогнутые ножки, отлитые отдельно (рис. 63—3, 4).

Третий бронзовый котел (№ 3) ничем не отличается по форме тулова от предыдущих, а его три ножки по технике изготовления и прикреплению их ко дну аналогичны всем трехногим котлам казахстанской коллекции (рис. 63—2). Следует отметить, что все три котла имеют по две горизон-

¹ Некоторое сходство с котлом из Иссыкского клада имеет котел, опубликованный А. Н. Бернштамом (МИА, № 15, табл. ХCV, рис. 59).

Рис. 63. Котлы из Иссыкского клада:

1 — медный котел № 1 на полой подставке; 2 — медный котел № 3; 3 — медный котел № 2;
4 — тот же котел, вид дна; 5 — железный (чугунный) котел.

тальные ручки и по две вертикальные петли. У каждого ниже ручек, примерно на высоте петель, расположен поясok из трех рельефных валиков в виде плетеных веревочек, концы которых связаны узлом.

На внутренних сторонах стенок обнаружена интересная деталь. Здесь отчетливо выделяются рельефные отпечатки соломы, обломков тростника и зерен злаковых растений. Наличие таких отпечатков, вероятно, связано с тем, что формы для отливки котлов изготовлялись из глины, смешанной для лучшей связи с половой. Зерна и наиболее крупные куски соломы, находившиеся на поверхности формы, выжигались, и их места заливались расплавленной медью, оставлявшей рельефные изображения. На наружной

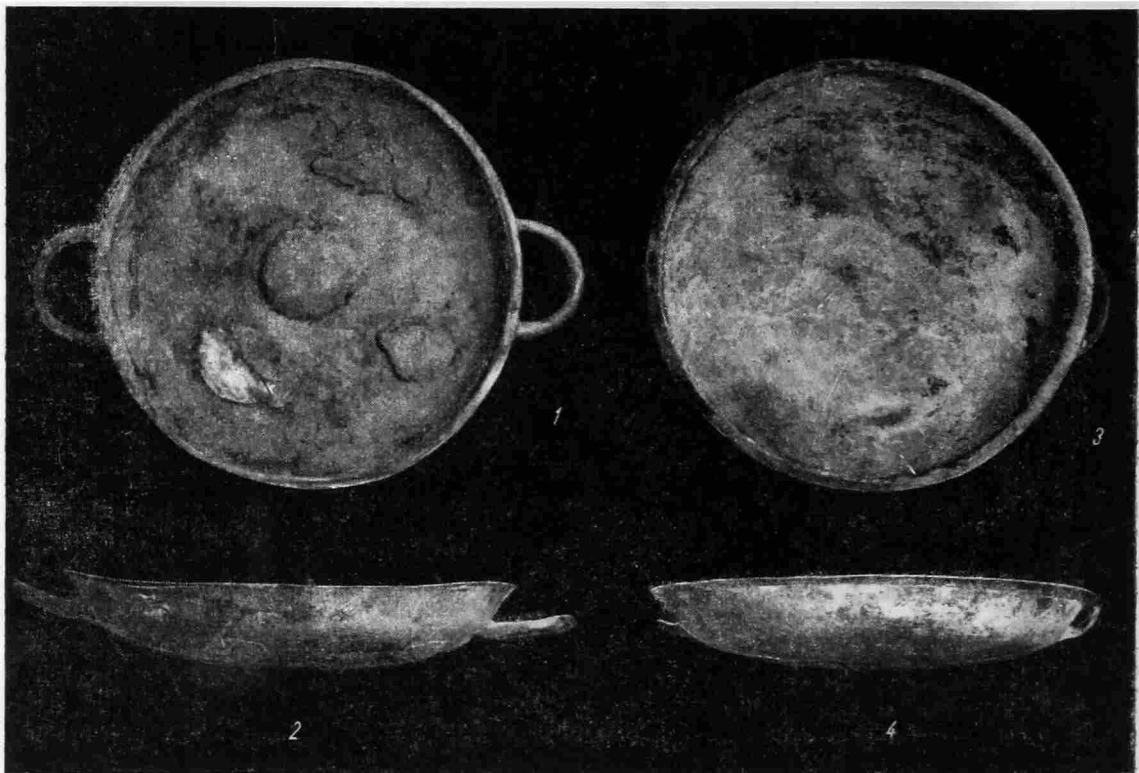

Рис. 64. Медные блюда из Иссыкского клада:

1, 2 — блюдо № 1; 3, 4 — блюдо № 2.

поверхности подобных следов нет потому, что поверхность в результате длительного употребления котла сглаживалась и все неровности на ней исчезали.

Следы соломы и зерен могут служить неопровержимым доказательством того, что население, пользовавшееся этими котлами, занималось земледелием, а следовательно, были и центры оседлой жизни, где, вероятно, и сосредоточивалось производство медных котлов, жертвенников, светильников и других предметов.

Рядом с котлами в Иссыкском клада стояли вложенными одно в другое два медных блюда (рис. 64). На внутренней поверхности одного из них — след круга, а на дне другого — полусферическая выпуклость. Этим и ограничивается их орнаментация. По форме блюда типичны для греко-бактрийского производства. Однако они проще, изготовлены грубее, а техника их отливки близка к технике отливки котлов; близок и состав металла, что подтверждено анализом.

Самым интересным из предметов Иссыкского клада является медный жертвенник. Он состоит из четырех отдельно отлитых частей: блюдо, фигурка человека, лошади и подставка (рис. 65, 66).

Блюдо укреплено на подставке (припаяно), ажурный узор на которой сделан при помощи зубила. Узор состоит из дуг, расположенных в четыре яруса по пять дуг в каждом, так что каждая дуга вышестоящего яруса меньше нижних и упирается своими концами в вершины двух расположенных ниже дуг. Высота подставки 19 см, длина окружности основания 66 см. Подставка почти в точности повторяет подставку иссыккульского жертвенника¹, находящегося во Фрунзенском музее Киргизской ССР.

Блюдо не орнаментировано, диаметр его 25,7 см. На нем укреплены фигуры: сидящего человека, и за ним — лошади, для чего в дне блюда сделаны отверстия, в которые вставлены и припаяны отлитые в нижней части фигур медные стержни.

Фигурка человека со скрещенными поджатыми ногами прикреплена у края блюда. Лицо человека с ярко выраженными монголоидными чертами.левой рукой он опирается на бедро. Возможно, что в этой руке всадник держал поводья от уздечки стоящей за ним лошади; в правой руке — предмет вроде сосуда цилиндрической формы. Однако сосуд не имеет дна, и не исключена возможность, что это нечто в виде кольца, через которое пропускался фитиль, во время ритуальных церемоний зажигавшийся как факел.

Поза, одежда и лицо фигурки человека находят аналогии в двух фигурах, изображенных на золотой пластинке сибирской коллекции².

Одежда всадника с иссыккульского жертвенника состоит из головного убора типа шлема, узкой короткой куртки без воротника, туго перетянутой в талии широким поясом, узких штанов и мягкой кожаной обуви. Лошадь низкорослая, с мощной шеей и большой головой. На голове лошади узда, состоящая из двух суголовных, двух подбородочных ремней и одного ремня переносья. Налобного и подгубного ремней нет. Ясно заметны псалии. Грива и чолка подстрижены. На холке оставлен пучок длинных волос, за который должен браться рукой человек, сажающийся на лошадь. Хвост завязан узлом и достигает коленного изгиба задних ног. На лошади, видимо, было седло: заметны следы его по линии прохождения подпруги, а на спине сохранилось отверстие для прикрепления.

Кроме упомянутых медных котлов, в кладе был найден и железный или, вернее, чугунный котел. Он, как и медные, — литой, но с округлым эллипсоидным дном. На высоте 14 см от основания стенки котла круто поднимаются вверх и суживаются к краям. Диаметр котла по венчику равен 119 см, общая высота его 24 см, толщина стенок 7—8 мм (рис. 63—5).

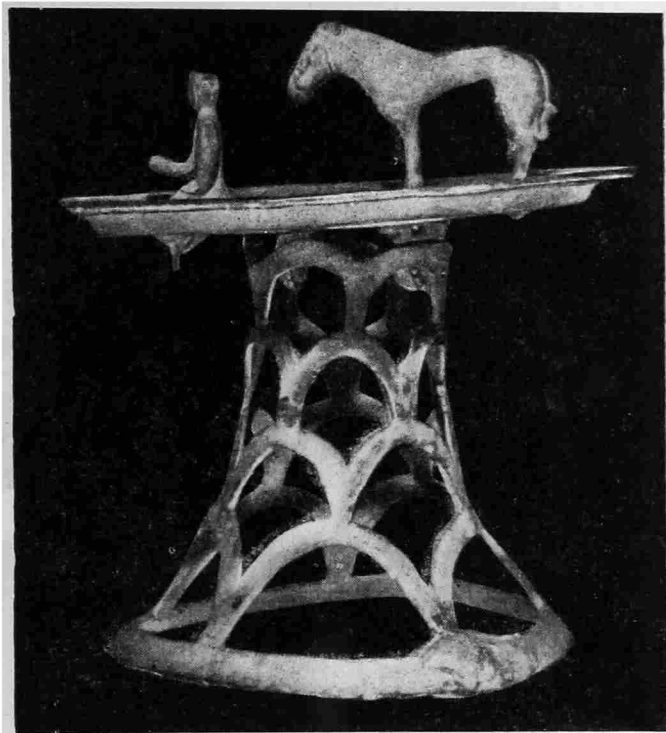

Рис. 65. Медный жертвенник из Иссыкского клада.

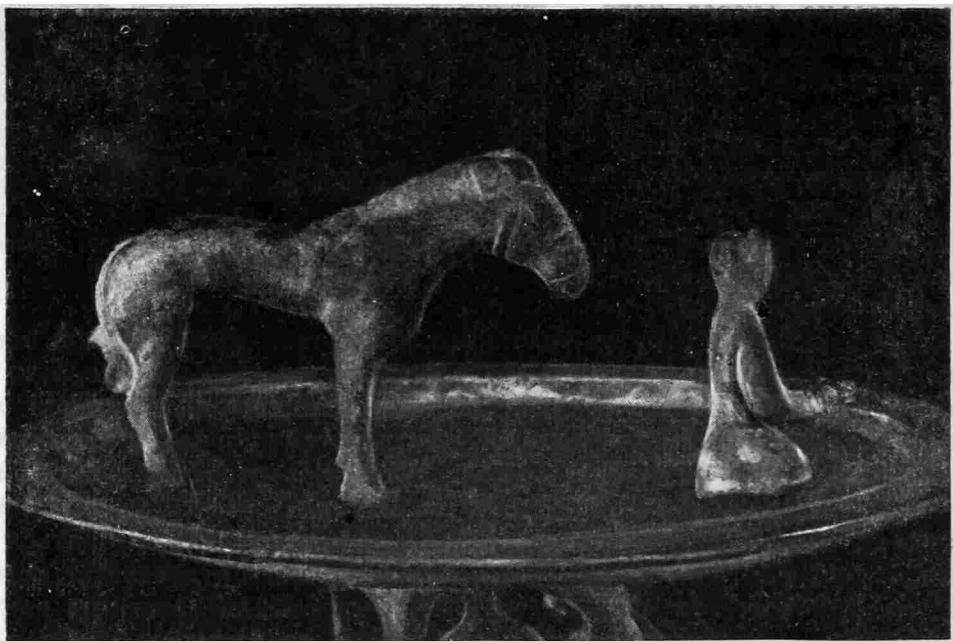
¹ Б. М. Зимма. Иссыккульские жертвенники. Фрунзе, 1941, рис. 1.

² И. Толстой и Н. Кондаков. Русские древности в памятниках искусства. СПб., 1890, рис. 71.

К тулову приделаны две ручки и три ножки. Техника отливки чугуного котла подобна технике отливки медных, однако способ прикрепления ручек и ножек совершенно иной. К медным котлам они припаивались; в чугунном же котле в изготовленную глиняную форму в определенных местах вставлялись заранее отдельно отлитые в особой формочке ручки и

1

2

Рис. 66. Деталь медного жертвенника из Иссыкского клада:

1 — вид спереди; 2 — вид сбоку.

ножки. Затем форма заливалась расплавленной массой чугуна, которая схватывала концы ручек и ножек и крепко соединялась с ними. Ручки дугообразные, толщиной около 1 см. Ножки, сделанные в виде усеченного конуса, широкими основаниями обращены к тулову. На концах имеются плоскости шириной 0,5 см. Ножки приделаны к тулову котла так, что их концы находятся на одном уровне с самой нижней точкой дна. Это делает

сосуд чрезвычайно устойчивым. На венчике котла заметны два желобка шириной по 3 см, происходящие, видимо, от случайной деформации венчика. Котел имеет несколько сквозных трещин, которые в свое время были запаяны. Заливка делалась с внутренней и с наружной стороны. Никаких следов поковки на котле и на заплатках нет.

В кладе обнаружены многочисленные железные обломки какого-то другого железного изделия. Путем длительного и тщательного подбора обломков удалось собрать часть этого изделия (восьмую часть), по которой восстановлен весь предмет. Это оказался кованый железный жертвенник высокого художественного мастерства (рис. 67).

Жертвенник состоит из квадратного подноса, укрепленного на ажурной подставке в форме четырехгранного раструба с вогнутыми внутрь гранями.

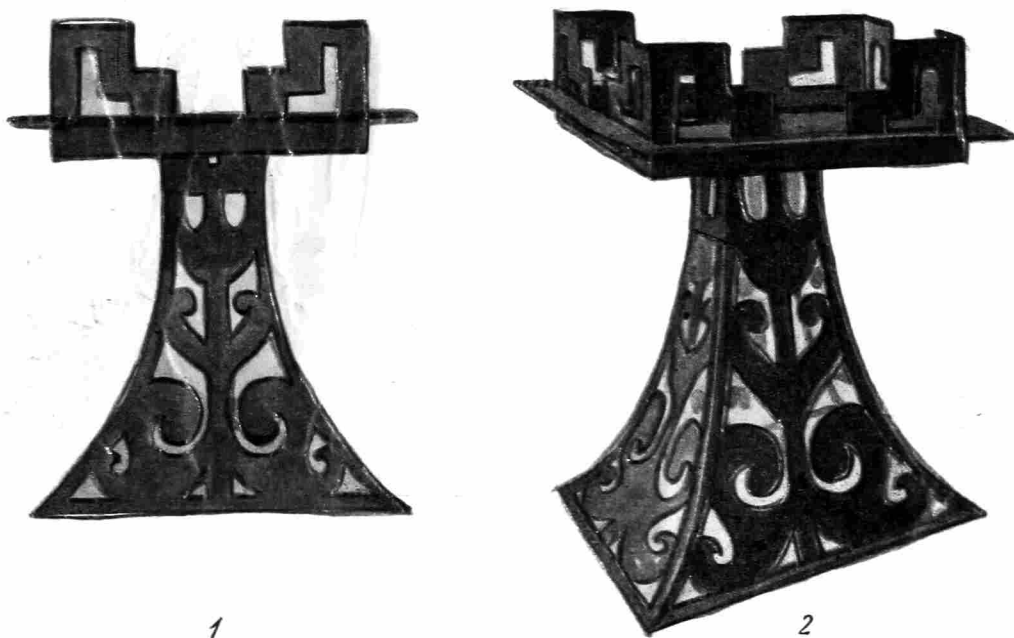

Рис. 67. Железный жертвенник из Иссыкского клада:
1 — вид спереди; 2 — вид сбоку.

Ширина подставки у основания 27 см, у венчика 7,5 см. Весь жертвенник сделан из кованых железных пластинок, скрепленных железными заклепками. Общая высота его 36 см, высота подставки 26 см. Поднос жертвенника глубиной 2,8 см, длина каждой стороны 30 см. По всем четырем углам поставлены декоративные бортики высотой 7,2 см.

Жертвенник представляет особенный интерес по своему художественному оформлению. В его орнаментальных украшениях много общего с орнаментами на вещах современных казахов. Например, четыре звена дополнительного борта, которые даны при оформлении подноса, у казахов называются «торт кулак» («четыре ушка») и до настоящего времени ставятся по углам четырехугольных архитектурных сооружений на могилах («молла»). Точно так же древовидный орнамент подставки, включающий элементы типичного для казахской орнаментики «кошкар мюиз» (бараний рог), встречается в разных вариантах на казахских современных изделиях.

На основании аналогии с подобными памятниками мы считаем возможным датировать иссыкские находки IV—I вв. до н. э., т. е. сако-усуньским периодом в Семиречье.

Из найденных за последнее время наиболее интересен клад, открытый в 1948 г. в 15 км от г. Алма-Ата и состоявший из шести медных котлов. Один из них был богато украшен: по его венчику лежал обруч (изобра-

жение «кошкар мюиз»), концы которого завершались скульптурными изображениями двух голов горных козлов (рис. 68). Обруч, видимо, был прикреплен к крышке, которая не сохранилась. Количество находимых котлов в окрестностях Алма-Аты подтверждает правильность предположения, что часть котлов из коллекции Казахского государственного музея можно назвать «семиреченскими» и что центр их производства находился где-то в окрестностях Алма-Аты.

Благодаря наличию месторождений меди и железа на территории Казахстана развитие металлургии в древности шло здесь быстрыми темпами.

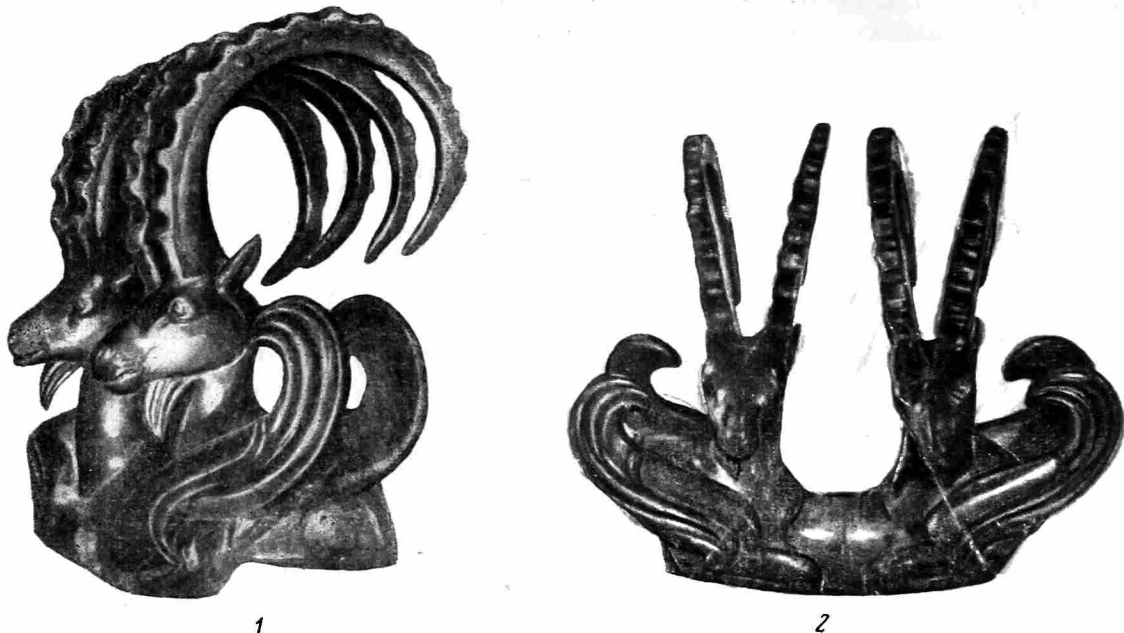

Рис. 68. Головки козлов (деталь украшения крышки медного котла из клада 1948 г.):

1 — вид сбоку; 2 — вид спереди.

Уже в период андроновской культуры, т. е. в середине II тысячелетия до н. э., здесь появилось несколько центров металлургии, следы которых мы находим в районах Джезказгана, Балхаша, на Алтае и Джунгарском Ала-Тау. Вследствие этого, несмотря на очень ранние торговые и культурные связи народов Восточного и Южного Казахстана и Семиречья с Ираном, Грецией, Китаём, культура здесь складывалась самобытно.

Иссыкский клад найден в предгорьях Заилийского Ала-Тау, на последнем невысоком уступе, переходящем уже в равнину. В летнее время, покидая выжженные степи, скотоводы со своими стадами поднимались на предгорья, постепенно двигались все выше и выше и, достигнув высокогорных лугов, проводили там жаркую часть лета.

Уходя с зимней стоянки в горы, где трудно перевозить такие вещи, как тяжелые и неудобные медные котлы, изящные и хрупкие жертвенники, светильники и другой инвентарь ритуального назначения, племя оставляло эти вещи на месте весеннего празднования, зарывая в землю. Предполагалось, что осенью, при возвращении обратно, оставленные вещи будут найдены. Но иногда по каким-то причинам племена не возвращались к прежним местам, и спрятанные «клады» оставались на многие века в земле. Таково происхождение, видимо, и Иссыкского клада, зарытого в землю около двух тысяч лет назад.

Очевидно, обелиск был разбит уже после установки его в ряду камней и верхний, больший, конец с лицом женщины свалился, а нижний (вершина обелиска) остался стоять. С течением времени господствовавшие юго-западные ветры намели с северо-восточной стороны камня кучу песка и закрыли высеченное на нем изображение.

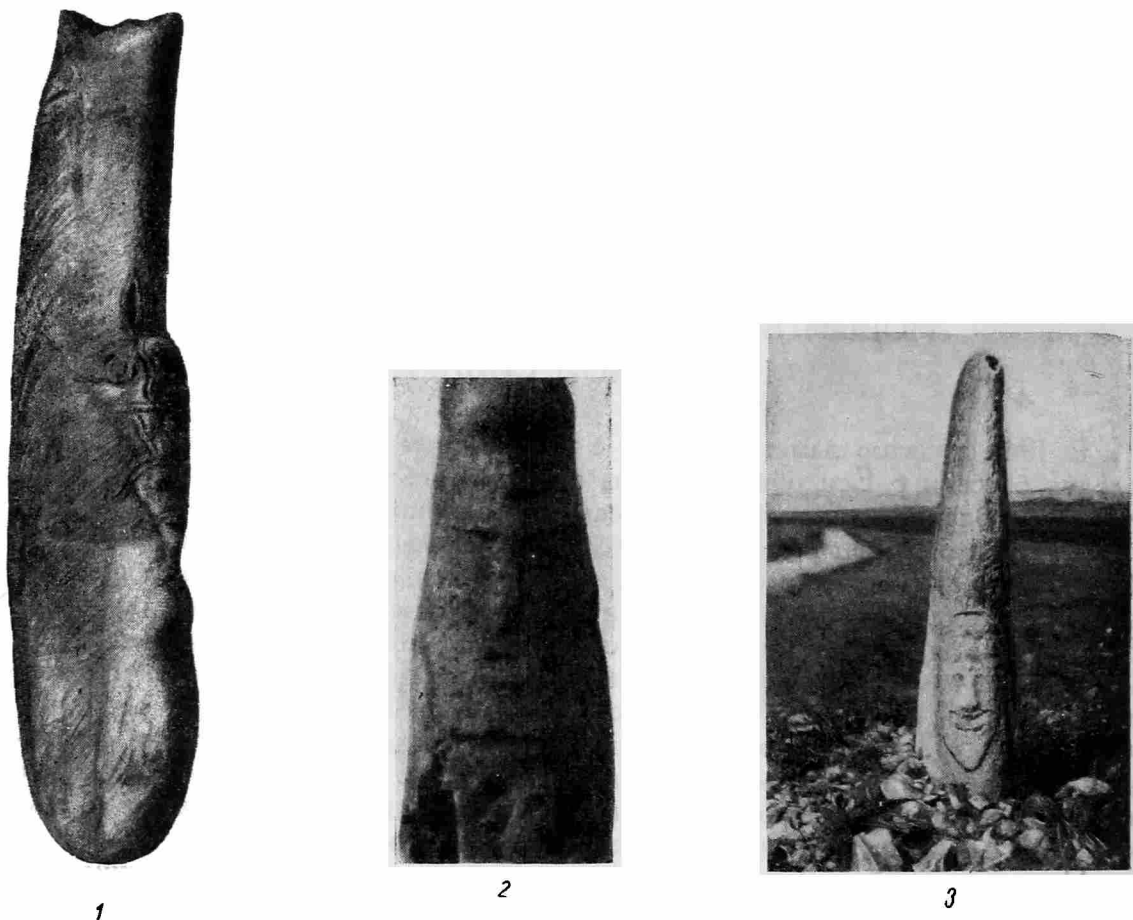

Рис. 69. Каменные стелы:

1 — стела с быко-человечьей личиной из окрестностей улуса Кызласова; 2 — стела с лицом мужчины из окрестностей улуса Бельтыры; 3 — стела с лицом мужчины с речки Ниня около пос. колхоза им. Тельмана (1 и 3 публикуются впервые. Все стелы находятся в Хакасском музее).

Заслуживает быть отмеченным то обстоятельство, что, составив сломанные куски обелиска, мы увидели, что изображение лица было обращено к юго-западу, т. е. не так, как обычно стояли стелы с личинами.

Самой замечательной частью этой стелы является человеческое лицо, расположенное на узкой стороне нижнего конца камня.

Мы знаем ряд личин на стелах, как опубликованных в литературе (М. П. Грязновым, Е. Шнейдером и Аспелиным), так и найденных нами, более или менее реалистически передающих черты человеческого лица, но описываемое здесь изваяние самое реалистическое из всех. Оно, очевидно, имело портретное сходство с изображаемым.

Лицо широкое (153 мм), слабо профилированное, со слабо выступающими скулами, благодаря чему овал лица гладкий, без угловатостей. Уплотненность изображенного лица больше, чем тувинца, профиль которого опубликован Г. Ф. Дебецом¹. Уплотненность определяется техническим

¹ Г. Ф. Деб е ц. Палеоантропология СССР. М.—Л., 1948, стр. 135.

приемом древнего скульптора: на плоскости лица, после его обработки, нос оказался весьма низким и тогда, справа и слева от него, был счищен фон

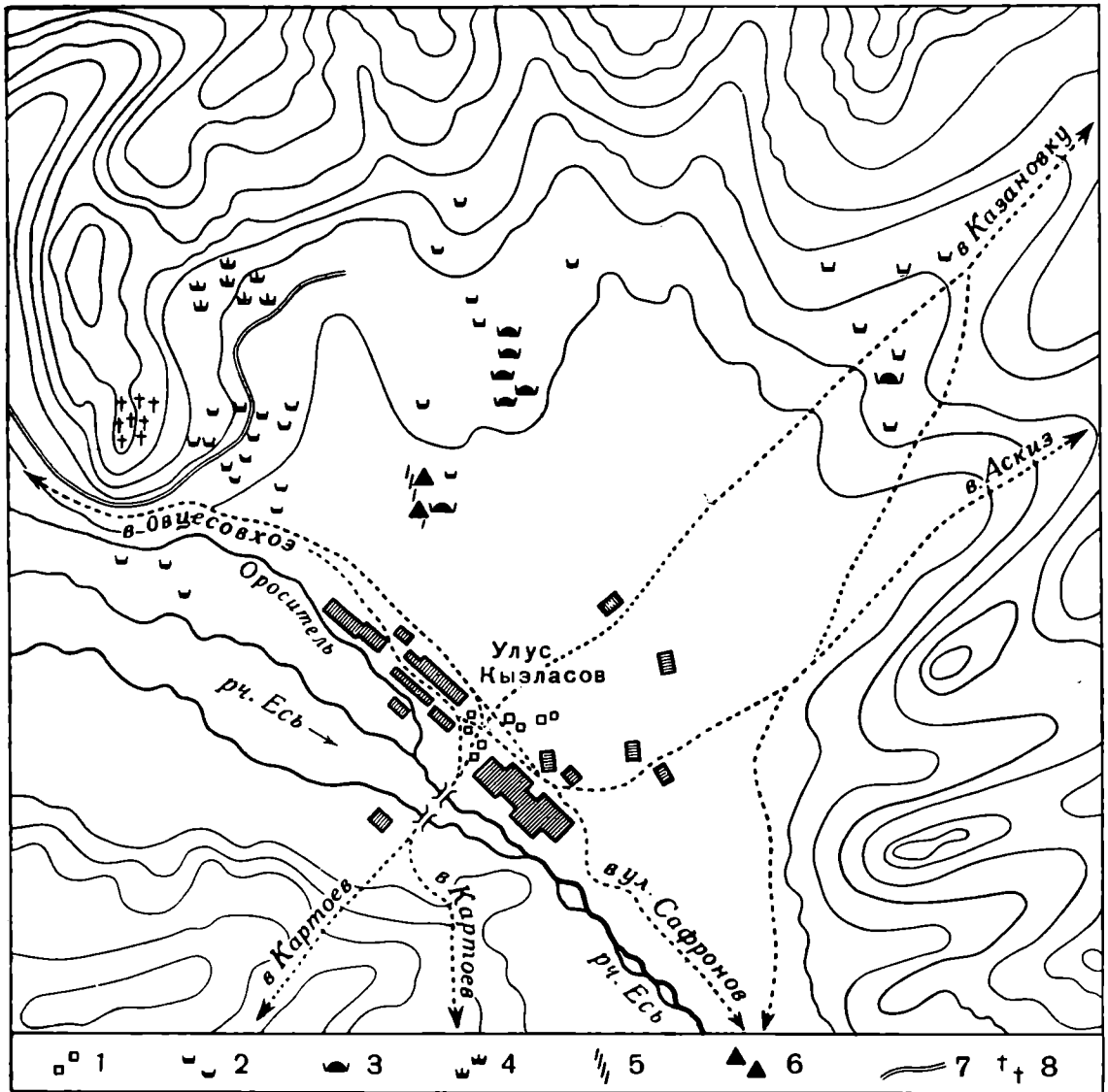

Рис. 70. Схематический план расположения каменных стел и других археологических памятников в окрестностях улуса Кызласова:

1 — карасукские каменные ящики; 2 — тагарские курганы; 3 — то же, поздней стадии; 4 — чаатас; 5 — ряд камней; 6 — места стел; 7 — древняя оросительная канава; 8 — современное кладбище.

более или менее широкой ложбинкой, а щекам придан выпуклый вид. В результате такого приема и получился гладкий горизонтальный профиль лица с едва выступающими щеками-скулами и приплюснутым носом в ложбинке. Этот прием обработки отчасти близок описанному Л. А. Евтюховой для каменных тюркских изваяний Южной Сибири¹, хотя обнаруженное нами изваяние не имеет ничего общего с тюркскими, так как значительно древнее последних.

¹ Л. А. Евтюхова. Каменные изваяния Южной Сибири и Монголии. — МИА, № 24, стр. 113.

Морфологическая высота лица меньше, чем ширина (137 мм). Подбородок средне заострен и энергично выдается вперед (рис. 73). Лоб очень широк (наименьшая ширина его 155 мм), прямой и, даже для этого порт-

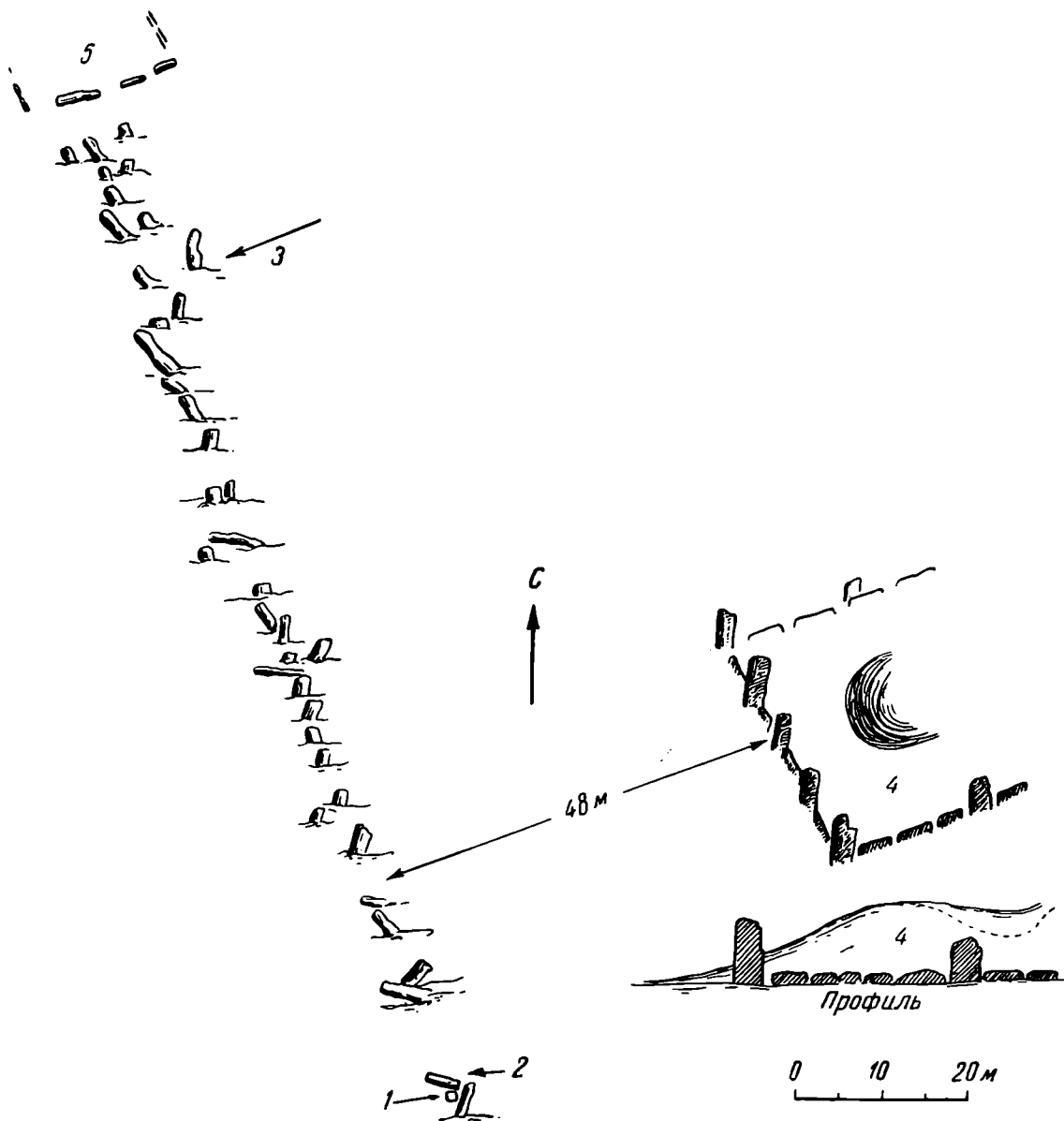

Рис. 71. Схема расположения стел в ряду камней:

1, 2 — стела с лицом женщины; 3 — с быко-человечьей личиной; 4, 5 — погребения.

рета, непропорционально высок (за счет перехода в камень). Ширина носа 33 мм при длине 53 мм, высота переносья средняя. Профиль спинки носа очень слабо вогнут, кончик же слегка поднят. Крылья носа не отработаны и даны схематично. Четко выражены складки, отходящие от крыльев носа. Межглазничная ширина 33 мм, наружноглазничная — 104 мм. Веки полные, производят впечатление значительной отечности и закрыты не так, как у спящего, и тем более не так, как бывает у трупа, а нарочито, как это наблюдается, когда глаза зажмурены. Линия соприкосновения век горизонтальна, у левого глаза она длиннее, чем у правого.

Наличие эпикантуса не прослеживается.

На левой щеке, недалеко от носа, наклонно вырезан глубокий желобок (3,4 см длины), возможно, передающий след ранения, которое могло быть на лице женщины, послужившей оригиналом барельефа.

Левое ухо изображено в виде продолговатой овальной плоскости, отделенной от камня широкой и глубокой выемкой. Правое ухо едва намечено слабой выпуклостью в виде широкой запятой, повернутой в обратную сторону. Оба уха крайне схематичны, что также сближает это изваяние с таштыкскими масками, у которых если и встречаются изображения ушей, то в большинстве случаев весьма упрощенные.

Лицо на описываемой стеле носит четко выраженные черты метисного типа. Это, а также портретные особенности сближают его с некоторыми известными таштыкскими масками. Сходство это усиливается еще и тем, что часть шеи под подбородком оформлена так же, как у таштыкских «масок с бюстом».

Щеки отработаны неодинаково: правая является продолжением боковой плоскости камня, левая, с целью избежать неестественной ширины лица, оформлена глубокой (до 1 см) выемкой фона, благодаря чему боковая плоскость щеки значительно глубже уровня плоскости камня. Нижняя часть изваяния не несет следов какой-либо обработки, а потому нет основания думать, что ей была придана форма человеческой фигуры, подобно андроновско-карасукским стелам.

Итак, общий характер лица, изображенного на открытой нами стеле, как отметила уже Л. А. Евтюхова, «резко отличен от андроновских, карасукских и тюркских, но имеет много общего с таштыкскими погребальными масками»¹.

На основании всех этих признаков нашу находку следует отнести к таштыкской эпохе и признать ее новым видом скульптурных памятников этого времени, как результат переживания в таштыкском периоде карасукских традиций.

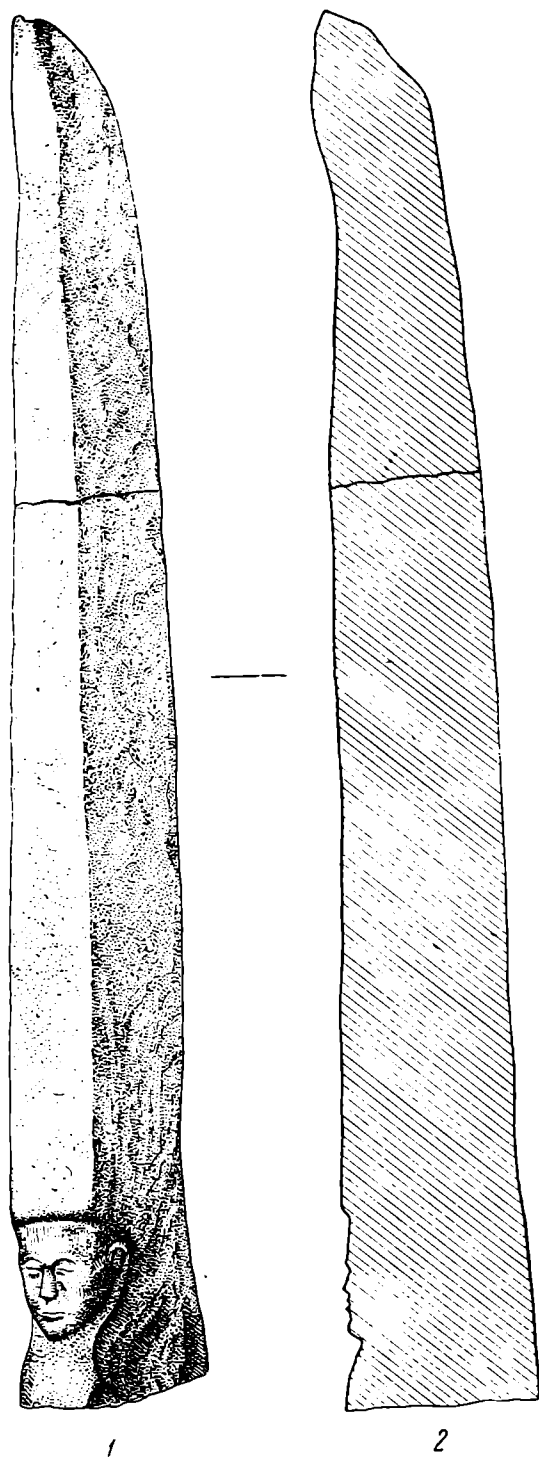

Рис. 72. Стела с лицом женщины из окрестностей улуса Кызласова: 1 — общий вид стелы; 2 — профиль стелы.

¹ Л. А. Евтюхова. Указ. соч., стр. 118.

Совершенно очевидно, что памятник этот представляет исключительный интерес, так как вводит в научный обиход новый вид стел, до сих пор не известных на территории Южной Сибири. В связи с этим необходимо

Рис. 73. Женское лицо на стеле у улуса Кызласова.

пересмотреть уже известную серию южносибирских изваяний и выделить из них такие, которые по ряду признаков можно связать с памятниками таштыкской культуры.

Е. П. ОРЛОВА

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ НАХОДКИ НА КАМЧАТКЕ

Археологический материал, относящийся к неолиту, обилен на Камчатке. По бухтам и заливам, в устьях рек, богатых рыбой, постоянно встречаются юртовища, свидетели былой жизни.

Часто приходится слышать, что то там, то здесь при обвале берега или при вскапывании огорода, проведении дороги и других земляных работах нашли каменный топор, скребок, копьё или наконечник стрелы. Иногда попадаются «жирники» — лампы-светильники, очень грубо сделанные из камня. Главным материалом, из которого в старину на Камчатке изготовляли орудия и оружие, был обсидиан, дымчатый кварц и кремнисто-глинистый сланец всевозможных оттенков — от черного до светлосерого. Изредка скребки и топорыки изготовлялись из зеленой яшмы.

Особенно богаты археологическими остатками окрестности Петропавловска, находки чаще всего встречаются здесь на склоне горы и на юго-западном склоне Мишенной сопки. Там мне удалось найти десятка полтора наконечников стрел, сделанных из обсидиана или дымчатого кварца. Длина наконечников стрел 2,5—3 см, ширина 0,8—1,2 см, при толщине 0,2—0,4 см. Обработка их очень тонкая.

В большинстве случаев основание имеет небольшую полулунную выемку, и тоньше остальной части. Очевидно, оно вставлялось в прорезь на верхнем конце древка стрелы.

Там же, на западном склоне Мишенной сопки, в обрыве дороги я обнаружила грубо сделанную жировую лампу-светильник (размером $25 \times 15 \times 6$ см) и два совершенно круглых камня (диаметром 4—5 см). Кроме того, там найдено два топорика из кремнисто-глинистого сланца, подобные тем, что изображены на рис. 74—1, 2. Длина их до 25 см, при ширине 4—7 см. При вскапывании огорода найден топорик из яшмы размером 9×4 см.

Юртовища — ямы на месте прежних поселений — дают нам право говорить, что лет 100—200 назад население Камчатки было несравненно более многочисленным, чем в настоящее время. Ямы эти квадратной формы с округленными углами (3×3 — 6×6 м). Они располагаются группами или, чаще, в два ряда, вытянутые в одну линию — улицу, вдоль старого русла реки.

В устье р. Хайрюзовской (Плахэн) — древнее селение тянулось на расстоянии 750 м. Жилища были расположены в два ряда, образующие правильную улицу вдоль правого берега старого устья реки. Современное устье реки отодвинулось к югу, а старое совсем высохло. Как и в настоящее время, в старину селения ительменов жались к реке. В устье р. Хайрюзовской мне пришлось быть в конце октября 1926 г.; земля сверху уже

замерзла, копать ее было очень трудно, поэтому пришлось ограничиться лишь обследованием юртовид.

На глубине 20—30 см, непосредственно под дерном и почвенным слоем, находился культурный слой, насыщенный древесным углем с редкими археологическими находками.

Река Хайрюзовская каждый год подмывает берега, и на местах обвалов выступают остатки прежних жилищ с большим количеством орудий каменного века. Для некоторых из них у современного населения сохранились

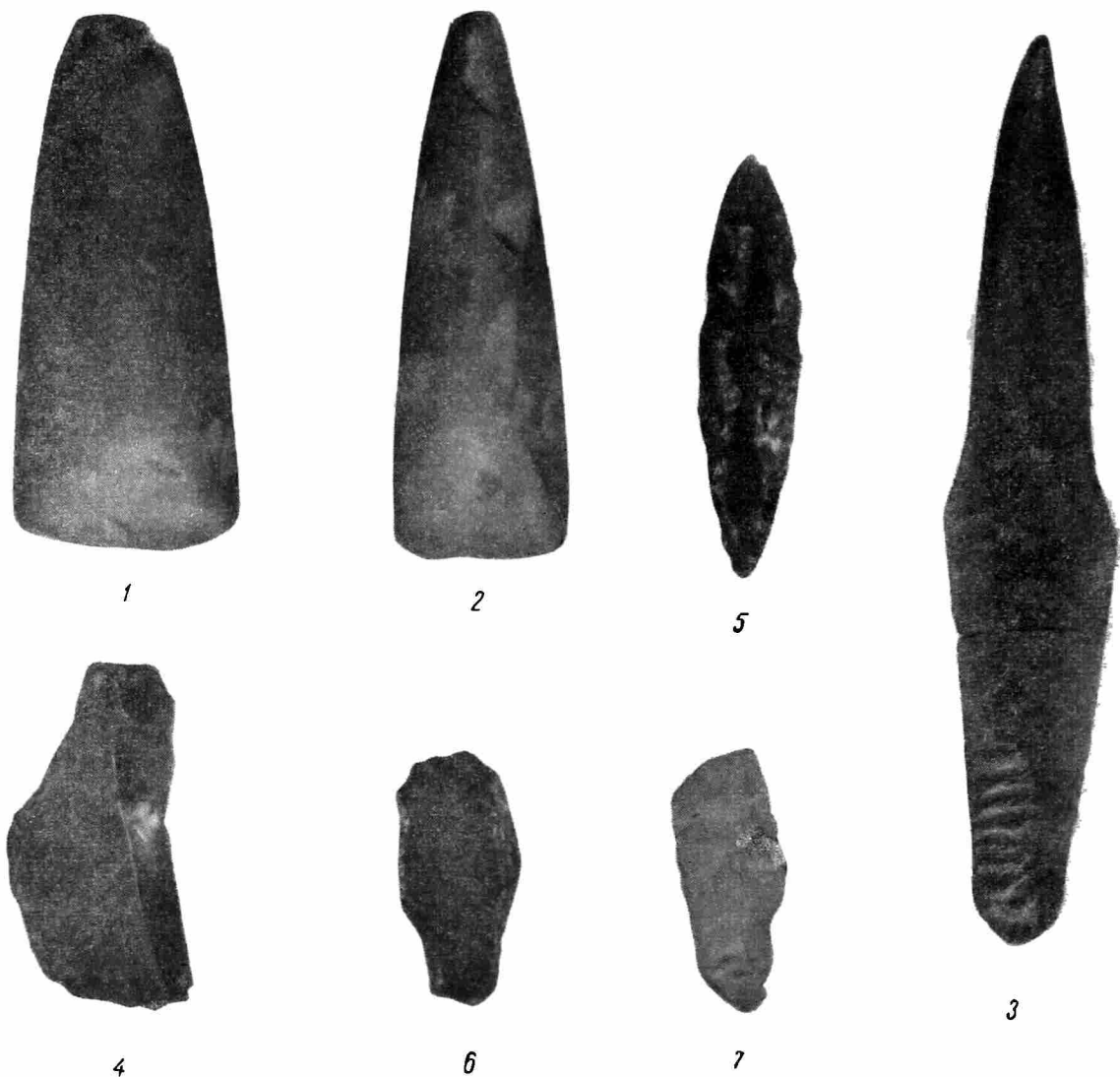

Рис. 74. Кремневые орудия с Камчатки.

даже названия и определения их назначения, например, «аут» — скребок для выделки шкур, «наколюшка» — «дырочки в шкуре делать» (см. орудия рис. 74 — 1, 2 и 5) и пр.

В коллекции, собранной мною в устье р. Хайрюзовской и переданной в Гос. музей этнографии (б. Русский музей), числятся следующие вещи.

№ 1¹. Нож из обсидиана. Длина 27 см, максимальная ширина 6 см, у широкого конца 3,5 см, по узкому — 0,5 м. Толщина орудия у широкого конца 1 см, по узкому — 1,5 см. Края широкого конца тонкие, режущие. Обработка орудия тщательная. Цвет обсидиана дымчатый с лиловатым

¹ Инвентарные номера Музея этнографии соответственно описанным нами орудиям — 4936-1 до 4936-7.

оттенком. Нож обнаружен при обвале берега р. Хайрюзовской (Плахэн) на глубине 1,5 м. Ительмены (камчадалы) говорили, что этим орудием можно, как обычным ножом, заколоть оленя, снять с него шкуру и пласть рыбу¹ (рис. 74—3).

№ 2. «Наколюшка» из обсидиана. Имеет вид ножичка или даже накочника. Длина 6,2 см, максимальная ширина 1,5 см, максимальная толщина 1 см. Обработка тщательная. Обнаружена при раскопке юртовища, на правом берегу старого устья р. Хайрюзовской (рис. 74—5).

№ 3. Скребок или женский ножичек из темного, в полоску, обсидиана. Грубо выполненный. Два продольных ската оформлены мелкой ретушью по краям. Длина 5 см, ширина 2,5 см, толщина 0,5 см. Нижняя поверхность слегка вогнута, верхняя выпукла. Удобен для выделки шкур мелких животных (рис. 74—4).

№ 4. Маленький скребочек из дымчатого обсидиана, в черную полоску. Длина 3,8 см, ширина 2 см, толщина 0,6 см. Слегка вогнутый. По краям мелкая ретушь (рис. 74—6).

№ 5. Ножичек из камня молочно-голубоватого оттенка (халцедон?) с перламутровым отливом. Длина 3,8 см, максимальная ширина 1,6 см, толщина 0,3 см. Края обработаны мелкой тщательной ретушью (рис. 74—7).

№ 6. Орудие из серого крепкого песчаника. Современное население называет подобные орудия аутами. Уверяют, что при их помощи выделывали раньше шкуры крупных зверей: ластоногих, оленя, медведя. Аут служит для снятия, соскабливания с мездры приставших кусочков жира, жилок и прочих лишних частей. Поверхность аута испорчена во многих местах. Длина 17,5 см, ширина 5,5 см, максимальная толщина 3 см (рис. 74—2).

№ 7. Аут из черного сланца, подобный описанному выше, с острым режущим краем. Режущий край в середине слегка выщерблен. Длина 16,5 см, ширина 7,2 см, наибольшая толщина 3 см (рис. 74—1).

Все орудия, за исключением № 1, найдены на месте прежнего юртовища вдоль правого берега старого устья р. Хайрюзовской.

Ительмены сел. Хайрюзова, Морошечного, Сопочного и других утверждают, что у истоков р. Сопочной сохранилась громадная юрта, сложенная из камней. Основание юрты находится в земле, а вершина выступает над землей. Вход в юрту находится сверху ее; на полу юрты, в абсолютном мраке, лежат трупы людей, одетых и завернутых в нарядные одежды.

Места прежних стоянок современные обитатели Камчатки указывают охотно и даже сами вызываются помогать при раскопках. Судя по рассказам и легендам, наиболее оживленная жизнь ительменов была в старину на р. Кульки (приток р. Тигиля) и около селений Палланы и Воямполки. Воямполка и Кульки — исходный пункт доброй половины легенд и сказок, которыми так богат ительменский эпос. Через Кульки и Воямполку проходят почти все легендарные герои Камчатки, там они проводят большую часть своей богатой приключениями жизни.

Следует привести один интересный факт.

В Ленинграде учился знакомый мне по Камчатке коряк из с. Карага — Ефим Шишкин. Я узнала, что его отец хорошо делал каменные орудия. Во время поездок по полуострову он брал мальчика с собой, рассказывал о том, как жили в старину люди на Камчатке, как делали орудия из камня, знакомил с породами камня, из которого можно хорошо делать «стрелки», копыя, ножи, скребки и пр. Учил, шутя, как нужно делать орудия. На вопрос, может ли Шишкин сам сделать копые или скребок из камня, он ответил утвердительно, но предупредил, что не всякий камень годится для этого. В музее он пересмотрел много камней; большая часть материала была

¹ Ср. С. И. Руденко. Культура доисторического населения Камчатки. — СЭ, I, 1948, стр. 166, табл. V, рис. 69.

им забракована, хотя мы и не замечали изъяна в камнях. Один кусок кремня он отобрал, сказав, что из него можно попробовать сделать копье. Предварительно на ночь он завернул камень в мокрую тряпку.

На другой день Шишкин достал кусок влажного кремня, сел, зажал камень между колен, другим камнем округленной формы уверенно ударил два раза и получил два нужных осколка. Затем взял в руки обрабатываемый кремень, осмотрел его и снова несколько раз ударил по нему. Когда камень приобрел форму наконечника копья, Шишкин стал наносить легкие удары камнем, который находился в его правой руке, зажав будущее орудие в левой. Вся операция продолжалась не более получаса, и перед нами предстал прекрасный образец лавролистного наконечника копья неолитического периода. Не было только мелкой ретуши по краям. По словам Шишкина, тщательная отделка и приострение краев орудий каменного века заново, когда они срабатываются, — дело рук женщин.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- ААЭ — Акты Археографической экспедиции
АС — Археологический съезд
ВДИ — Вестник древней истории
ГИМ — Государственный исторический музей
ГАИМК — Государственная академия истории материальной культуры
ДАИ — Дополнения к актам историческим
ДАН — Доклады Академии наук СССР
ЖМНП — Журнал министерства народного просвещения
ЗОРСА — Записки Отделения русской и славянской археологии Русского археологического общества
ИАК — Известия археологической комиссии
КПИ ИИМК — Комитет полевых исследований Института истории материальной культуры Академии наук СССР
КСИИМК — Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры АН СССР
КСИЭ — Краткие сообщения Института этнографии
МАВГР — Материалы по археологии восточных губерний России
МАК — Материалы по археологии Кавказа
МАР — Материалы по археологии России
МИА — Материалы и исследования по археологии СССР
МНИИ — Мордовский научно-исследовательский институт
ПИДО — Проблемы истории докапиталистического общества
ПСРЛ — Полное собрание русских летописей
РАНИОН — Российская ассоциация научно-исследовательских институтов общественных наук
СА — Советская археология
САГУ — Средне-Азиатский государственный университет
СГУ — Саратовский государственный университет
СЭ — Советская этнография
ФАН — Филиал Академии наук СССР
ESA — Eurasia Septentrionalis Antiqua
-

СОДЕРЖАНИЕ

Стр.

I. СТАТЬИ И ДОКЛАДЫ

<i>А. А. Формозов.</i> О времени возникновения различий между северными и южными культурами каменного века	3
<i>Е. И. Горюнова.</i> К истории городов северо-восточной Руси	11
<i>П. А. Раппопорт</i> и <i>В. В. Косточкин.</i> К вопросу о периодизации истории древнерусского военного зодчества	22
<i>М. А. Ильин.</i> Из истории военно-оборонительных мероприятий Московской Руси XVII века	29

II. ПОЛЕВЫЕ АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

<i>И. Г. Шовкопляс.</i> Добраничевская палеолитическая стоянка	32
<i>Т. М. Минаева.</i> Стоянка с микролитическим инвентарем на Черных землях	46
<i>Н. П. Кипарисова.</i> Чебаркульская неолитическая стоянка	54
<i>Д. Я. Телегин.</i> Яремовская неолитическая стоянка	61
<i>П. Д. Степанов.</i> Следы южной культуры эпохи бронзы в бассейне реки Мокши	66
<i>П. Д. Степанов.</i> Курганы эпохи бронзы у с. Пиксяси Мордовской АССР	74
<i>Р. Б. Ахмеров.</i> Памятники срубно-хвалынской культуры в Башкирии	81
<i>А. Е. Алихова.</i> Курганы эпохи бронзы у с. Комаровки	91
<i>М. И. Артамонов.</i> Археологические исследования в Южной Подолии в 1952—1953 гг.	100
<i>В. П. Шилов.</i> Раскопки Калиновского курганного могильника	118

III. МЕЛКИЕ СТАТЬИ И ЗАМЕТКИ

<i>А. П. Черныш.</i> Флейта палеолитического времени	129
<i>С. И. Успенский.</i> Верхнеокская неолитическая стоянка Турьинские Дворики	131
<i>А. В. Виноградов.</i> Неолитические украшения из створок раковин <i>Didacna</i>	135
<i>Е. К. Черныш.</i> Резцы с трипольских поселений	140
<i>Т. Г. Оболдуева.</i> Погребения эпохи бронзы в Ташкентской области	145
<i>Г. С. Мартынов.</i> Иссыкская находка	150
<i>А. Н. Липский.</i> Новый вид каменного изваяния из Южной Сибири	157
<i>Е. П. Орлова.</i> Археологические находки на Камчатке	163
Список сокращений	167

Утверждено к печати Институтом истории материальной культуры Академии наук СССР

Редактор издательства *М. Г. Воробьева.* Технический редактор *Е. Д. Гракова.*
Корректор *А. К. Бессмертная.*

РИСО АН СССР № 76—77В. Сдано в набор 30/XII 1954 г. Подп. к печ. 13/IV 1955 г. Формат бум. 70 × 108^{1/16}.
Печ. л. 10,5=14,38. Уч.-изд. 13,5. Тираж 2000. Т-00189. Издат. № 760. Тип. зак. № 7 Цена 6 р.

Издательство Академии наук СССР. Москва, Подсосенский пер., д. 21

1-я тип. Издательства Академии наук СССР. Ленинград, В. О., 9-я линия, д. 12.

ИСПРАВЛЕНИЯ И ОПЕЧАТКИ

Страница	Строка	Напечатано	Должно быть
4	5 сн.	пам'яткі	пам'ятки
6	9 сн.	Ізюмщіни	Ізюмщини
9	3 сн.	разщуки	розшуки
26	15 сн.	Последним	Наконец
29	14 сн.	чаясь	чаять
30	25 св.	попереч	поперек
35	8 сн.	стоянка	стоянки
40	5 сн.	Палеолитична	Палеолітична
43	Подпись под рис. 11	кости с Дабраничевской	кремня с Добраничевской
44	Подпись под рис. 12	морпон	морион
55	15 сн.	ямшы	яшмы